

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

Д 248
143

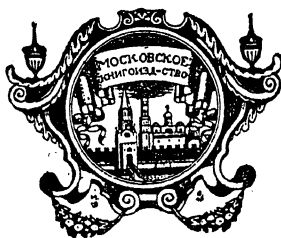
ТОМЪ VI.

ТѢНИ ЛЮБВИ.

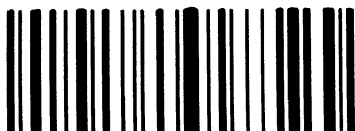
РАЗСКАЗЫ.

«МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО».

Типография „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мъщанская, 5.

2007338339

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Элли	5
Горе грѣха	21
„Старый мужъ, грозный мужъ“	51
Послѣ	73
Сказка про Антона Ивановича	87
Зеленый домикъ	111
Баркаролла	125
Сильныѣ смерти	139
Простая исторія	149
Ночью	165
Ревизія	177

Э Л Л И.

I.

Старый помѣщикъ закуриваетъ сигару и говоритъ намъ:

— Ну, да, да, вы меня просите. Быть такъ, расскажу вамъ эту исторію съ золотымъ браслетомъ, висящимъ у меня на рукѣ.

Вотъ вы, Марья Львовна, чего добраго, думаете, что я виверъ, левъ, былой Донъ-Жуанъ? Нисколько. Я любилъ только одну женщину, любилъ безумно, въ теченіе двадцати лѣтъ, съ самой школьной скамьи, но она не любила меня, и не было суждено сойтись намъ вмѣстѣ.

Да и кто это сказалъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не получаетъ въ жизни ту, которую онъ любитъ первой любовью? Вѣдь, если бы это случалось въ жизни, наша земля походила бы на рай. Надѣюсь, этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ? Вы не находите? Что?

Да, конечно, вы знаете, существуетъ легенда, будто Господь нашъ Богъ услышалъ только единого человѣка въ мірѣ и далъ ему его первую любовь. Но и это соединеніе оказалось непрочнымъ: женщина подвела его въ чемъ-то, и они принуждены были бѣдствовать безумно. Нѣтъ, я не шучу, я рассказываю вамъ почти историческій фактъ: вспомните нашихъ прародителей. Кромѣ нихъ, я не могу назвать ни одной пары, которая сошлась бы въ своей первой любви.

Итакъ, на землѣ нашей не можетъ быть и рѣчи насчетъ *первой* любви; слѣдуетъ говорить лишь о любви второй—и вторую мою любовь звали Элли. Нѣтъ, не безпокойтесь—это была не жена. Мою жену, какъ вы знаете, тоже звали Еленой,—но Еленой Лаврентьевной.

Итакъ, Элли. Вотъ, я вижу, снова Марья Львовна киваетъ мнѣ головой и думаетъ про себя: этакій-то ловеласъ, да красавецъ, да чтобъ любилъ только трехъ женщинъ. Ну, я, конечно, въ свое время былъ не хуже чорта, имѣлъ состояніе, которое, какъ рассказывалъ про меня, я прокурилъ на сигары, но увѣряю васъ всей своей фамильной честью: только трехъ.

Да, этотъ золотой браслетъ, запаянный въ знакъ вѣчной любви на моей рукѣ, я получилъ отъ Элли.

II.

Жилъ я подъ Москвой, въ обществѣ родителей, былъ порядочнымъ сорванцомъ, одѣвался три-четыре раза въ сутки и, сказать по секрету, среди товарищей имѣлъ званіе: *arbiter elegantiarum*. Но я былъ скромень, честное слово. Я не мѣнялъ своихъ убѣжденій, какъ перчатки, и былъ приверженъ къ строгимъ семейнымъ домамъ.

Одинъ домъ мнѣ нравился въ особенности. И судите о моемъ безкорыстїи: подполковникъ-отецъ, почтенная мать съ флюсомъ и тридцатипятилѣтняя дочь Минодора Васильевна.

Да, фамилія ихъ была—Тихоновы. Ти-хо-но-вы!—не псевдонимъ. Одинъ визитъ мой къ нимъ остался у меня въ памяти.

Прїѣхалъ я какъ-то къ Тихоновымъ подь осень. Вхожу. Въ гостиной масса народу. Подполковникъ, конечно, рассказываетъ о послѣдней кампанїи, въ которой онъ «былъ два раза смертельно раненъ»,—всѣ домочадцы напуганы, только одна дѣвочка, смотрю, хохочетъ себѣ не стѣсняясь въ темномъ уголкѣ. Я даже подошелъ посмотреть: кто это, дескать, такая неуважительная? Смотрю: орѣховые глазки, косичка теменькая, щеки розовыя, виски—алебастръ!.. Боже мой, я никогда ни у кого въ мірѣ не видалъ такихъ блѣдныхъ висковъ. Подхожу, здороваюсь: одиннадцатилѣтняя дѣвочка, въ клѣтччатомъ платицѣ, съ этакимъ бантомъ. Я чуть не вскрикнулъ отъ восторга, когда увидѣлъ крохотную ямочку на ея локоткѣ. Однако одиннадцать лѣтъ—это уже барышня. Припомните только, что рассказываетъ объ этомъ возрастѣ Зола! Я подошелъ, изысканно поклонился, спрашиваю: о чемъ это она такъ весело?—Можно ли присѣсть около?—добавляю я.

И вотъ барышня встаетъ съ дивана, сдвигаетъ брови, строго опускаетъ глаза и говоритъ сурово:

— Нѣтъ!

И отходитъ прочь.

Я смотрю: она отходитъ къ столу, садится къ хозяйской дочери и беретъ за ея руку. На меня она не взглянула ни разу. «Нѣтъ!»—вотъ все, что я слышалъ отъ нея въ тотъ вечеръ. Сказала—и отрѣзала. Нечего скры-

вать, господа,—я долженъ признаться, что я ей не понравился.

А вѣдь это и была Элли.

III.

Во второй разъ я увидѣлъ ее только черезъ пять лѣтъ.

Не помню, други, какъ это столько времени проскочило. То, да се, да ученье, да экзамены, да смерть бабушки-камергерши, которой я боялся какъ тарантуловъ (она собственно и оставила мнѣ свое состояніе), да думы о новой жизни, по окончаніи государственныхъ экзаменовъ,—словомъ, забылъ я объ Элли, точно на аспидной доскѣ грифель стеръ.

Я уже, господа, служилъ тогда въ департаментѣ. «Только на государственной службѣ познаешь истину»,—сказалъ Козьма Прутковъ. Правда, я приписанъ былъ, лишь для почета, чиновникомъ особыхъ порученій къ дядюшкѣ Назару. Что? Нѣтъ,—жалованья я за свое старанье не получалъ.

Дядюшкины балы были великолѣпны.

Это, вѣдь, было совсѣмъ не то, что официальные рауты важнаго чиновника: тамъ все больше звѣзды, да ордена, да подагра, да ленты; у насъ тоже бывали ленты, но совсѣмъ иного,—болѣе милаго и легкомысленнаго свойства. А сколько, господа, глазъ! Господь, праведный Богъ, только у московскихъ дѣвушекъ бываютъ такіе свѣтлые и радостные глаза! Ну, понятно же, я танцевалъ такъ, какъ только полагалось дворянину еще съ XIV вѣка: у меня для этой цѣли были и нѣмцы, и французы, а бабушка,—такъ та прямо говорила: «Какой же ты дворянинъ, коли не умѣешь *т-х-анце-вать?*..» Да и

нечего скрывать, я танцевалъ тогда съ упоеніемъ. Это только теперь, по случаю ревматизма, я понялъ, что танцы—суета. А раньше бывало, заявившись въ парижскомъ фракѣ, въ петлицѣ какая-нибудь растительность благоухаетъ,—безъ обиняковъ скажу: московскія невѣсты конфузились... Ну, вотъ!—на одномъ такомъ дядюшкиномъ балу я и встрѣтился съ Элли.

IV.

Признаться, сначала даже не могъ, къ стыду своему, и вспомнить, кто передо мной. Только потомъ уже, когда взглянулъ на алебастровые виски, меня озарило: Боже мой, вѣдь это же та дѣвочка съ темной косичкой, съ ямочкой на локоткѣ, которая сказала мнѣ разъ когда-то:

— Нѣтъ!

Ну, ну, это была она; но теперь ужъ мнѣ не было странно, что я ее не сразу вспомнилъ: подумайте, вѣдь то было пять лѣтъ назадъ, ей всего было одиннадцать лѣтъ, она была тогда маленькой Лелечкой, игрушечкой, птенцомъ... Теперь же передо мной стояла дѣвушка, прекрасная, благоухающая, какъ мимоза, съ прозрачной кожей лица, вся прозрачная и свѣтлая, какъ утренняя заря.

Боже мой, я тонулъ въ очарованіи. Я все смотрѣлъ на ея виски, Боже мой!

— Узнаете ли вы меня?—спросила она.

Я вострепенулся не сразу.

— Да, узнаю!—отвѣтилъ я угрюмо. Мнѣ было страшно и горько, что безъ меня, въ моемъ невѣдѣніи, расцвѣла эта чарующая, неотразимая красота. Ощущали ли вы когда-нибудь въ самомъ *сердцѣ души* чув-

ство острой грусти, когда вы видите передь собою сверхчеловѣческую красоту? Не напоминаетъ ли она вамъ о томъ, что въ мѣръ *еще не все* пришло, что въ немъ что-то еще осталось недосказаннымъ, что какое-то новое обѣщаніе Божьей улыбки идетъ въ мѣръ, и что когда-то если не мы, то дѣти дѣтей нашихъ увидятъ... Но для этого надо святѣе искать красоты; надо отбросить условности... надо...

— Алексѣй Олеговичъ!.. — негромко вмѣшалась наша хозяйка.

— Ахъ, да, виноватъ!..—быстро спохватился помѣщикъ.—Виноватъ, я расчувствовался... Понятно, старый романтикъ, сентиментальный капуцинъ, идеалистъ... Ну, не буду, не буду...

— Итакъ, я былъ пораженъ,—громко сказалъ онъ, продолжая рассказъ.—Передо мной стоитъ дѣвушка, олицетвореніе мечты, а я стою передъ нею въ нѣмомъ, растерянномъ восхищеніи.

— Да, я узнаю васъ,—вотъ, что я могъ сказать въ первое время. Вскорѣ я, однако, пришелъ въ себя, но ея уже не было.

— «Узнаете ли вы меня?»—Это все, что было вокругъ меня на ея мѣстѣ, что еще дрожало въ воздухѣ. Я пошелъ куда-то впередъ, все по полосѣ аромата мимозы, который стоялъ въ воздухѣ и тянулся, какъ снопъ луча. Я вошелъ въ залу—и съ внезапной остротой исчезъ запахъ мимозы. Въ залѣ было тѣсно отъ танцующаго народа, пахло пылью, приторными духами, но не было радостнаго дыханья цвѣтка, похожаго на вѣтеръ, доносящійся утромъ съ васильковыхъ полей.

Вскорѣ я увидѣлъ Элли, и еще болѣе охватило меня чувство горечи. Она танцевала съ какимъ-то полнымъ господиномъ съ значкомъ присяжнаго повѣреннаго, и я

видѣлъ, какъ его красная, вспотѣвшая жилистая ладонь лежала вокругъ ея талии, похожей на сонь.

— Всесильный Господь!—сказалъ я себѣ и поблѣднѣлъ отъ бѣшенства.—Этотъ тучный, запыхающійся господинъ обнялъ мою мечту и положилъ на ея талию красную руку, и никто не протестуетъ, никто не оскорбляется и не гонитъ этого повѣреннаго, хотя онъ безбожно нарушаетъ самое первое чувство, озаряющее все въ мірѣ,—чувство красоты! Да и она, моя милая, прозрачная, со всей своей небесной гармоніей движеній и очертаній, не протестуетъ противъ этихъ, дозволенныхъ закономъ объятій!..

Я смотрѣлъ за ними въ неописуемомъ волненіи. Господинъ былъ толстъ, какъ боровъ, шея его была съ двумя подбородками, волосы жирны и висѣли ключьями. Однако, онъ танцевалъ съ нею! И разъ танцевалъ, и именно съ ней,—то это значило, что у него были на этотъ счетъ свои особыя, несомнѣнно, юридическія соображенія. Я отлично видѣлъ, какъ было трудно ему танцевать, но разъ онъ такъ поступалъ, значитъ считалъ танцы необходимымъ условіемъ своихъ намѣреній... Что, если онъ думаетъ... Но она, Боже мой, она,—какъ она не видитъ?!—растерянно кричалъ себѣ я.

Я такъ былъ пораженъ всѣмъ этимъ, что только ходилъ за ними изъ комнаты въ комнату и не отвѣчалъ на разспросы барышень. Когда же Элли вдругъ разъ обернулась на меня,—я смѣшался до того, что опрометью бросился въ танцевальную залу и впопыхахъ пригласилъ на вальсъ, вмѣсто дамы, начальника казенной палаты! Впрочемъ, это было сочтено за шутку.

— Боже мой, однако же, она все ходитъ и ходитъ съ нимъ подъ руку!—въ умирающемъ волненіи твердилъ я.

V.

Я страдалъ. Я терзался. Я былъ уничтоженъ.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы подумайте: эта дѣвушка съ волшебными орѣховыми глазами, съ непорочною таліей, съ бѣлоснѣжными висками, полная невинности и самой ранней, единственной свѣжести, танцевала съ тучнымъ сорокалѣтнимъ присяжнымъ повѣреннымъ!

— Что, если,—говорилъ я себѣ, растерянный и подавленный,—что, если въ головѣ у него только гражданскія и уголовныя дѣла, только кодексъ о пресѣченіяхъ и сенатскія разъясненія? И, однако, никого не поразило бы, если бы онъ черезъ мѣсяцъ или два обвинчался въ церкви съ этой блѣдной, незнающей дѣвушкой и потомъ, пыхтя отъ одышки, ночью подошелъ бы къ ней и... Нѣтъ, вѣдь существуетъ же гармонія природы, существуетъ святость красоты, очарованіе прекраснаго? Какъ же небо допускаетъ все это? Какъ это высшая справедливость находитъ естественнымъ, что около самаго святаго, что обновить, въ концѣ-концовъ, землю, могло появиться и рушить эту святость что-то ординарное, тупое, подержанное и потертое!

— Вы скажете, что не всѣмъ же быть красавцами? Боже мой, я же не разумѣю одну физическую красоту,—пускай будетъ красота нравственная, духовная, пускай будетъ, хотя приблизительное, соотвѣтствіе цѣнностей,—но невинность и уставъ о пресѣченіи, разъясненія случаевъ покражъ... Не отъ этого ли такъ ужасны наши браки?..

— Алексѣй Олеговичъ!..—во второй разъ остановила его хозяйка дома.

— Виноватъ, я къ дѣлу,—быстро отвѣтилъ онъ.— Я сейчасъ.

...Итакъ, я страдалъ, я мучился... Я ходилъ за ними изъ угла въ уголъ, я съ ненавистью разсматривалъ спину присяжнаго повѣреннаго, критиковалъ каждую складку на его фракѣ, трещинку на лакированномъ башмакѣ. Боже мой, у него трещина на башмакѣ, а она танцуетъ съ нимъ!—горестно восклицалъ я. Право, меня приводило въ безуміе то, что она гуляла съ нимъ такъ неотступно, и именно послѣ того, какъ сказала мнѣ,— узнаете ли вы меня?..

— Нѣтъ, ну, какъ она могла гулять съ нимъ послѣ этого? Я бѣшено сжималъ кулаки, я разбиралъ ея фразу по словамъ, по буквамъ, букву за буквой; я находилъ въ ней затаенный, сокровенный смыслъ, полупризнаніе, осторожный намекъ, наконецъ, цѣлое и открытое признаніе любви.—Узнаете ли вы меня?—повторялъ я на разные лады.—Да, конечно, это было сказано съ умысломъ, она влюблена, она давно втайнѣ любитъ меня, она, можетъ быть, цѣлыя ночи простаивала передъ моимъ окномъ, она меня полюбила съ перваго взгляда,— пять лѣтъ тому назадъ!

— Пять лѣтъ назадъ!—кричалъ я безмолвно.—Слышишь ли ты это,—ты... присяжный повѣренный?!

VI.

Съ каждымъ получасомъ я все больше терялъ голову. Я подсматривалъ за ними, какъ самый низкій шпионъ. Когда толстый адвокатъ налилъ Элли содовой воды,—клянусь,—я едва не выбилъ стаканъ изъ его руки. Смѣетъ онъ наливать ей содовую воду?!—Самое простое было, однако, пригласить ее на танецъ и объяснить,—но мнѣ не хотѣлось этого,—больше того,—я не могъ такъ поступить.

— Какъ?—говорилъ я себѣ.—Чтобы ты положилъ свою руку на ея талию, гдѣ уже лежала эта красная волосатая лапа?!. Ни за что!

Я рѣшился ждать: вѣдь отойдетъ же когда-нибудь этотъ неутомимый адвокатъ. Не могло же быть, чтобы у него не было слабостей.—Можетъ быть, онъ курить, чортъ его возьми,—говорилъ я.

Наконецъ-то я дождался. Повѣренный, дѣйствительно, отправился покурить, и я сейчасъ же занялъ его мѣсто. Ужь, конечно, я былъ измученъ и блѣденъ,—она посмотрѣла на меня съ изумленіемъ. Но, нѣтъ, я видѣлъ и еще что-то, что незримо сближало насъ. Что ни говорите, а какія-то мистическія неразрывныя путы связываютъ иногда одного чужого человѣка съ другимъ. И я видѣлъ,—клянусь вамъ!—я видѣлъ, какъ странно она посмотрѣла на меня, еще когда я подходилъ.

Я подходилъ къ ней и впитывалъ въ себя сіяніе ея глазъ, прозрачность висковъ и тонкій, жутко возбуждающій ароматъ мимозы. Приближался—и видѣлъ затаенный отвѣтный огонь въ ея глазахъ.—Боже мой, мнѣ страшно!—твердилъ я себѣ.—О, какая вы стали красавица!—сказалъ я ей уже громко.

Губы ея поблѣднѣли, она склонила голову.

— Радость моя, вѣдь это же о *васъ* я думалъ ночами; я не помнилъ, что когда-то ранѣе видѣлъ васъ, но *ваше*—и ничье другое—лицо стояло передъ моею душою! Какъ красивы вы, и какъ прекрасенъ Богъ, васъ создавшій! Удивительное дѣло, какъ люди не умѣютъ цѣнить красоту и поклоняться ей! Вотъ, я смотрю на васъ, на ваши брови, на губы, на мраморную блѣдность висковъ—и думаю: о, какъ же они не понимаютъ!.. Какъ не понимаютъ они, что красота обязываетъ; она обязываетъ

ваеть относиться къ ней бережно и свято; она требуетъ, чтобы снялъ обувь отъ ногъ своихъ подходящей къ купинѣ. Или они, въ самомъ дѣлѣ, могутъ оставаться слѣпыми передъ Божьей мечтою? Или они думаютъ, что красота дается имъ даромъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—сказаль я,—какъ слѣпы люди, какъ слѣпы!..

Она слушала меня, не поднимая глазъ, и все молчала.

Я приблизился къ ней и довѣрчиво взялъ за руку.

— Подумайте,—негромко сказалъ я.—Я еще не могу забыть, какъ стоялъ около васъ и говорилъ съ вами этотъ толстый краснолицый человѣкъ. Зачѣмъ онъ обнималъ вашу талію въ танцѣ? Или это такъ принято? Но, вѣдь, не сажаете вы рядомъ съ нѣжной фіалкой репейникъ или лопухъ? Почему садовникъ тщательно убираетъ его прочь отъ цвѣтка, а человѣка не уберегаютъ: вѣдь я же видѣла, какъ лежала на вашей таліи его грубая рука.

— Я его не видѣла,—сказала она медленно и поблѣднѣла.—Я не видѣла его, клянусь вамъ! Я видѣла кого-то другого, несмотря на то, что онъ все время былъ подлѣ меня...

— А почему вы говорите объ этомъ?—вдругъ спросила она и откинула голову, и шопотъ ея замеръ въ самой глубинѣ моего сердца. Умерло все вокругъ меня, клянусь вамъ! Руки ея раскинулись,—о, эти непорочные, блѣдные дѣвичьи пальцы!..

— Я боюсь,—отвѣтилъ я тихо и предостерегающе.—Я боюсь въ вашей жизни страшнаго! Я боюсь, чтобы не случилось въ ней чего-нибудь такого, что могло бы оскорбить вашу красоту. Я не вижу никого, васъ достойнаго! Я не вижу, кто смѣлъ бы приблизиться къ вамъ! Кто будетъ такой, чтобы дотронуться до вашихъ волосъ, кто будетъ такой, чтобы поцѣловать ваши глаза?..

— Кто будетъ?—медленно переспросила она и вдругъ повернулась ко мнѣ всѣмъ своимъ безумно поблѣднѣвшимъ даже въ сумракѣ гостиной лицомъ.—Кто будетъ?..—Она поднялась, отвернулась и словно вздохнула:

— Вы!..

Разсказчикъ умолкъ. Мы сидѣли въ очарованіи.

VII.

— И все это я налгалъ!—вдругъ говоритъ онъ громко.

Въ комнатѣ раздался стонъ. Да, прямо-таки, стонъ, точно цѣлую толпу ударили въ головы. Многіе не сразу поняли его послѣднюю фразу. Не сразу вскинули глаза. Потомъ на стараго помѣщика обращается туча оскорбленно-недоумѣвающихъ взглядовъ.

— Да, извините меня,—сказалъ помѣщикъ немного сконфуженно.—Я не зналъ, что вы примете такъ къ сердцу все это, но что дѣлать,—я долженъ повторить: дѣйствительно, я солгалъ. Въ жизни совсѣмъ было по-другому: Элли выслушала меня безъ волненія и сказала:

— Да, я очень жалѣю васъ и сочувствую, но Павелъ Никитичъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе.

Изъ деликатности она умолчала, что онъ имѣлъ въ Москвѣ нѣсколько домовъ, но свадьба ихъ состоялась въ томъ же мѣсяцѣ. Дома не были заложены, честное слово. Долженъ это прибавить, какъ мнѣ ни горько.

— Но позвольте... позвольте,—заговорили мы вдругъ и задвигали стульями.—Позвольте, что же значить вашъ первый конецъ? Что значить вся эта насмѣшка надъ

нами, мистификація? Надѣюсь, мы не заслужили того, чтобы...

Старый помѣщикъ оглядѣлъ насъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

— Право, господа,—сказалъ онъ миролюбиво.—Я вовсе не ожидалъ, что васъ всѣхъ такъ заинтересуетъ моя повѣсть. Однако, долженъ чистосердечно сказать, у меня и въ помыслахъ не было желанія посмѣяться: это же совсѣмъ не смѣшно.

— Вы подумайте,—проговорилъ онъ уже грустно и опустилъ голову.—Скажите по совѣсти,—развѣ въ нашемъ мірѣ есть теперь любовь? Гдѣ рыцари, поклоненіе дамѣ, мейстерзингеры, странствующие пѣвцы любви, гдѣ барды, Ромео, золотые кубки королей—подарки возлюбленныхъ? Развѣ все это не замѣнили собою солидные незаложенные дома?

— Нѣтъ, нѣтъ,—не протестуйте!—добавилъ онъ, уже горячась.—Я рассказывалъ вамъ шутя, а рассказъ мой не шутка! Отвѣтите мнѣ, куда же это въ самомъ дѣлѣ подѣввалась любовь изъ міра,—почему дѣвушки и юноши проходятъ мимо Божьей красоты и не загораются ея радостью, и не совершаютъ подвиговъ, и не плачутъ, и не бросаются на колѣни, а сначала идутъ къ родителямъ и освѣдомляются о приданомъ?

VIII.

— Вы скажете: борьба за существованіе.—Боже мой, да, вѣдь, всегда же было трудно жить и всегда была борьба за существованіе; но почему нынѣ исчезла въ людяхъ и радость; почему всѣ такъ сѣры, скучны и разсудительны,—до того сѣры, что надо подь микроско-

помъ изслѣдовать—осталась ли въ насъ душа? Замѣтьте, если даже теперь мы и измѣняемъ другъ другу,—то съ какой же это дѣлается лѣнью, Боже мой!.. Не правда ли, Марья Львовна?

— Да, правда,—отвѣчала хозяйка.

— Ну, вотъ, я все это и нагаль,—повторилъ помѣщикъ въ третій разъ.

— Но, позвольте,—а браслетъ?..—вдругъ спрашиваетъ кто-то изъ насъ торжествующимъ голосомъ. И мы всѣ радостно подхватываемъ эту улику.—Да, да,—браслетъ!—А браслетъ, запаянный на вальей рукѣ въ знакъ нескончаемой любви?

— Браслетъ?—переспросилъ старый помѣщикъ и прищурился.—А браслетъ я купилъ у своего ювелира,—просто объяснилъ онъ.—Ювелиръ же мнѣ и запаялъ его, по моей просьбѣ. А, впрочемъ, если не вѣрите,—вотъ доказательство. Я всегда его ношу съ собою, когда рассказываю эту исторію.

Онъ вынулъ бумажникъ и показалъ намъ затертую расписку.—«Я, ювелиръ такой-то,—стояло въ ней,—продалъ такому-то браслетъ червоннаго золота, и я же, по желанію покупателя, собственноручно запаялъ оный на его правой рукѣ».

Мы сидѣли придавленные и не знали что думать.

— Однако, господа,—сказалъ помѣщикъ, прощаясь съ нами.—Вопросъ все же остается вопросомъ,—если бы я даже и не солгалъ... Ну, представьте себѣ, что я не солгалъ...—добавилъ онъ значительно, и мы растерянно переглянулись, и иные слабо вскрикнули и поблѣднѣли, и привстали съ своихъ мѣстъ.

— Да, пускай будетъ все правда о моей несравненной Элли.—Голосъ рассказчика дрогнулъ, и онъ отвернулся.—Но это останется лишь исключительнымъ слу-

чаемъ, однимъ на десятокъ тысячъ... и только... А если все разсудить по существу...

— Алексѣй Олеговичъ,—взмолились мы, наконецъ. —Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же правда, скажите! Правда это про Элли или нѣтъ?

— Ну,—правда!..—отвѣтилъ онъ намъ, надѣвая шляпу, и мы облегченно вздохнули. Стало словно свѣтлѣе и радостнѣе въ комнатѣ; словно цвѣтами запахло.

— Однако, господа, вопросъ все же остается открытымъ:

— Отчего мы въ самомъ дѣлѣ разучились любить?..

ГОРЕ ГРѢХА.

Свѣтлой памяти А. П. Чехова.

I.

Надежда Павловна торопливо одѣвалась въ своемъ будуарѣ. Въ кружевномъ платьѣ, стоившемъ около тысячи рублей, въ высокой модной прическѣ и огромной шляпѣ, накладывавшей замѣтную тѣнь на верхнюю половину лица, она казалась себѣ самой красивой женщиной въ мірѣ. Надменная улыбка плавала на ея губахъ, когда она смотрѣлась въ зеркало. Любила она въ себѣ и безукоризненное изящество линій лица, и яркія, точно накрашенныя, губы, и безмятежно ровный матовый цвѣтъ висковъ. Но всего больше ей нравились ея голубые глаза. Казалось, всегда они пламенѣли и въ то же время были полны слабой, безпомощной покорности, такъ очаровывавшей мужчинъ.

Окончивъ свой туалетъ, Надежда Павловна еще разъ опрыскала себя англійскими духами и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери будуара. Черезъ полчаса ей слѣдовало быть въ одномъ мѣстѣ, и она запоздала.

Поэтому она нахмурилась, и подвижное лицо ее выразило неудовольствие, когда на пороге комнаты она столкнулась с Петром Николаевичем, ее мужем, красивым, молодым, с близорукими, тоже голубыми, глазами и розовым лицом, похожим на женское.

— Куда-то ѣдешь?—мягко спросил Петръ Николаевичъ.—На долго?

Надежда Павловна нервно пожала плечами.

— Ну да, ѣду,—нетерпѣливо бросила она.—Разспросы, приставапія... Ты знаешь, я не люблю.

Петръ Николаевичъ какъ-то особенно усмѣхнулся; Надежда Павловна чуть замѣтно вздрогнула и сказала, торопясь:

— Я думала, что тебя нѣтъ дома.

— Я только что пріѣхалъ...—Онъ говорилъ медленно, какъ будто лѣнливо.—Мнѣ хотѣлось съ тобой поговорить. Впрочемъ, тебѣ необходимо ѣхать.

Онъ такъ подчеркнул «необходимо», что Надежда Павловна поглядѣла на него встревоженно. Но лица мужа ей не было видно: наклонившись, онъ цѣловалъ ее маленькую руку съ острыми ногтями, похожую на кошачью, всю унизанную кольцами и сверкавшую. Стоявшіе на каминѣ часы пробили полдень. Надежда Павловна взглянула на часы съ безпокойствомъ. Петръ Николаевичъ выпустилъ ее руку и, медленно отойдя, сѣлъ въ кресло.

— Поѣзжай... что же,—съ длиннымъ зѣвкомъ проговорилъ онъ.

Голосъ его неприятно разнесся по маленькой комнатѣ, сплошь уставленной дорогами бездѣлушками; ламповый тюльпанъ слабо зазвенѣлъ тоскливымъ звукомъ... Надеждѣ Павловнѣ вдругъ сдѣлалось страшно, и она

рѣшила прикрыть нахлынувшее на нее чувство рѣзкостью.

— Что за разговоры?—крикнула она.—Вы стали вести себя какъ послѣдній мѣщанинъ! Неужели ужъ вы совсѣмъ отвыкли отъ порядочности?

Она рассчитала, что наступилъ удобный моментъ выѣхать изъ дому. Съ дѣланной небрежностью она сорвала съ письменнаго стола свою сумочку и направилась къ выходу, но по дорогѣ запнулась за коверъ.

— Римлянинъ вернулся бы назадъ!—шутливо уронилъ Петръ Николаевичъ.

Надежда Павловна обернулась и увидѣла, что онъ сидитъ блѣдный, съ унылымъ лицомъ, и его шутка показалась зловѣщей... Хотѣла было остановиться, чтобы потребовать у мужа объясненій, но вспомнила, что опоздала, и, махнувъ рукой, поспѣшно вышла изъ комнаты.

И сейчасъ же ее охватила робость... Она какъ будто избѣгала объясненій съ мужемъ. Ей пришло въ голову, что онъ можетъ истолковать себѣ это для нея невыгодно... И она подалась къ будуару, гдѣ слышалось какое-то необычное покашливанье Петра Николаевича, точно онъ задыхался. Сердце ея сжалось отъ мучительнаго предчувствія, но сейчасъ же что-то иное родилось въ умѣ, и она восторженно улыбнулась.

— Сейчасъ... иду!..—точно отвѣчая на чей-то тайный зовъ, сказала она.

И вышла въ прихожую.

Ожидала ее горничная Таня. Она подала Надеждѣ Павловнѣ дорогой, спитый по послѣднимъ моднымъ картинкамъ, сакъ и забѣжала впередъ, чтобы отворить двери.

Надежда Павловна остановилась предъ ними недвольная.

— Зонтикъ забыла я, Таня,—сказала она горничной.

«Римлянинъ вернулся бы назадъ»,—вспомнилось ей, и жуткое, тоскливое чувство обожгло мозгъ. Ей и въ самомъ дѣлѣ стало страшно ѣхать.

Мысль, что Петръ Николаевичъ какъ-то особенно капляеть въ ея будуарѣ, что у него передъ ея выходомъ было такое страшное, унылое лицо, спутала ей ноги. Но подошла Таня съ зонтикомъ и вперила въ нее свои, полные любопытства, маленькіе калмыцкіе глаза. Надежда Павловна пожала плечами и вышла на улицу.

II.

Извозчиковъ подлѣ не было; пришлось пройти довольно много по тротуару, прежде чѣмъ попалась на дорогѣ пролетка. Надежда Павловна сѣла въ нее не торгуясь и съ трепетомъ слѣдила за движеніемъ часовой стрѣлки, уже давно пробѣжавшей цифру двѣнадцать... Постепенно, убаюкиваемая рессорами, она нѣсколько ожила и улыбнулась; въ ухахъ уже не слышался сдавленный кашель мужа, и на душѣ стало ровнѣе.

Она подъѣхала къ одному дому на Трубной площади и щедро расплатилась съ извозчикомъ; послѣ этого оправила на лицѣ темный вуаль и съ замираніемъ сердца скользнула мимо расфранченнаго швейцара вверхъ по лѣстницѣ. На третьемъ этажѣ, въ полутемномъ уголкѣ, передъ дверью стоялъ человекъ въ котелкѣ, весьма приличной наружности,—очевидно, лакей. Увидавъ вошедшую даму, онъ засуетился, началъ кланяться и подаль ей ключъ. Чувствуя дрожь по всему

тѣлу, Надежда Павловна протянула руку и взяла его.

— Постучать три раза,—лѣниво сказалъ человѣкъ въ котелкѣ.

Онъ толкнулъ рукою дверь, та открылась. Надежда Павловна робко вошла въ комнату, и слышны были въ дверь удалявшіеся шаги лакея.

Внезапное омерзѣніе мгновенно заполнило ея душу, и комната, куда вошла она, показалась отвратительно темной. Осмотрѣлась. Постепенно начала успокаиваться. Квартира была обставлена комфортабельно, съ претензіей на шикъ: была бронза и мебель хорошаго мастера. Надежда Павловна заглядѣлась на вещи; все казалось ей интереснымъ и было ново; на свиданіе она вышла впервые, и обстановка его невольно заинтересовала ее. Случайно взгляды ея упали на красивые алебастровые часы въ родѣ урны; они показывали часъ дня и напомнили ей о томъ, что тотъ, для котораго она пришла, не только не встрѣтилъ ея, какъ было условлено, но даже опоздалъ явиться на цѣлый часъ... Надежда Павловна поморщилась. Она привыкла къ поклоненію мужчинъ; поклонялся ей «даже мужъ»,—пронеслось въ головѣ.

И сейчасъ же всплылъ самъ собою вопросъ, зачѣмъ же она собралась сегодня его обманывать. Что Петръ Николаевичъ любилъ ее, было внѣ сомнѣнія; она знала, что онъ неглупый, очень честный и воспитанный человѣкъ, красивый и нескучный. Краска залила лицо Надежды Павловны, когда въ головѣ ея появилась мысль о томъ, что она измѣняетъ просто отъ пресыщенія, только отъ скуки. Скользнуло и оцарапало,—не было никакихъ основаній измѣнять мужу. Вспомнила, что много читала въ романахъ о семейныхъ ссорахъ и «преступной любви»;

но тамъ всегда грѣхъ оправдывался тяжестью обстановки, являлся вынужденнымъ.

Ничего подобнаго въ ея жизни не было. Въ жаждѣ къ чему-либо придраться, припоминала она исторію своего знакомства съ тѣмъ, кого ждала. И много было обидно-случайнаго въ той слишкомъ заурядной исторіи.

III.

Недѣли двѣ тому назадъ Надежда Павловна была съ мужемъ въ увеселительномъ саду. Давались тамъ опереточные спектакли, и гастролировалъ модный молодой артистъ, по фамиліи Бѣльскій; предсказывали ему блестящую будущность. Шли «Корневильскіе колокола». Театръ шумно аплодировалъ Бѣльскому, и арію «Мои скитанья» ему пришлось повторить сряду разъ восемь. Артистъ пѣлъ съ лѣнливой и томной граціей; хорошій гримъ удивительно красилъ его лицо, и со сцены казался онъ очень интереснымъ. Надежда Павловна, не всегда внимательная слушательница, заинтересовалась и красотой, и свѣжимъ голосомъ Бѣльскаго, но больше всего его своеобразной манерой пѣть, его лѣнливымъ изяществомъ, такъ и выказывавшимъ въ пѣвцѣ баловня женщинъ. Было ясно, какъ избалованъ онъ женскимъ вниманіемъ. Не сомнѣвалась, что онъ знаетъ множество женщинъ; въ другомъ это показалось бы ей отталкивающимъ, въ этомъ же, очень красивомъ, эффектно одѣтомъ, который вдобавокъ очаровывалъ всѣхъ свѣжимъ и гибкимъ голосомъ, это ей особенно понравилось; артистъ много бы потерялъ въ ея глазахъ, если бы по немъ не было видно, что онъ любимецъ красивыхъ женщинъ; съ личностью

актера она сливала исполняемую имъ роль, и тайное желаніе обладать красивымъ, вѣроятно, капризнымъ и легкомысленнымъ мужчиной раздражало ее. Она глухо волновалась, осматривая возбужденныя и ставшія некрасивыми лица дамъ, на которыхъ ярко читалась раздраженная чувственность... и всѣ женщины казались ей противными.

Во всемъ театрѣ Надежда Павловна казалась себѣ самой красивой; поэтому ей думалось, что именно она имѣетъ преимущественное право на вниманіе пѣвца. Слово «вниманіе» она истолковала себѣ въ глубинѣ души такъ откровенно, что ея лицо въ одно мгновеніе заалѣло, и она съ безпокойствомъ повернулась къ мужу посмотрѣть, слѣдилъ ли онъ въ тотъ моментъ за нею.

Петръ Николаевичъ сидѣлъ въ ложѣ за ея кресломъ и, стараясь поддерживать на лицѣ выраженіе заинтересованности, тихонько зѣвалъ въ афишу. Увидавъ обращенное къ нему лицо жены, онъ красиво склонился къ ней и приблизилъ къ ея рукѣ свои глаза и губы, какъ бы затѣмъ, чтобы поцѣловать ее. Движеніе мужа и весь его видъ сказали Надеждѣ Павловнѣ, что тотъ ее любитъ, и ей стало стыдно только что промелькнувшей въ головѣ мысли. Стараясь казаться вполнѣ спокойной, она ласково посмотрѣла на него и спросила медленно:

— Ну, какъ тебѣ нравится... онъ?

Голосъ ея передъ концомъ фразы осѣкся, и она смутилась, подумавъ, что выдала себя мужу. Подняла на него неувѣренные глаза, и ей чудилось, что украла она у него что-то дорогое, ему принадлежавшее... Она думала, что Петръ Николаевичъ станетъ бранить актера или смѣяться надъ нимъ, и судила такъ по себѣ: если бы какая-нибудь женщина спросила ее о томъ, какъ она находитъ пѣвца,—она, изъ тайнаго эгоистическаго чув-

ства, непременно стала бы находить въ немъ недостатки. Надежда Павловна думала, что мужъ скажетъ:

— Такъ себѣ... Ничего... Кривляется очень...

Поэтому она очень удивилась, услышавъ отъ него:

— Какъ пѣвецъ и артистъ онъ великолѣпенъ.

Она посмотрѣла на мужа съ благодарностью.

— «Милый»,—мелькнуло у нея въ головѣ. И она вся зардѣлась, задавши себѣ вопросъ: для кого изъ двухъ вырвалось у нея ласкающее слово... Сначала она рѣшила: для мужа!—но, взглянувъ на его лицо, подумала:

— Онъ, конечно, хорошій, добрый...—и остановилась, горя стыдомъ.

IV.

И казалось ей невыносимо отвратительнымъ, что она почувствовала влеченіе къ совершенно незнакомому ей человѣку, и такъ скоро, цинично-просто, увидавши его всего одинъ разъ. Надежда Павловна терялась въ хаосѣ мыслей, набравшихся въ голову; было страшно сознавать въ себѣ это новое чувство, казавшееся ей отвратительно скользкимъ и липкимъ... И хотѣлось думать, что обще оно всѣмъ.

— Всѣ такъ...—бормотала она съ капризнымъ, жестокимъ упрямствомъ и нехорошо усмѣхалась... потому что не вѣрила.

Оглушительный трескъ аплодисментовъ заставилъ ее вздрогнуть.

Она подняла глаза и вездѣ: въ ложахъ, въ партерѣ, въ купонахъ, на галлерей увидѣла женщинъ, возбужденныхъ и чувственныхъ. У всѣхъ ихъ было придѣлано по

лицу Надежды Павловны: у всѣхъ были сладострастные голубые глаза; искаженные чувственностью черты лица; безстыдныя губы... Она перевела взглядъ на сцену. Небрежно усмѣхающееся красивое лицо актера смотрѣло на нее. И вся фигура его показалась ей ходульной, недостойной вниманія. Скользнула взглядомъ по мужу. Глаза его были устремлены на жену съ легкимъ смѣшкомъ и, казалось, говорили:

«Смотри, какія вы пошлыя! Какъ мало вамъ надо»...

Въ концѣ спектакля къ нимъ въ ложу зашелъ театральнѣй рецензентъ Пахомовъ, нелюбимый артистами за свои всегда желчныя статьи, человѣкъ больной и раздражительный, но интересный.

Пахомовъ женщинъ «не признавалъ» и безцеремонно бранился въ ихъ присутствіи; небрежно онъ поздоровался съ Надеждой Павловной и сѣлъ въ углу, вытянувъ длинныя какъ жерди ноги. Петръ Николаевичъ заговорилъ съ Пахомовымъ; тотъ бранилъ Бѣльскаго и называлъ его «кривлякой». Надеждѣ Павловнѣ было непріятно слушать желчныя рѣчи хроникера, но вступать съ нимъ въ споръ она не рѣшилась.

— Единственный авансъ его—морда смазливая,— заключилъ раздражительный критикъ и вышелъ, почему-то не простившись съ Надеждой Павловной.

И стало ей жаль того, который пѣлъ, котораго такъ оскорбляли; когда же критикъ ушелъ, не подавши ей на прощаніе руки, Надежда Павловна оскорбилась и за себя. Ей представилось, что Пахомовъ презираетъ ее и, что-то уже предчувствуя, нарочно обошелъ ее при прощаніи... Хотѣла было двинуться, поднять голову, какъ бы затѣмъ, чтобъ показать, что душа у нея большая и сильная; но сейчасъ же почувствовала себя связанной; попыталась усмѣхнуться, но не смогла и поняла со страхомъ, что съ

нею. Сдѣлалось и жутко и непріятно въ одно и то же время. И мысль о Бѣльскомъ слабо дрожала въ душѣ. И почему-то казалось ей, что счастье съ нимъ будетъ красивымъ и интереснымъ.

По окончаніи спектакля Надежда Павловна не уѣхала изъ сада, а осталась съ мужемъ поужинать. Сидя вдвоемъ за большимъ столомъ, она печально размышляла о томъ, что ихъ только двое... и думала: недостаетъ важнаго.

Петръ Николаевичъ старался занимать жену: усаживалъ ее на самыя удобныя мѣста, такъ чтобы ей были видны исполнявшіеся на открытой сценѣ «номера» и суетившаяся публика; заказывалъ ея любимыя кушанья и съ оживленіемъ говорилъ что-то длинное и, судя по выраженію его глазъ, смѣшное... Но Надежда Павловна не слушала мужа; она лишь разсѣянно улыбалась ему, сама же блуждала глазами по яркимъ панно потолка галереи, по массѣ разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ, развѣшанныхъ по колоннамъ и стѣнамъ. Она думала о томъ, какъ странно и нелѣпо зажглось въ ней новое чувство: достаточно было всего разъ увидеть ей Бѣльскаго, чтобы увлечься такъ малодушно. И казалось Надеждѣ Павловнѣ, что зародилось въ ней чувство подъ вліяніемъ рѣзкихъ, оскорбительныхъ словъ Пахомова; но она сейчасъ же отвергла эту мысль, потому что его было нельзя оскорбить... Придумала было, что увлеклась талантомъ, но должна была отказаться и отъ этого, потому что живъ былъ въ душѣ циническій голосокъ, твердившій ей, что захвачена она лишь одной его внѣшностью. Надежда Павловна поняла, что ей нравятся его тонкія черты, его губы, глаза... И вся встревожилась отъ смутнаго ощущенія.

— При чемъ же тутъ музыка... оперетта, талантъ?—

шептала она пылавшими губами, съ острою грустью и беспомощнымъ недоумѣніемъ. Она быстро повела глазами, какъ бы желая узнать, не замѣтилъ ли кто, что съ нею?.. И вдругъ близъ себя увидѣла Бѣльскаго.

V.

Онъ стоялъ вмѣстѣ съ критикомъ Пахомовымъ, и женщины внимательно разглядывали его. Подмѣтивъ ихъ взгляды, Надежда Павловна вспыхнула отъ смутной ревнивой злости, закусилла губы и склонилась къ столу... Затѣмъ осторожно стала приподнимать глаза... Чувство неподдѣльнаго восхищенія засвѣтилось въ ея взглядѣ. Артистъ и внѣ сцены показался ей красивымъ. Онъ былъ одѣтъ въ черное англійское пальто и блестящій высокій модный цилиндръ. Правда, лицо его безконечно разнилось отъ недавно видѣннаго розоваго балованнаго лица съ закрученными кверху усами и острой бородкой, но и второе лицо, находила Надежда Павловна, было не менѣе хорошо. Тонкій оттѣнокъ изящной грусти носило оно; гладко выбритое, казалось худымъ и утомленнымъ. Модное пальто съ отложными рукавами, широкій англійскій клапанъ на талии и, въ особенности, лощеный цилиндръ отдавали будничнымъ; но Надежда Павловна сейчасъ же замѣтила въ Бѣльскомъ алую свѣжесть губъ. Стало стыдно отъ какой-то мысли и она растерянно покосилась на мужа.

Долго смотрѣла въ сторону Пахомова, втайнѣ желая, чтобъ онъ подошелъ вмѣстѣ съ артистомъ. Пахомова она уже ненавидѣла и, несмотря на это, усмѣхалась ему привѣтливо, почти зазывно. Когда же это не помогало, и театральнй критикъ попрежнему не оборачи-

вался въ ея сторону, Надежда Павловна, собравши всѣ силы, сдѣлала невинное лицо и сказала мужу:

— А вотъ и Пахомовъ.

Петръ Николаевичъ обернулся въ ту сторону, куда указала жена, прищурилъ свои близорукие глаза и, вѣроятно думая, что Надежда Павловна желаетъ видѣть его пріятеля, крикнулъ довольно громко:

— Пахомовъ, Пахомовъ!

Надежда Павловна поблѣднѣла. Она замѣтила, что рецензентъ подходитъ одинъ. Ненависть къ больному, небрежно одѣтому человѣку снова охватила ее, но тотчасъ же лицо ея вспыхнуло отъ удовольствія, когда она увидала, что, отойдя нѣсколько шаговъ, Пахомовъ повернулся назадъ, шепнулъ Бѣльскому что-то и повелъ его, слегка упиравшагося, съ собою. Бѣльскій подходилъ къ ней.

— Ташу на буксирѣ,—объявилъ Пахомовъ, обращаясь къ Петру Николаевичу.—Здравствуй, пріятель, еще разъ.

Онъ обернулся къ Надеждѣ Павловнѣ и сказалъ небрежно-насмѣшливо:

— Надежда Павловна. Нашъ сигноре. Прошу любить и жаловать. Касторини, Мазини, Рицини... и прочее.

Надежда Павловна тревожно взглянула на мужа. Петръ Николаевичъ смотрѣлъ на нее добродушно и ласково; съ тѣмъ же добродушіемъ онъ пожалъ руку Бѣльскому и пригласилъ подошедшихъ сѣсть.

— Не хотѣлъ итти. Скромность, видите ли, египетская,—скрипѣлъ надъ ухомъ Надежды Павловны хроникеръ. Было замѣтно, что онъ подвыпилъ; этимъ и объяснялись его развязные разговоры съ Надеждой Павловной и то, что онъ рѣшился поболтать въ компаніи, гдѣ была женщина. Изъ его разговоровъ съ артистомъ

Надежда Павловна узнала, что Пахомовъ съ Бѣльскимъ были на «ты», и это непріятно ее удивило; затѣмъ услышала, что пѣвецъ былъ его товарищемъ по гимназіи и дружить съ нимъ, Пахомовымъ, «отъ юныхъ лѣтъ». Надежду Павловну удивило и то, что рецензентъ, несмотря на дружбу, такъ жалитъ Бѣльскаго въ своихъ фельетонахъ, и впервые нѣкоторое уваженіе къ «газетчику» всплыло у нея на душѣ. Рецензентъ называлъ пѣвца кривлякою и за столомъ; Надежда Павловна смотрѣла на Бѣльскаго большими глазами, ожидая его возраженій, негодованія... Но ничего подобнаго не было. Артистъ лишь улыбался на всѣ нападки хроникера и первый хотѣлъ его остроумъ. Надеждѣ Павловнѣ сначала показалось, что Бѣльскій боится газетнаго человѣка; брови ея двинулись. Къ тому же она замѣтила, что пѣвецъ много теряетъ, когда сидитъ, снявши цилиндръ, съ непокрытой головой: волосы у него были неестественно блестящіе и рѣдкіе, сильно завитые.

Но вскорѣ она отбросила свою мысль объ его трусости, какъ недостойную; ей представилось, что тотъ не возражаетъ Пахомову изъ гордости и превосходства. Эта мысль ей понравилась, съ ней она и осталась.

Надеждѣ Павловнѣ сдѣлалось ужасно весело. Захотѣлось палить и прыгать какъ ребенку. Она понимала, что душитъ ее охватившая мысль... и не казалось нужнымъ бороться съ нею.

Она сказала мужу, что желаетъ слушать цыганъ, и Петръ Николаевичъ ласково усмѣхнулся и отправился распорядиться насчетъ кабинета. Съ нимъ пошелъ и захмѣлѣвшій Пахомовъ. Надежда Павловна осталась съ Бѣльскимъ одна.

Стало вдругъ жутко...

Она поблѣднѣла; артистъ, замѣтивъ это, склонился

къ ней внимательно. Надежда Павловна нерѣшительно улыбнулась ему и спросила:

— Давно вы поете?

Она не слышала словъ, которыми отвѣтилъ ей Бѣльскій; но и не надо было его словъ; оживленно, съ горящими глазами, вдругъ заговорила она, какого громаднаго успѣха его была свидѣтельницей; какъ хорошо жить людямъ таланта и славы, какъ они должны быть счастливы.

— Чѣмъ же я могу быть особенно счастливъ?—медленно спросилъ Бѣльскій.

Она сейчасъ же отвѣтила весело, съ задоромъ:

— Тѣмъ, что вамъ все доступно. Вамъ хорошо жить, безопасно, спокойно.

Бѣльскій близко склонился къ ея лицу и глухо проговорилъ, блестя глазами:

— Я не хочу спокойствія. Вы помните, гдѣ-то сказано: «Я прокляну эту ночь, если она будетъ спокойной».

Надежда Павловна посмотрѣла на него изумленно и радостно... отшатнулась отъ него въ жгучемъ страхѣ. Сейчасъ же ощутила его легкое рукопожатіе и усмѣхнулась ему рабской усмѣшкой.

Въ этомъ было и все; Надеждѣ Павловнѣ страшно подумать, что объясненіе произошло такъ быстро... и черезъ какія-то двѣ недѣли она уже очутилась въ квартирѣ Бѣльскаго.

И не было никакихъ особенныхъ объясненій въ любви, не было оживленныхъ рѣчей, красиво звучащихъ словъ, какъ это происходитъ на сценѣ. Въ жизни все случилось обидно просто. Онъ нескромно шепнулъ ей одну фразу, пожалъ руку, указалъ адресъ. Она обманула мужа, взяла извозчика и пріѣхала на свиданіе. И, вся затрясшись предъ пошлостью обстановки, среди которой

была должна согрѣшить, она вскинула глаза кверху и беззвучно шепнула:

— Господи!

И страстно потянуло ее прочь отъ чужой комнаты, отъ ея бархата и бронзы, гдѣ все отдавало грѣхомъ. Тоскливо осмотрѣлась она по сторонамъ, мысль о мужѣ безпокойно вступила въ сердце. Страхъ все увеличивался, бурей пронеслась въ головѣ острая мысль, что еще немного—и все будетъ кончено. И встала она и подошла къ двери съ тѣмъ, чтобъ бѣжать. Но ноги не повиновались и уйти не было силъ. А съ лѣстницы уже доносились легкіе торопливые шаги.

— «Бѣльскій!» Сердце ея замерло.

VI.

Бѣльскій вошелъ торопливо и граціозно. Онъ былъ въ дорогомъ цилиндрѣ и въ короткомъ англійскомъ пиджакѣ, на пальцахъ его блестѣли брилліанты, красивая трость была въ рукѣ. Надежда Павловна скользнула по нему взглядомъ и, отвернувшись къ стѣнѣ, закрыла лицо руками, какъ дѣвочка. Она не рисовалась, ей дѣйствительно было страшно и стыдно; все лицо ея пылало и обжигало пальцы; лишь маленькій, чуть замѣтный холодокъ доставляло золото кольцо.

«Обручальное!»—подумала она. Жутко стало. И еще подумала:—«съ чего? съ чего?»

Бѣльскій подошелъ къ ней, торопливо обнялъ, вполголоса, какъ бы съ мягкимъ укоромъ прошептавъ высокимъ, чрезвычайно пріятнымъ голосомъ:—Ай, ай!..—и, держа за талію, подвелъ къ креслу и усадилъ въ него.

Надежда Павловна все не отнимала рукъ отъ лица...

Плечи ея вздрагивали; Бѣльскій нѣжно пытался отнять ея пальцы, Надежда Павловна качала головой и всхлипывала. Бѣльскій ждалъ терпѣливо и привычно, когда пройдетъ первое ощущеніе новизны и страха. Онъ опустился передъ Надеждой Павловной на одно колѣно и что-то бормоталъ надъ ея ухомъ.

Когда волненіе Надежды Павловны немного поулеглось, она, все еще не отнимая рукъ отъ лица, посмотрѣла однимъ глазомъ въ щелку межъ пальцами. Она увидѣла Бѣльскаго стоящимъ передъ ней на колѣняхъ, и его поза показалась ей театральной. Ей представилось, что она уже видѣла его въ точно такой же позѣ въ опереткѣ, и когда онъ сдѣлалъ движеніе къ ея лицу, Надежда Павловна отшатнулась въ ужасѣ и крикнула со слезами:

— Не надо! Не надо!

Бѣльскій близко склонился къ ней и, наконецъ, отвелъ отъ лица ея руки. Она взглянула на него съ испугомъ, широко раскрытыми, безпомощно дѣтскими глазами и тотчасъ же отвернулась; но онъ поймалъ ее на этомъ движеніи и торопливо поцѣловалъ въ щеку, слегка ударившись о нее носомъ и уколовъ бритымъ подбородкомъ.

Надежда Павловна почувствовала, что поцѣлуй былъ некрасивъ, и опять отвернулась; снова ей захотѣлось бѣжать, но она понимала, что теперь уже поздно и что ее такъ не выпустятъ. Она взглянула на Бѣльскаго умоляюще... Тутъ же замѣтила, что на лицѣ его много морщинъ, что зубы его нехороши, что изъ ушей росли волосы... и поняла, насколько некрасиво и это; Надежда Павловна видѣла его днемъ въ первый разъ,—послѣ перваго знакомства она встрѣтилась съ нимъ только однажды, опять въ увеселительномъ саду, вечеромъ и при электрическомъ освѣщеніи; замѣченное лишь те-

перь ее покорило. Это лицо уже вовсе не напоминало того, прекраснаго, изъ театра. Оно было тускло и вполне обыденно. Волосы были жирны и завиты, глаза показались Надеждѣ Павловнѣ странными; они были двуцвѣтные: каріе у зрачковъ и голубые къ внѣшнему краю радужной оболочки. Бѣльскій дышалъ ей на щеку, обдавая ее тяжелымъ запахомъ сигаръ, и это рвало послѣднюю дымку поэзіи... Очарованіе улетучивалось, огромный страхъ загромождалъ душу.

— Что я дѣлаю? Что дѣлаю?—лепетала Надежда Павловна, ежась подъ объятіями Бѣльскаго. Его крѣпкія, мускулистыя руки оплетали ее какъ сѣтью, и ей было ясно, что она беспомощна передъ силой мужчины.

Какъ во снѣ слушала она бархатный голосъ, говорившій ей, что счастье только одно на землѣ и что всякій человѣкъ—кузнецъ своего счастья. Потомъ она перестала разбирать слова, было слышно лишь жужжаніе, мягкое, переливчатое и пріятное. Черезъ нѣсколько времени она увидала близъ себя глаза, сначала горѣвшіе огнемъ, потомъ усталые. Они ей понравились, на душѣ сдѣлалось легче. Она поняла, что отступленіе отрѣзано... Попрѣжнему замѣчала она на лицѣ морщины; но это не отвращало теперь, потому что она ужъ не видѣла передъ собою божества, а лишь обыкновеннаго красиваго человѣка. Одного такого, именно мужа, она потеряла, но тѣмъ больше представлялось основаній держаться за этого. И, обвивъ его шею руками, она спросила тоскующимъ голосомъ:

— Будешь ли ты любить меня всю жизнь?

И тотъ отвѣчалъ, ни минуты не колеблясь:

— Буду любить тебя всю жизнь.

Надежда Павловна знала, что мелодичный голосъ

прозвучать искренно, но она знала также, что сказанное имъ была—ложь. Но было пріятно слушать и эту музыкальную ложь, и она заставила его повторить клятву.

Живое ощущение страха и горя примѣшивалось на душѣ къ тому чувству, которое звала она счастьемъ. Было и свѣтло и темно; и радостно и грустно; и тоскливо и весело,—былъ хаосъ. Горечь плыла по сердцу. Настало время разстаться, и послѣдніе остатки смутной радости вдругъ улетучились, и напала подавляющая тоска. Она почувствовала, что этотъ для нея въ настоящее время то единственное, что заполняетъ теперь огромную пропасть, образовавшуюся на ея жизненномъ пути. Цѣлуя его, она вдругъ заплакала, а онъ уходилъ прочь, немного лѣнливый, немного беспечный, граціозный и утомленный; можетъ быть, уходилъ онъ отъ нея къ другимъ женщинамъ,—Надежда Павловна боялась спросить. Она отдавала все, а онъ только часть, можетъ быть, онъ думалъ уже о другихъ. Инстинктомъ она чувствовала, что ей всѣми силами слѣдуетъ поддерживать въ себѣ праздничное, свѣтлое настроеніе, явившееся въ началѣ; безъ него было бы страшно глянуть на дома, на улицы, на людей... на мужа. Бѣльскій ушелъ, а она, сидя въ креслѣ, стала думать о томъ, что онъ скоро снова придетъ... что они будутъ видѣться, будутъ, будутъ... не смотря ни на что.

И вмѣстѣ съ надеждой росла въ ней увѣренность, что она и въ самомъ дѣлѣ счастлива; казалось, что прочь уходитъ тоскливое, острое чувство сомнѣнія; мысль о совершенномъ грѣхѣ тушевалась въ мозгу... и искусственно вызванныя мечты о счастья разбѣгались по сердцу, наполняя душу восторженной увѣренностью, что свѣтло будетъ дальше...

VII.

Она вышла изъ подъѣзда, осмотрѣлась. Солнце ярко и радостно обливало лучами улицы и дома, но на душѣ отъ этого свѣта сдѣлалось тоскливо. Надежда Павловна заробѣла... но сейчасъ же вспомнила о томъ, что было, и постаралась улыбнуться.

Улыбнулась она слабо, однѣми губами, а глаза бѣгали безпокойно по сторонамъ.

— Кажется, хорошо!—мечтательно прошептала она.

И показалось снова, что все нравится ей въ огромной, гремящей Москвѣ: и высокіе, давно некрашенные дома, и гористыя, неустроенныя улицы, и нарядные торопливые люди. Улыбаясь, добрела она до бульвара, около котораго рядами выстроились извозчики-лихачи.

«Поѣду кататься,—внезапно мелькнуло въ головѣ.— Еще рано... домой...»

Слово «домой» Надежда Павловна проговорила чуть слышно и стыдливо, вся затуманенная, точно вспомнила о чемъ-то страшномъ, передъ чѣмъ слѣдовало ей казаться спокойной и улыбаться фальшиво. И какъ бы желая поскорѣе отдѣлаться отъ непріятной мысли, она быстро вскочила въ пролетку и крикнула:

— Пошелъ!

Извозчикъ что-то спросилъ, и Надежда Павловна увидѣла передъ собой его огненно-рыжее широконосое лицо. Она не сразу поняла его и съ удивленіемъ смотрѣла на его кудластые волосы, на желтые глаза.

— Прямо... все прямо.—Она откинулась къ спинкѣ экипажа.

Ей почудилось, что извозчикъ усмѣхнулся; въ головѣ

Надежды Павловны промелькнула мысль, что тотъ прінялъ ее за распутную, и она болѣзненно сморщилась. Затѣмъ опять вспомнила о Бѣльскомъ, снова загорѣлось лицо, и она проговорила упрямо и капризно, какъ бы подбадривая себя:

— Пусть... Пусть...

Неслышно катилась дорогая пролетка по камнямъ мостовой, чуть подрагивая на неровностяхъ; вмѣстѣ съ этимъ тихо и радостно дрожало что-то и въ самой Надеждѣ Павловнѣ. И она твердила себѣ, что дрожить въ ней душа ликующая... Вдыхала, щурила глаза, и страстно хотѣлось ей, чтобы никогда не кончалось ея свѣтлое, праздничное настроеніе, чтобы та, напоенная, какъ казалось ей, счастіемъ улыбка, которая трогала ея красныя точно вишни губы, такъ и не сходила съ нихъ.

«Теперь заснуть бы...» Она томно потягивалась, и солнце пригрѣвало ее, ублаживали рессоры... и то, что мимо глазъ быстро мелькали предметы и люди, дѣйствовало на нее усыпляюще... И никогда сонъ не казался ей такимъ пріятнымъ и обольстительнымъ: онъ выросъ передъ нею въ какомъ-то знакомомъ образѣ.

Она усмѣхнулась и сказала печально:

— Какъ хорошо!

Рѣзкое ощущеніе холода и страха нахлынуло на нее. Передъ глазами нарисовалось внезапно лицо мужа, блѣдное, страшное, обезображенное мученьемъ и злобой; захотѣлось вскрикнуть, бѣжать прочь.

Она сдѣлала неопредѣленное движеніе... и не поняла сама, въ какую сторону; раскинула руки, какъ бы призывая кого-то. Глаза раскрылись, забытые разсѣялось, пролетка тихо плелась по улицѣ, извозчикъ говорилъ что-то насчетъ дороги.

VIII.

Почтительная насмѣшка звучала въ его голосѣ. Надежда Павловна сморщилась, поглядѣла вокругъ; казалось, улица двигалась; конка, звеня, проѣзжала мимо, переполненная народомъ, смотрѣвшимъ тоже насмѣшливо; какъ будто бы смѣялся надъ Надеждой Павловной и кондукторъ, испитой мужичокъ, съ большой рыжей сумкой, и коренастый городовой, съ кирпичнымъ усталымъ лицомъ. Сначала она нахмурилась, потомъ засмѣялась. Собственный смѣхъ неприятно прозвучалъ въ ея ухахъ и тяжелымъ камнемъ легъ на душу. Надежда Павловна сгорбилась, точно ее пригибало къ землѣ. Ей представилось, что она маленькая и безсильная... и мучительно захотѣлось ей отъ людей помощи, вниманія и сочувствія, чтобы какъ можно больше добрыхъ было на ея сторонѣ.

«Лихачу я дамъ двадцать рублей»,—рѣшила она.

Ласково посмотрѣла на его спину, украшенную косымъ рядомъ стеклышекъ, вправленныхъ въ фольгу, на воротничокъ его «манишки», перетягивавшій ярко-красную потную шею, изрѣзанную складками, и грязная шея показалась ей очень красивой. Ей нравились и намазанные масломъ волосы извозчика, и его поясъ, и свѣтло-каряя лошадь, и даже дребезжаніе пролетки. Вдругъ она замѣтила, что приближается къ дому, и вся затряслась, и поблѣднѣла, и крикнула:

— По бульвару, направо!

Кремль былъ совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ дома, поэтому ее потянуло въ Кремль. Ей думалось, что будетъ это интересно... А главное, хотѣлось быть дальше. Въ Кремлѣ все осматривала она съ

жаднымъ, почти ребяческимъ вниманіемъ; забывшись, усмѣхалась прохожимъ, яркому небу, золоту и серебру, блестящимъ на куполахъ церквей. И говорила себѣ, что кругомъ дѣйствительно хорошо... и все обстоитъ благополучно.

Изъ Кремля они выбрались на площадь, въѣхали на Тверскую. Надежда Павловна робко и смущенно перекрестилась передъ Иверской часовней, увидавши, что ея лихачъ снялъ шапку и истово, по-московски, крестится. Она попыталась даже заглянуть съ экипажа во внутрь часовни, переполненной молящимся народомъ и зажженными свѣчами. Но ей почудилось, что темный обликъ иконы строго глянулъ на нее,—и она вздрогнула и измѣнившимся голосомъ крикнула:

— Скорѣе!..

Пролетка промчалась мимо университета, и видъ его почему-то подѣйствовалъ на Надежду Павловну успокоительно. Ей понравилось и самое зданіе, и памятникъ... Приятно всплыло въ головѣ, что Петръ Николаевичъ никогда не учился въ университетѣ, что онъ не получилъ настоящаго образованія, и былъ самый заурядный чловѣкъ... Хотѣлось какъ-нибудь унижить его... тогда было бы легче на сердцѣ... а, прежде всего, бѣжать прочь хотѣлось, какъ можно дальше... Но часы показывали шесть. Она долго всматривалась въ циферблатъ, ничего не видя; когда же поняла, что близко свиданіе съ мужемъ, желаніе бѣжать обострилось до боли.—«Неужели сейчасъ?.. увидѣть его?.. сейчасъ?..»—Она даже вскрикнула, осмотрѣлась по сторонамъ, ища спасенья. Растерянный взглядъ ея упалъ на одноэтажное облѣзлое желтоватое зданіе съ надписью «Кухмистерская». Брезгливо покосилась она на проржавѣвшую вывѣску, но мгновенно въ мозгу промелькнула мысль, что она будетъ въ безо-

пасности въ этомъ маленькомъ и неказистомъ домѣ. Во всѣхъ ресторанахъ ее видѣть привыкли, тамъ она могла столкнуться и съ мужемъ, и съ многочисленными знакомыми. Надежда Павловна обернулась назадъ, еще разъ оглядѣла зданіе, мимо котораго уже проѣхала, и велѣла извозчику повернуть назадъ. Подѣхавъ къ кухмистерской, она торопливо вышла изъ пролетки, дала лихачу два десятирублевика и велѣла подождать. Получивъ деньги, тотъ внимательно пересмотрѣлъ ихъ и гаркнулъ по-солдатски:

— Здравствовать желаемъ, барышня! Я подожду-съ.

— «Онъ на моей сторонѣ»,—нелѣпо пронеслось въ ея головѣ, и на душѣ сдѣлалось ровнѣе.

У дверей кухмистерской Надежда Павловна увидала нищаго, здоровеннаго мужика съ волосатымъ лицомъ, въ сапогахъ и калошахъ. Брезгливое чувство опять повело ея губы, но она попыталась привѣтливо ему усмѣхнуться и дала пять рублей. Нищій торопливо зажалъ золотой въ рукѣ и пошелъ прочь; Надеждѣ Павловнѣ показалось, что онъ даже не взглянулъ на данную ему монету. Она удивилась, посмотрѣла ему вслѣдъ обиженно. Ей представилось, что онъ все знаетъ и презираетъ ее... Сейчасъ же подошелъ и другой нищій, старый, съ сѣрою бородою и георгіевскимъ крестомъ на зеленомъ отъ времени ватномъ пиджакѣ. Надежда Павловна и ему дала пять рублей. Старикъ весь вздрогнулъ и сдѣлалъ губами: «Апп...», точно захлебнулся, потомъ сталъ низко кланяться и ворочать глазами.

Надежда Павловна поняла, что онъ обрадовался, и засмѣялась. Ей хотѣлось, чтобъ старикъ былъ такъ же счастливъ, какъ она... А самой вдругъ сдѣлалось грустно. Она попыталась усмѣхнуться и сказала печально:

— Какъ хорошо!..

IX.

Смущеніе охватило сердце, когда Надежда Павловна взялась за ручку входной двери, и та тихо скрипнула. Прихожая была темная, вся увѣшанная мужскими пальто, среди которыхъ очень много было студенческихъ. Женской накидки она не замѣтила ни одной, и это увеличивало ея робость.

Но ей понравилось то, что въ прихожей никого не было. Надежда Павловна могла оправиться, и черезъ нѣсколько секундъ овладѣла собою. Повѣсивъ свой богатый сакъ поверхъ студенческихъ пальто, она подошла къ порогу обѣденной комнаты и осторожно заглянула туда. Вся зала была переполнена посѣтителеми. Студенческіе сюртуки и, чаще, тужурки мелькали черными, зелеными и сѣрыми пятнами, и было пріятно смотрѣть на нихъ.

Надеждѣ Павловнѣ пришло въ голову, что ея роскошное платье не подходитъ къ общей простецкой обстановкѣ... Она покраснѣла, но отступать было поздно; шурша платьемъ, къ ней подходила горничная. Надежда Павловна съ замѣтною неловкостью присѣла за свободный столикъ, близъ самой двери, и опустила глаза на скатерть, мѣстами мокрую и заплатанную.

— Что прикажете?—услышала она молодой и гибкій голосъ.

Подняла глаза и увидала передъ собою круглое, совсѣмъ смуглое и еще дѣтское лицо съ маленькимъ, слегка вздернутымъ носомъ, бойкими черными глазами и розовымъ ртомъ; волосы дѣвушки были опалены щипцами и зачесаны по-модному; малень-

кая бѣлая батистовая наколка въ формѣ бабочки придавала ей сходство съ мотылькомъ; быстро порхала она между столами и имѣла привычку размахивать головой и пухлыми небольшими руками, красивой формы, но съ нечистыми ногтями. Надежда Павловна посмотрѣла на горничную съ удовольствіемъ. Теплѣло на сердцѣ отъ ея взгляда; лицо дѣвушки было доброе, мягкое, расплывчатое и наивное; казалось, она не могла подозрѣвать ни въ чемъ нехорошемъ; по ея глазамъ, правда, было замѣтно, что она удивляется визиту богатой барыни, но въ этомъ видитъ лишь причуду, капризъ; глаза ея никакъ не напоминали взглядъ мужа, испытующій и печально-внимательный. Они словно говорили ей, плутовскіе и веселые:

«Знаю я тебя, ахъ, знаю! Сиди, затѣйница!»

Стало весело; все происшедшее вдругъ показалось легкой, забавной причудой, нисколько не серьезной и необременительной... Думалось, что ничего не было позади; хотѣлось дышать полною грудью, радоваться лѣту, воздуху, солнцу, студентамъ.

Надежда Павловна посмотрѣла вокругъ съ благодарностью. Ей такъ было хорошо въ небольшой залѣ, заставленной столами, за которыми сидѣли такія добрыя и умныя, понимающія лица. Уходить не хотѣлось. Она дружелюбно улыбнулась горничной, спросила, какъ ее зовутъ, нашла, что Маша очень красивое имя, и освѣдомилась о томъ, какія кушанья можетъ она получить.

Маша вскинула на посѣтительницу недоумѣвающіе глаза, точно удивлялась тому, что она не знаетъ меню кухмистерской, и начала перечитывать:

— Суточные щи, телячьи ножки, грудинка...

Еще она что-то говорила и перебирала складки чистенькаго фартучка, а Надежда Павловна, не понимая,

смотрѣла на дѣвушку ласковыми глазами, любовалась ею и думала:

«Милая Маша...»

Ей хотѣлось расцѣловать дѣвушку въ пухлыя губы, такъ похожія на розовыя черешни; хотѣлось распросить, любить ли она кого-нибудь, и много ли посѣтителей заглядывается на ея бархатные глаза.

— Телячьи ножки, грудинка,—повторяла вслѣдъ за горничной Надежда Павловна; она чувствовала стоявшій въ комнатѣ запахъ табаку, горячихъ русскихъ щей; и то и другое казалось ей пріятнымъ. Она спросила себѣ щи и ножки и засмѣялась чему-то немного стыдливо, немного радостно. Вспомнила двуцвѣтные глаза, такъ ярко блестящіе въ темнотѣ, завитые волосы... и вдругъ ощутила желаніе, чтобы онъ былъ здѣсь же, рядомъ съ нею, сидѣлъ бы около, смотрѣлъ бы ей въ глаза, говорилъ бы съ нею и ѣлъ бы эти самыя кушанья... И чтобъ не стояло за ними никакого прошлаго, а были бы они братъ и сестра, учились бы: онъ въ университетѣ, она—на курсахъ... ходили бы въ обществѣ сѣрыхъ тужурокъ каждый день сюда обѣдать, спорили бы, хотали заразительно весело и легко...

Очарованіе все тѣснѣе и тѣснѣе окружало ее, а потомъ сразу, точно по удару, разсѣялось. Она вздохнула протяжно, съ всхлипываніемъ, поглядѣла вокругъ виноватыми и печальными глазами, вспомнила все.

Ей хотѣлось подсесть къ студентамъ и заговорить съ каждымъ изъ нихъ ласково-ласково... Хотѣлось всмотрѣться внимательнѣе въ ихъ молодые глаза, чтобы вывѣдать въ нихъ, умѣли ли они любить, были ли любимы и, въ особенности, слѣдуетъ ли любить такъ вотъ... какъ недавно она... тамъ, въ комнатѣ... ни съ того, ни съ сего... грѣхомъ.

Мама подошла, гремя тарелками; поставила убогую солонку, помятую перечницу и въ засиженной мухами баночкѣ горчицу. Облитую скатерть она прикрыла салфеткой, тоже средней чистоты и усѣянной мелкими дырочками. Изъ кушаній она прежде всего подала на столъ тарелку съ гречневой кашей, отъ которой Надежда Павловна съ испугомъ отодвинулась, и суточные щи; крѣпкій запахъ капусты распространился, казалось, по всей комнатѣ; на поверхности щей плавали не то обваренныя мухи, не то пленки мяса; Надежда Павловна сначала брезгливо поморщилась, затѣмъ тихо улыбнулась и налила себѣ щей полную тарелку, которыхъ, однако, не ѣла, а для видимости лишь подносила къ губамъ.

Х.

И опять она вздрогнула. Мысль о мужѣ всплыла на душѣ. Она увидала передъ собою голубые, какъ и у нея, близорукіе глаза Петра Николаевича, его полное румяное лицо, очень похожее на женское, съ красивыми губами... Вспомнила, что когда-то была сильно влюблена въ мужа и очень счастлива съ нимъ. Потомъ это счастье поблекло. Появилось другое. Можетъ быть, со временемъ поблекнетъ и это; откроется возможность новаго, третьяго... и такъ далѣе.

Надежда Павловна похолодѣла; она поняла, что это значить, и широко раскрытыми глазами осмотрѣлась по сторонамъ.

«Спасите!» хотѣлось крикнуть ей, но голоса не было. Кругомъ попрежнему стучали ножами и вилками, ѣли съ заразительнымъ аппетитомъ и, чудилось, слѣшили куда-то... Тонкое, едва уловимое чувство задора вдругъ

затешилось въ ея душѣ и стало разгораться въ крови. Она тряхнула головой, высоко приподняла ее; глаза ея засверкали и, потемнѣвъ, сдѣлались влажными.

— Ахъ, все равно!—прошептала она.—Все равно,—се ѣ часъ я люблю и любима.

Тяжелое сомнѣніе въ красивомъ человѣкѣ съ двухцвѣтными глазами запало въ умъ.

— Что, если?—Она слабо откинулась къ спинкѣ стула. Ей представилось, что стѣны въ залѣ обрушились и подъ ногами ея раскрылась черная яма. Жадно ища въ окружающемъ спасенья, она остановилась на двухъ прекрасныхъ глазахъ, смотрѣвшихъ на нее загадочно и упорно. Она вся подалась къ этимъ блестящимъ глазамъ и проговорила:

— Мама, Мама!

Опять увидала себя въ столовой; все было попрежнему; стѣны не двигались. Никто ничего не замѣтилъ. Развѣ у нея голова закружилась,—что?

— Мама, скажите,—негромко заговорила она, доврчиво и дружелюбно улыбаясь дѣвушкамъ.—Вы такая хорошенькая. Вѣдь за вами, навѣрное, здѣсь всѣ ухаживаютъ?

Убиравшая тарелки горничная выронила изъ рукъ сначала одну тарелку, потомъ еще нѣсколько и покраснѣла.

— Ахъ, что вы говорите!—въ смущеніи проборотала она и, склонившись, начала прибирать осколки. А Надежда Павловна смотрѣла на нее, улыбаясь, и по лицу ея видѣла, что она отгадала.

— И вы не рѣшились бы...—хотѣла было спросить она, но внезапно мысль, что слова ея циничны, обожгла ея мозгъ. Надеждѣ Павловнѣ показалось, что она отвратительна и физически... и сознание своего уродства стало

угнетать ее. Она печально взглянула на Машу, перевела взглядъ на молодыхъ мужчинъ, обѣдавшихъ за столиками... и вдругъ увидала въ маленькомъ зеркалѣ свое блѣдное, правильное, удивительно красивое лицо. Своими голубыми дальнозоркими глазами она ясно разглядѣла въ стеклѣ всѣ черты... и не могла не найти, что она хороша. Мысль о внутреннемъ безобразіи ступевалась сейчасъ же, она гордо выпрямилась и усмѣхнулась.

«Хороша, хороша!» было написано на стѣнахъ; эти же слова сверкали на потемнѣвшемъ потолкѣ, искрились въ зеркалѣ, на лицѣ Маши, на толѣ оконъ. Надежда Павловна бросила на столъ золотой и, надменно кивнувъ Машѣ головой, вышла изъ залы...

Ея извозчикъ почтительно ей поклонился; Надежда Павловна усѣлась въ экипажъ и, посмотрѣвъ на часы, сгорбилась, вѣки глазъ задрожали: золотая стрѣлка указывала семь. Слѣдовало отправляться домой. Она вздрогнула и покосилась въ сторону дома мужа съ жутью и отвращеніемъ.... Затѣмъ стала высчитывать минуты, во сколько можно будетъ доѣхать. И каждая секунда казалась ей чудной, какъ жизнь. Рѣшивъ оттянуть на полчаса возвращеніе къ мужу, она приказала лихачу ѣхать въ противоположную сторону и какъ можно быстрее, чтобы дальше уйти отъ того, что такъ грозило.

Пролетка плавно катилась по улицѣ, и Надежда Павловна ощущала въ душѣ присутствіе огромнаго счастья отъ мысли, что отдалается отъ дома, гдѣ жилъ ея мужъ. Ей хотѣлось хоть издали повидать уголокъ, гдѣ она была, какъ казалось ей, счастлива, и она проѣхалась по Трубной площади; все лицо ея вспыхнуло, когда завидѣла она тотъ домъ, откуда вышла такая радостная и вмѣстѣ съ тѣмъ печальная; потомъ проѣхала она и мимо театра, въ которомъ пѣлъ тотъ, кого она, какъ

думалось ей, любила. Съ напряженнымъ вниманіемъ всматривалась она въ черныя стекла оконъ... и было печально, что стекла тусклы и темны. Неумолимо огромное, подавляющее чувство ужаса надвигалось на душу.

Она взглянула на небо. Все оно изъ чуднаго голубого вдругъ перекрасилось въ молочно-сѣрый цвѣтъ; тусклой пеленой оно задернулось, какъ саваномъ, и возвращеніе къ мужу казалось необходимымъ, какъ смерть... Стало безумно страшно. И то, что было межъ нею и красивымъ человѣкомъ съ двуцвѣтными глазами, ужъ вовсе не представилось близкимъ и необходимымъ; въ глубинѣ души все чаще и чаще мелькало желаніе, чтобы то, происшедшее, оказалось сномъ. Сталъ накрапывать дождь. Надежда Павловна вздрогнула отъ первыхъ капель, упавшихъ на лицо и руки; онѣ показались ей холодными и въ то же время жгли... Лицо запылало, болѣзненно закружилась голова, когда она подѣхала къ дому. Не рѣшилась сразу выйти изъ экипажа, было страшно.

«Дальше! Дальше!» хотѣла крикнуть она.

Извозчикъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ... и Надежда Павловна вспыхнула передъ его взглядомъ и сгорбилась, какъ побитая собака.

Надо было выходить. Извозчикъ все смотрѣлъ ей въ лицо и теперь улыбался уже грубо, точно все понимая. Напрягши мускулы рукъ, она поднялась и вышла изъ экипажа. Умирало сердце; закушенные губы не раздвигались, въ глазахъ темнѣло... а въ головѣ тяжело горѣли жуткія мысли.

„СТАРЫЙ МУЖЪ, ГРОЗНЫЙ МУЖЪ“...

I.

Когда Надежда Павловна потянулась къ звонку у входа, рука ея дрогнула, и она что-то прошептала и осмотрѣлась по сторонамъ. Позвонивъ, она продолжала оглядываться почти безпомощно. Уѣхаль даже извозчикъ, который ее привезъ. А если бъ онъ не уѣхаль?.. Она побѣжала бы къ нему снова?.. Что?..—Стукъ башмаковъ бѣжавшей отворять дверь горничной заставилъ ее поблѣднѣть.

— Баринъ дома?—спросила она у горничной Тани.

— Только что пришли.

«Только что... Значить, былъ на улицѣ и, можетъ быть, видѣлъ».

Въ прихожей Надежда Павловна очень долго снимала перчатки и шляпку. Сердце ея билось учащенно, и она внимательно разглядывала въ зеркало свое молодое, красивое лицо.

«Ничего не замѣтно,—думала она и нехорошо усмѣхалась.—Рѣшительно ничего».

Съ зеркала на нее глядѣли словно попрежнему непорочные, ясные, какъ южное небо, глаза. Такіе глаза Надеждѣ Павловнѣ нравились, но она знала, что это не совсѣмъ ея глаза. У нея были свѣтлые, голубые какъ бирюза. Цвѣтъ же индиго придавала имъ теперь лампа и то, бывшее, и длинныя черныя рѣсницы, которыя такъ устали, которыя такъ обожалъ въ ней Петръ Николаевичъ.

«Петръ Николаевичъ», почти вслухъ проговорила она, вздрогнула и обернулась, чтобъ скрыть неловкость, къ горничной:

— Такъ вы говорите, Таня, что Петръ Николаевичъ только что пріѣхалъ?

Неизвѣстно почему горничной показались ея слова смѣшными.

Надежда Павловна видѣла, что Таня только изъ деликатности старается подавить усмѣшку, а смѣхъ, яркій, неудержимо веселый и заразительный, такъ и брызжетъ съ ея смуглаго, калмыцкаго лица.

Затѣмъ ей представилось, что горничная смотритъ на нее недоувѣрчиво, съ подозрѣніемъ... но она не разсердилась, какъ то сдѣлала бы прежде, а улыбнулась, и даже виновато, заискивающе.

— Вы зажгли у меня лампу?—спросила она, проходя къ себѣ.

— Такъ точно-съ.

Надежда Павловна прошла въ будуаръ и снова осмотрѣла себя въ зеркало. При голубомъ свѣтѣ фонаря глаза ея показались ей неестественно блестящими и страшными; лицо ея тоже представлялось поблѣднѣвшимъ, а подъ глазами были точно нарисованы синіе круги.

«Боже мой, Боже мой!..»

Почувствовала она, какъ дрогнуло въ ней сердце. Взяла со стола спички и, зажегши свѣчи у трюмо, опять начала разглядывать свое лицо. При яркомъ свѣтѣ полудюжины свѣчей, оно показалось болѣе простымъ и невиннымъ. Она стала уже приходить въ себя, какъ услышала приближавшіяся къ будуару шаги.

Слабый крикъ вылетѣлъ изъ ея груди. Она до боли закусила себѣ губы и инстинктивно бросила глаза на дверь. Затѣмъ вспомнила, что горящія свѣчи могутъ выдать ея волненіе, и кинулась къ трюмо гасить ихъ.

Вошедшей оказалась Таня,—не мужъ, и вздрогнувшая Надежда Павловна обратилась къ ней рѣзко, уже не скрывая волненія:

— Что вамъ?

Горничная опять чуть замѣтно усмѣхнулась, и Надеждѣ Павловнѣ почудилось, что она все знаетъ. Хрустнула пальцами, что дѣлала въ минуты волненія, и раздражительно принялась думать о томъ, что ведетъ себя какъ институтка и волнуется до того, что не сумѣла отличить хорошо знакомую походку мужа отъ шаговъ горничной. Внезапно ей показалось, что Таня что-то отвѣтила, и мысль, что она выдаетъ себя съ каждой минутой все больше и больше, заставила ее растерянно покраснѣть.

— Что вы сказали, милая?—обратилась она къ горничной.

Добавила слово «милая» почти нечаянно, какъ будто изъ инстинкта самосохраненія,—и не узнавала себя.

Таня внимательно посмотрѣла на нее и повторила отчетливо и громко:

— Баринъ приказали спросить, не будете ли съ нимъ вмѣстѣ пить чай?

На душѣ Надежды Павловны стало сторожко и неприятно. Показалось, что горничная вглядывается въ нее съ подозрѣніемъ... Но теперь взволновало и другое, на что сначала она не обратила вниманія. Ей представилось, что она ведетъ себя слишкомъ нетактично, до сихъ поръ не войдя къ мужу. Вѣдь она должна была это сдѣлать давнымъ давно; сдѣлать просто, спокойно и естественно, какъ это бывало всегда раньше, до сегодняшняго дня; войти тихо, серьезно или съ улыбкой,—это безразлично,—поцѣловать мужа въ щеку или лобъ и сказать:

— А я была у портнихи.

Или:

— Пойдемъ же пить чай.

Мужъ, Петръ Николаевичъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ поступаетъ такъ: онъ поднимаетъ на нее свои, тоже голубые, но близорукіе глаза, тихо улыбается, цѣлуетъ пухлыми, малиновыми губами ея руку и говоритъ всегда одно и то же:

— Да, Диночка, да.

И все это бывало всегда такъ просто и естественно; оно совершалось почти ежедневно и должно было произойти въ такомъ же порядкѣ именно сегодня. Сегодня—должно въ особенности.

Надежда Павловна хотѣла было отвѣтить Танѣ, но ея уже не было въ комнатѣ. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ сначала при мысли о дерзости горничной, а затѣмъ отъ страха. Сдѣлалось душно; показалось, что кругомъ темно... и она крикнула глухо и беспомощно:

— Таня, Таня!

Потрясла головой, точно въ ней засѣла какая-то соблазнительная картина, и, противъ воли, неожиданно усмѣхнулась восторженно. Послѣ этого испугалась опять

и осмотрѣлась кругомъ. Передъ нею стояла горничная, глядѣвшая на нее, казалось, съ участіемъ.

— Изволили звать? — спрашивала она, потупляя глаза.

— Таня,—тихо проговорила Надежда Павловна, медленно подходя къ ней и дрожа.—Таня,—вырвалось у нея чуть слышнымъ, сдавленнымъ крикомъ, и ей показалось, что ей слѣдуетъ броситься къ горничной на шею и заплакать.—Таня, мнѣ страшно...—прошептала она, подходя. Но въ глазахъ Тани вдругъ сверкнула такая яркая ненависть, что Надежда Павловна отступила и сказала презрительно и гордо, съ загорѣвшимися глазами:

— У меня болитъ голова. Дайте мнѣ спирта... Что вы сказали Петру Николаевичу?

Подававшая склянку Таня отвѣчала, ужъ не скрывая насмѣшки:

— Я сказала, что вы сейчасъ выйдете.

Надежда Павловна отчетливо прочла въ голосѣ горничной смѣхъ, но не разсердилась на нее: не было силъ. «Она ненавидитъ меня,—пробѣжало въ ея мозгу,—за что же?.. Что я ей сдѣлала?.. Или это—презрѣнье? Можетъ быть, она догадалась?» Надежда Павловна долго смотрѣла на Таню, затѣмъ отвернулась и, слабо махнувши рукою, чуть слышно бросила:

— Хорошо. Можете идти.

II.

Оставшись одна, Надежда Павловна потерла виски одеколономъ, поправила на себѣ платье и встала, чтобы идти къ мужу. Дойдя до двери, она почувствовала, что

на рукавѣ не застегнуты крючки, и сердце ея остановилось, какъ сломанное. И дверь показалась ей запертою, и рука, которая должна была отворить ее,—отнятой параличомъ. Повернула назадъ, какъ бы затѣмъ, чтобы убавить огня въ лампѣ, стала прибирать на столѣ дорогія бездѣлушки и, проводя время, обдумывала какъ она войдетъ къ мужу.

Итти было необходимо; она вздохнула и стала вспоминать давно забытыя слова молитвы; потомъ это показалось ей смѣшнымъ и нечестнымъ; гордо выпрямившись, она вышла изъ будуара.

До кабинета было не далеко. Необходимо было пройти нѣсколько комнатъ; сначала Надежда Павловна шла бодро и увѣренно, но чѣмъ ближе подходила къ кабинету, тѣмъ болѣе задерживала шаги и даже старалась не стучать высокими модными каблуками. Передъ дверью кабинета она не остановилась въ нерѣшительности, какъ, она думала, это произойдетъ, а рѣзко взялась за скобку, крѣпко, почти до боли, стиснула пальцами холодную мѣдь, раскрыла дверь и остановилась на порогѣ.

То, что она должна была сдѣлать, пришло ей въ голову моментально: захохотать. И она засмѣялась, стараясь, чтобы вышло непринужденно-весело. Но звукъ ея голоса отозвался въ ея собственныхъ ухахъ глухимъ и нехорошимъ, точно смѣялся кто-то, брошенный въ глубокую яму.

Испугалась. Засмѣялась еще разъ, чтобы повѣрить себя. Звукъ показался чужимъ: она никогда не смѣялась такъ грубо, и смѣхъ вышелъ не женскій и не мужской,—похожій на лай собаки.

Вся поблѣднѣвшая, она виновато улыбнулась и прсговорила, обращаясь къ мужу:

— А удивительная со мной сегодня вышла исторія. Ей сейчасъ же представилось, что она выдала себя; покраснѣла до того, что на глазахъ выступили слезы, и сказала, напрягая силы, чтобы вышло естественно.

— Можешь представить, съ кѣмъ сегодня я повстрѣчалась?

«Сказать его имя?» тяжело повернулось въ головѣ.

Петръ Николаевичъ не поднялъ на жену своихъ глазъ, какъ бывало это прежде, но поцѣловалъ ея локоть. Руки его словно дрожали.

— Съ кѣмъ?—спросилъ онъ.

— Съ Бѣльскимъ.

Петръ Николаевичъ чуть отодвинулся, точно ему сдѣлалось холодно, и, сморщивъ лицо, поднялъ на нее глаза.

— А-а,—онъ говорилъ апатично, а глаза его, голубые и спокойные, казалось, ужалили Надежду Павловну, какъ осы.

Она снова вздрогнула и проговорила, видимо торопясь:

— Смѣшная исторія... Ужасно онъ мнѣ надоѣлъ.

Петръ Николаевичъ вздохнулъ, услышавъ какъ бы давно знакомыя, успокоительныя слова, и проговорилъ почти беззвучно, глядя на жену въ упоръ:

— Какъ ты сегодня долго. Я думалъ, что ты не вернешься.

Надеждѣ Павловнѣ опять почудилось, что ее ужалили осы, но она твердо перенесла уколъ и смотрѣла мужу въ глаза. Они казались ей стальными, холодными и строгими. Представилось, что на губахъ мужа играетъ та же нехорошая усмѣшка, что бѣгала по лицу горничной, и она спросила, уже достаточно владея собой:

— А гдѣ былъ ты?

«Самое страшное кончилось,—промелькнуло у нея въ сознаниі, и она чуть замѣтно усмѣхнулась.—Теперь только одно, послѣднее».

И она мысленно торопила отвѣтъ, чтобы разстаться съ мучительнымъ чувствомъ.

Петръ Николаевичъ пристально поглядѣлъ на жену, но отвѣтилъ небрежно:

— На Трубной площади.

Надежда Павловна едва не крикнула. Вѣдь она была тамъ. Такого отвѣта не ожидала. Почти какъ обвиненіе прозвучалъ онъ.

— Ты что?—онъ спросилъ какъ будто бы ласково и взялъ ее за руку.—Ты испугалась?

— Глупости,—упавшимъ голосомъ проговорила Надежда Павловна, глядя на мужа съ ненавистью и въ то же время силясь улыбаться.—Что же ты тамъ дѣлалъ?

Петръ Николаевичъ всталъ, подвигалъ бровями и, заложивъ руки въ карманы, запѣлъ, разгуливая по ковру кабинета:

— „Бродилъ я между скаль“...

У него была привычка распѣвать опереточные мотивы. Оперетка была его слабостью. И третьяго дня, и даже вчера это пѣніе показалось бы Надеждѣ Павловнѣ въ мужѣ естественнымъ; теперь же сердцемъ тревожно ощутилась и насмѣшка, и намекъ. Она хотѣла сказать что-то мужу... но тотъ, улыбаясь, подходилъ къ ней, блестя глазами.

— Пойдемъ же пить чай, милая.

Слово «милая» онъ проговорилъ какъ-то странно,—такъ, какъ сказала его передъ тѣмъ Надежда Павловна Танѣ. Фальшиво прозвучавшее слово ее поразило и испугало... Въ рѣчахъ мужа почувствовалась неискренность.

Отъ мысли, что онъ притворяется, ей стало до того холодно и страшно, что она не рѣшилась сѣсть на свое мѣсто передъ чайнымъ столомъ, а неслышно скользнула въ гостиную.

Вслѣдъ затѣмъ почувствовала, что исчезновеніе должно ее компрометировать въ глазахъ мужа. Чтобы дать смыслъ своему трусливому бѣгству, она подсѣла къ роялю и, развернувъ первыя попавшіяся ноты, стала играть.

Подъ клавишами оказалась арія Кармень о любви. Вакхическая пѣсня и страстность ея смутили Надежду Павловну; она хотѣла было начать что-нибудь другое, но подходилъ мужъ, и смѣнить тему ужъ казалось неудобнымъ.

Петръ Николаевичъ подошелъ къ женѣ, склонился къ ней и запѣлъ, отдавая ее противнымъ запахомъ сигары:

„Любовь свободна, вѣкъ кочуя
Законовъ всѣхъ она сильнѣй“.

Вздохнувши, онъ взялъ Надежду Павловну обѣими руками за голову, запрокинулъ ее, поцѣловалъ холодными губами и, погасивъ свѣчи, спросилъ переломившимся на серединѣ фразы голосомъ:

— Неужели и правда... любовь свободна?

Въ гостиной было темно, и глаза Петра Николаевича пламенно блеснули. Надеждѣ Павловнѣ сдѣлалось страшно, но она стиснула зубы, чтобы не крикнуть, и, когда первое впечатлѣніе ужаса сгладилося, проговорила, неприятно ощущая, какъ слипаются губы:

— Не знаю... Для цыганки, можетъ быть,—да.

Случилось неожиданное.

Петръ Николаевичъ внезапно захохоталъ придушен-

нымъ голосомъ и выкрикнулъ съ тѣмъ же смѣхомъ, подчеркнувъ послѣднее слово:

— Да?.. Моя милая... цы-ганка!

Кровь бросилась въ голову Надежды Павловны. Она поднялась со стула, вцѣпившись холодной рукою въ другую руку, и едва дыша прошептала:

— Что это значить?

Петръ Николаевичъ не отвѣчалъ; заложивъ руки за борты жилета, онъ ходилъ по комнатѣ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, и напѣвая про себя:

„Меня не любишь, но люблю я:
Берегись любви моей“...

Наступила пауза, продолжительная и тяжелая.

III.

Первой заговорила Надежда Павловна.

Задыхаясь и путая слова, со слезами въ голосѣ, она бросала мужу рѣзкіе упреки за какія-то непонятныя ей подозрѣнія. Говоря, она чувствовала, что лжетъ красиво и увлекательно, и сама наслаждалась этою ложью; постепенно входя въ роль обвинителя, она забыла о своемъ паденіи, о томъ, что лжетъ, и красивыми, эффектными словами требовала отъ мужа объясненія его недостойныхъ намековъ.

Петръ Николаевичъ ни словомъ не прерывалъ жены, давая ей высказаться, и даже не обнаруживалъ признаковъ нетерпѣнія; онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по гостиной, спокойно, какъ казалось Надеждѣ Павловнѣ, усмѣхался и только, когда та, тяжело дышавшая и обезсиленная потокомъ словъ, окончила свои упреки, онъ приподнялся на каблучкахъ и проговорилъ:

— И все это такъ?

Больше онъ не сказалъ ничего, но подошелъ близко и почти въ упоръ заглянулъ въ глаза. Что-то словно хрустнуло въ комнатѣ. Опасно стало. Надежда Павловна тревожно осмотрѣлась, нѣтъ ли кого вблизи. Хотѣла было продолжать защищаться, но голосъ вышелъ неувѣренный, слабый, и она смолкла, почти виновато опустивъ голову. Еще нѣсколько мгновений, и она бы призналась... Но Петръ Николаевичъ устало махнулъ рукой и проговорилъ едва слышно:

— Что же, будемъ мы пить чай?

Надежда Павловна не отвѣтила, но тихо поднялась со стула и поплелась мелкими и неувѣренными шагами въ столовую. Тамъ она старалась спрятаться за самоваръ и не говорила ни слова, хотя чувствовала, что именно теперь говорить было необходимо.

Молчалъ и Петръ Николаевичъ. Онъ хмурился и пилъ чай стаканъ за стаканомъ съ такимъ хлюпаньемъ, какое производятъ непривычныя къ чаю маленькія дѣти. Казалось, и онъ былъ ошеломленъ и растерянъ; напускною небрежностью онъ старался скрыть свое волненіе, но это ему плохо удавалось. Тайкомъ слѣдила Надежда Павловна за нервно бѣгавшими глазами мужа и мысленно говорила себѣ, что ему все извѣстно... все... все!..

Часовъ въ десять къ Петру Николаевичу неожиданно пришелъ близкій его пріятель, жандармскій офицеръ Клагель, толстый, сутуловатый мужчина въ черепаховомъ пенснэ, и друзья, запершись въ кабинетѣ, долго о чемъ-то говорили.

Пока Клагель сидѣлъ, Надежда Павловна волновалась и нервничала; мелкими, вздрагивающими шагами ходила она по будуару и терла одеколономъ виски; время отъ времени останавливалась и прислушивалась съ стра-

даніемъ на лицѣ; она знала, что разслышать что-либо было невозможно, но не слушать не могла; ее стала *томить* жажда слушать; визитъ жандарма показался по-позрительнымъ; почему-то чудилось, что мужу сдѣлалось все извѣстно именно черезъ Клагеля, и охватившая ее жажда подслушивать становилась нестерпимой; чтобы нѣсколько отвлечься, она подошла къ этажеркѣ, на которой лежали ея любимыя книги, большею частью заграничныя романы, и взяла оттуда первую попавшуюся. Развернувъ ее, Надежда Павловна вздрогнула: передъ ней лежала старинная повѣсть: «Изабелла Орсини». Было ей хорошо извѣстно содержаніе: въ юности она зачитывалась этой страшной исторіей, гдѣ рассказывалось о томъ, какъ ревнивый мужъ ночью задушилъ измѣнившую ему Изабеллу. Раскрылась книга случайно на первыхъ главахъ, гдѣ описаны впечатлѣнія охваченной страстью замужней женщины, цѣлующей любовника съ наслажденіемъ и ужасомъ, въ полномъ сознаніи преступности ихъ любви... и, читая страшныя строки, она чувствовала, какъ катятся по вискамъ холодныя капли.

Гдѣ-то невдалекѣ стукнули. Надежда Павловна вздрогнула, вскрикнула и швырнула книгу за кресло; ей пришло въ голову, что романъ можетъ выдать ее.

Снова стало тянуть къ двери кабинета; на этотъ разъ она уже не сопротивлялась, а безвольно, рабски усмѣхнувшись, пошла, осторожно ступая и что-то шепча, къ мужу.

Она остановилась передъ дверью и, осмотрѣвшись, припала къ скважинѣ. Въ кабинетѣ о чемъ-то негромко разговаривали, словъ разобрать было нельзя, но, чудилось, говорилъ офицеръ.

То, что говорить именно Клагель,—представилось Надеждѣ Павловнѣ особенно важнымъ и страш-

нымъ. Она согнулась ниже и вдругъ услышала въ сторонѣ сдержанный смѣхъ. Стиснувъ зубы, чтобы не вскрикнуть, она обернулась къ прихожей; показалось, что смѣялись именно тамъ, а не въ кабинетѣ, и что смѣялась Таня.

Задерживая дыханіе, она отошла отъ двери и побрела по комнатамъ, зорко осматриваясь по сторонамъ. Она прошла всю амфиладу, но горничной не встрѣтила; Таню нашла она у себя въ спальнѣ убиравшей постель.

— Уйдите, Таня,—сказала она негромко. Зачѣмъ велѣла уйти—она сама не знала, а думать не могла: не было силъ. Только оставшись наединѣ, она поняла: захотѣлось посмотрѣть на кровать. Осмотрѣла она двухспальную постель съ особеннымъ, жуткимъ интересомъ. Сердце жгла мысль, что все осквернено; чудилось, что на бѣлоснѣжныхъ подушкахъ, простыняхъ и полотенцахъ,—вездѣ написано что-то огромными, красными, уничтожающими буквами... закрывающими и жизнь, и смерть.

Мысль о чемъ-то далекомъ и миломъ снова противъ воли заползла въ душу. Она счастливо усмѣхнулась. Почему-то ясно представилось, что губы у нея безкровныя и тонкія именно теперь, послѣ преступленія, но она сказала съ упорствомъ:

— Пусть, пусть...

И улыбнулась снова,—восторженно, закрывая глаза подрагивающими вѣками. Впрочемъ, улыбка скоро сбѣжала; глаза погасли, потускнѣло все лицо, и она съ дрожью въ голосѣ проговорила:

— Боже мой, Боже!

Взглядъ ея упалъ на полный иконъ кіотъ; Петръ Николаевичъ былъ богомоленъ и любилъ дорогіе образа; что-то сверкнуло на черномъ ликѣ: точно двинулись

глаза. И она всѣмъ тѣломъ подалась къ кіоту и крикнула въ паническомъ страхѣ:

— Помогите! Вы! Вѣдь я же любила его!..

Приглядѣлась. Лица святыхъ были задумчивы и равнодушны. Тѣни бродили по ихъ лицамъ. Они молчали, молчали отъ вѣка, и подъ ихъ холодными взглядами она снова прошла въ будуаръ.

Упавши въ кресло, она подперла голову руками и дрожала какъ въ лихорадкѣ; пробѣгавшій по всему ея тѣлу ознобъ рѣзко смѣнялся жаромъ; тѣло болѣло, ныли кости, но общее недомоганіе только радовало. Кажалось, что если она захвораетъ,—за болѣзнью сойдетъ незамѣченнымъ то, что случилось, и только одного не желала она, а; напротивъ, боялась: смерти.

Постепенно ее снова стало тянуть къ брошенному за кресло роману. Она нагнулась, взяла старую книгу и раскрыла на серединѣ.

Теперь описывалась та страшная ночь, въ которую мужъ задушилъ Изабеллу Орсини. Скользкій холодокъ ощущался вокругъ шеи, точно отъ шелкового шнура. Она потрогала шею рукой. Пальцы нащупали золотую цѣпочку, и мысль, что это цѣпочка для креста, а не шнуръ, такъ успокоительно подѣйствовала на нее, что она начала смѣяться, но подняла глаза и увидала передъ собою мужа.

Она вскрикнула глухо, отчаянно и двинулась всѣмъ тѣломъ. Глаза ея были тусклы и не мигали. Мужъ казался ей огромнымъ и страшнымъ.

— Ты испугалась?—Страннымъ и невѣроятнымъ казалось, что онъ говорилъ это ласково и при этомъ склонялся къ лицу жены.—У насъ такіе пушистые ковры: совсѣмъ не слышно шаговъ. Что ты читаешь?

Порывистымъ движеніемъ она захлопнула книгу и, прижавъ ее къ груди, отодвинулась.

— Да что ты какая сегодня?—спросилъ Петръ Николаевичъ, садясь рядомъ.—Не понимаю я тебя. Больна ты, что ли?

Надежда Павловна взглянула мужу прямо въ глаза; лицо его улыбалось спокойно, но выраженіе глазъ, тоже какъ будто спокойное, казалось неискреннимъ.

— Зачѣмъ ты пришелъ?—тихо прошептала она, отворачиваясь.

— Посмотрѣть на тебя... Соскучился я съ Клагелемъ... Отчего это ты не показала мнѣ книги?

— Такъ!—Снова Надежда Павловна вскрикнула, не узнавая своего голоса.—Что за предварительная цензура?

Петръ Николаевичъ пожалъ плечами и, помолчавъ, проговорилъ, смотря въ сторону:

— Странно... не понимаю я тебя. Для чего скрывать: вѣдь я же знаю, что ты читала.

— Что?

— «Изабеллу Орсини».

Надежда Павловна слабо вздрогнула, какъ пойманная птица, и сказала, смотря съ ненавистью на рѣдкіе перепутанные волосы мужа:

— Ну, да, «Изабеллу Орсини». Что жъ изъ этого?

— Ничего.—Онъ проговорилъ медленно и зѣвнулъ.—Охота читать на ночь такія сильныя вещи. Мало ли что можетъ случиться.

Снова она быстро отстранилась отъ мужа и сказала глухо и невнятно, старательно хороня нахлынувшее на нее чувство ужаса:

— А что же можетъ случиться?

— Ну, припадокъ, истерика. Мало ли что,—нехотя отвѣчалъ Петръ Николаевичъ и всталъ.—Пойду спроважу Клагеля, пора спать.

IV.

По его уходѣ Надежда Павловна бросилась къ окну и приникла къ стекламъ пламенѣвшимъ лицомъ. Въ глаза ползла темная, непогожая ночь, кое-гдѣ мигали фонари, было пусто, тоскливо, точно на кладбищѣ.

Ей пришло въ голову, что если мужъ ляжетъ спать первый, то, пожалуй, въ головѣ его возникнетъ мысль, что она медлитъ потому, что боится. Надежда Павловна нервно дотронулась рукою до щекъ, которыя продолжали пылать... это тоже могло показаться подозрительнымъ.

Она открыла форточку и подставила свѣжему воздуху свое лицо; налетѣвшій вихремъ вѣтеръ ворвался въ комнату, растрепалъ ей прическу и набросился на лампу; та замигала. Форточку пришлось закрыть. Должно быть, на улицѣ былъ сильный вѣтеръ, потому что небо, недавно бывшее все укутаннымъ тучами, блестяло искрившимися отовсюду звѣздами; звѣздъ было такъ много, что казалось, все небо состоитъ изъ огня. Эти звѣзды напомнили Надеждѣ Павловнѣ о грѣхѣ. Она начала молиться, но вспомнила, что передъ смертью также молилась и Изабелла Орсини,—и перестала.

Раздѣвшись, вся холодная, она юркнула подъ одѣяло, ожидая найти тепло подъ нимъ; но полотно простыни было холодно, и тѣло коченѣло. Чтобы согрѣться, Надежда Павловна легла на животъ и заложила руки подъ подушки, но тамъ было еще холоднѣе, и она сейчасъ же выдернула ихъ оттуда; повернулась, легла на лѣвый

бскъ; для тепла поджала ноги; ломило кости; прерывисто и больно билось сердце. Холодная тьма распространилась по душѣ.

Въ спальню вошелъ Петръ Николаевичъ. Вошелъ онъ неслышно и неслышно остановился.

Надежда Павловна сдѣлала видъ, что разсердилась; ей пришло въ голову, что слѣдуетъ принять именно такой видъ для того, чтобы завязать обыденные разговоры и хоть ненадолго отвлечь мужа отъ того страшнаго объясненія, которое должно было сейчасъ произойти.

— Что у тебя за манера ходить, какъ мышь?— крикнула она.—Къ чему эти туфли? Ты знаешь, я не люблю.

Петръ Николаевичъ поморщился и отвѣчалъ нехотя:

— У меня мозоли. Удивительно, какая ты стала нервная.

Съ этими словами онъ началъ подбирать съ пола юбки и чулки жены и складывать ихъ на кресло, въ одно мѣсто.

— Право, у тебя этого никогда не было,—тянулъ онъ деревяннымъ голосомъ.—Сегодня ты какая-то... возбужденная. Никогда съ тобою не случалось, чтобы ты такъ раскидывала свои вещи. Это неряшливо. А женщина должна всегда быть изящной. Только тогда она и нравится мужчинамъ.

Послѣднюю фразу Петръ Николаевичъ какъ-то скомкалъ, точно задохнулся, и устало зѣвнулъ.

Зѣвокъ мужа, мелочные разговоры и уборка спальной показали Надеждѣ Павловнѣ подозрительными. Она знала, что Петръ Николаевичъ никогда не былъ мелочнымъ и не отличался большой любовью къ чистотѣ и порядку.

— Думаю, что все, продѣланное тобой, могла бы съ

успѣхомъ выполнить горничная,—проговорила она неприятно хрустящимъ голосомъ и, закрывъ глаза, сдѣлала видъ, что засыпаетъ. На самомъ же дѣлѣ ей было не до сна. Оставивши промежъ вѣкъ щелки, она зорко слѣдила за мужемъ. Что онъ?

Петръ Николаевичъ неторопливо и нехотя раздѣвался и, снимая высокія туфли на пряжкахъ, пыхтѣлъ.

Улегшись, онъ подложилъ себѣ подъ голову скрещенныя кисти рукъ, устремилъ глаза въ потолокъ и молчалъ.

Полежавъ въ такомъ положеніи минутъ десять, онъ поднялся и хотѣлъ погасить свѣчу, но Надежда Павловна его остановила.

— Не надо, не надо.

— Отчего?—спросилъ Петръ Николаевичъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ.—Вѣдь горитъ же лампадка.

Но она повторила, и въ голосѣ ея, противъ воли, слышался ужасъ:

— Не надо, не надо!

Петръ Николаевичъ досадливо передернулъ плечами, но свѣчи не погасилъ, а улегся въ прежнемъ положеніи и началъ вздыхать. Около часу оба молчали, въ гостиной часы пробили разъ. Петръ Николаевичъ все вздыхалъ и не двигался съ мѣста.

— Сколько это времени,—заговорила Надежда Павловна, желая подкупить мужа искренностью и простотою своего голоса.—Пробило только разъ, и неизвѣстно: можетъ быть, это часъ, а быть можетъ, половина третьяго, четвертаго... пятаго...

Она говорила только для того, чтобы говорить; молчаніе казалось ей страшнымъ и само по себѣ и отъ ожиданія того, что *должно* было случиться въ эту ночь.

Петръ Николаевичъ не отвѣтилъ на вопросъ жены, а проговорилъ неожиданно и значительно:

— Да, странная ты сегодня, странная...

Отъ этихъ словъ по тѣлу Надежды Павловны забѣгали мурашки. Въ фразѣ мужа почудился ей зловѣщій намекъ и начало *конца*... Она рѣшилась бороться, насколько будетъ силъ.

— Заладилъ!—съ дѣланною безразличностью сказала она, и голосъ ея осѣкся, и звукъ визгливо разбѣжался по комнатѣ, а руки, которыми она хотѣла взмахнуть, бессильно плеснулись внизъ и вытянулись поверхъ одѣяла.

Отзвукъ крика, слабо звеня, пронесся по спальнѣ, и Надеждѣ Павловнѣ сдѣлалась ясной ея полная беззащитность въ пустыхъ комнатахъ передъ сильнымъ мужчиной.

Захотѣлось бѣжать; бѣжать сейчасъ же, не одѣваясь, —сейчасъ, немедленно; она даже сдѣлала и движеніе, но мысль, что попытка къ бѣгству уничтожить послѣднюю возможность лгать и отговариваться, приковала ее къ постели.

И она ухватилась за послѣднее средство, могущее ее спасти: за ложь. Въ эти минуты она обожала ложь и молилась ей о спасеніи со страстностью, внушенной отчаяніемъ.

Но надо было говорить. Малѣйшее промедленіе съ ея стороны могло дать мужу возможность сказать такое слово, передъ которымъ была бы бессильна и ложь.

И ей захотѣлось жить... Міръ показался ей полнымъ обольстительныхъ чаръ и соблазна; жажда жизни дрожала во всемъ ея существѣ и, чудилось, звенѣла неослабно, такъ, какъ звенитъ въ воздухѣ тонкій звукъ серебра.

— Жить! Жить!—звенѣло вездѣ; жаждой жизни были исписаны стѣны, потолокъ, одѣяла... она же свѣтилась и въ желтомъ, мигавшемъ пламени свѣчи. Серебряный звукъ наполнилъ всю ея душу... Мысль, что, быть можетъ, черезъ полчаса она уже не будетъ жить, придавала ей силы; стремленіе жить подняло ее и заставило вскрикнуть торжествующе, непобѣдимо и гордо, какъ вызовъ:

— Ну?

Она крикнула рѣзко и смѣло и, потянувшись на кровати, приподнялась на подушкахъ. Ея глаза горѣли ярко и дерзко, а губы, покраснѣвшія и горячія, улыбались надменно и презрительно.

Петръ Николаевичъ удивленно посмотрѣлъ на жену и тоже приподнялся на кровати.

— Ты что это?—проговорилъ онъ, осматривая Надежду Павловну съ изумленіемъ.

— Извольте объясниться!—почти крикнула она.— Мнѣ надоѣло! Слышите ли, надоѣло.—Она удивлялась собственному голосу, до того онъ былъ гибокъ и свѣжъ.— Всѣ ваши пошлые намеки на что-то, полуслова, двусмысленные взгляды—все это противно мнѣ, отвратительно. Ну, будьте мужчиной, говорите просто и откровенно: что вамъ отъ меня надо?

Надежда Павловна смотрѣла на мужа и мысленно спрашивала себя, производитъ ли на него эффектъ ея наглая ложь, и, читая на его лицѣ производимое впечатлѣніе, уже готовилась торжествовать побѣду, какъ вдругъ одно слово, жалкое, дрожащее, вырвавшееся изъ глубины души, потрясло всю ее:

— Дина!..

Голосъ, сказавшій это слово, былъ тихій, убитый и, казалось, совсѣмъ не принадлежавшій Петру Николае-

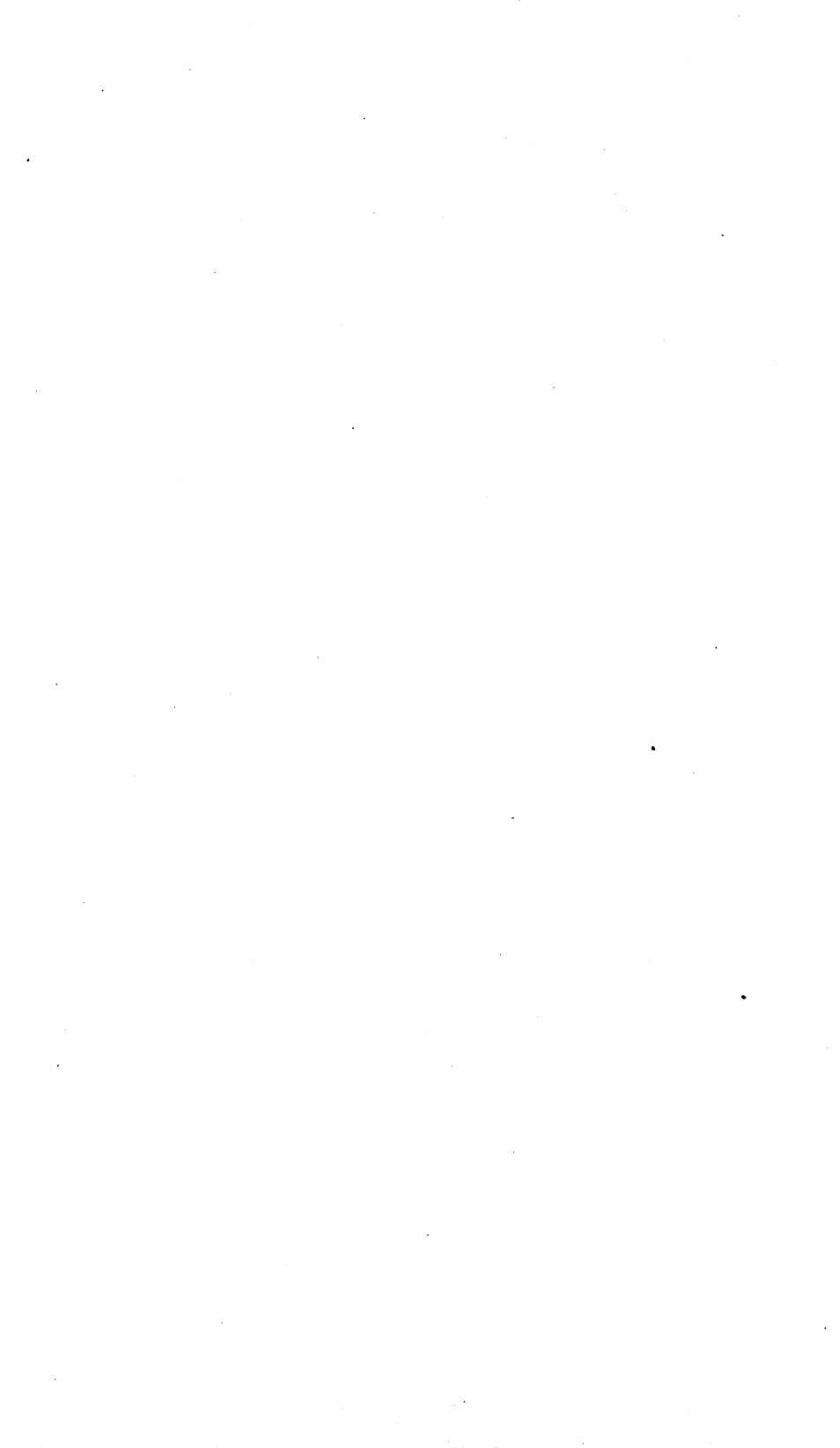
вичу. Чтобы удостовериться, онъ ли говоритъ, Надежда Павловна взглянула на мужа. Она увидала его убитое, искаженное мукой лицо, угасшій взглядъ и почувствовала, что слово принадлежало ему.

— Не лги,—еще тише прошептала Петръ Николаевичъ и отвернулся въ сторону.

Плававшая на губахъ Надежды Павловны увѣренная усмѣшка мгновенно скрылась. Она поняла, что мужу известно все; но не ужасомъ, а какимъ-то новымъ, острымъ чувствомъ сжалось ея сердце... Лицо мужчины было не негодующее, а приниженное. Въ ухахъ звенѣлъ его сдавленный окрикъ; она близко склонилась къ мужу и увидала, какъ слабо подрагиваютъ его одѣтыя въ бѣлую рубашку плечи; эта дрожь показалась ей такой безпомощно-жалкой, что скорбь отчаянья разомъ сдавила душу. Но тутъ же поднялось въ ней и новое. Мысль торжествующая перечеркнула безмятежно ровный какъ стекло лобъ.—«Онъ слабый!»—крикнула душа, и въ расширившихся зрачкахъ глазъ вспыхнула радость жизни.

Спасенная жизнь радовалась во всѣхъ частицахъ тѣла.

«Она будетъ жить, опасности нѣтъ».

ПОСЛѢ.

I.

Сна не было, хотя и стало спокойнѣе. Надежда Павловна забылась только къ утру. Она все ворочалась подъ одѣяломъ и прислушивалась къ дыханію Петра Николаевича. Ей казалось, что онъ не спитъ, а только дѣлаетъ видъ, чтобы не навлекать на себя ея вниманія... И отъ этой мысли то ознобъ разбѣгался по тѣлу, то все оно охватывалось жаромъ, пламенѣло и дѣлалось влажнымъ. Забывшись на нѣсколько мгновеній, Надежда Павловна тутъ же просыпалась отъ гнетущаго чувства остраго страха и заглядывала въ лицо мужа. Разсвѣтъ приближался съ мучительною медленностью. Страхъ начиналъ вновь расти... Надежда Павловна хотѣла подняться въ постели... Но тутъ же, сильно вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, вытянулась и разомъ заснула. Еще передъ пробужденіемъ, вмѣстѣ съ заползавшимъ подъ

вѣки розовымъ свѣтомъ утра, ея голову охватила жгучая мысль.

— Что, если бы ничего не было,—прошептала она, еще не вполне проснувшаяся. — Если бы все попрежнему... Какъ спокойно было!..

Надежда Павловна открыла глаза. Даже по мелочамъ она замѣтила, что жизнь опрокинута: не были подняты занавѣси оконъ, на ночномъ столикѣ не стояла китайская чашка съ горячимъ кофе и блюдечко съ бисквитами. Она сдѣлала было движеніе рукой, для того, чтобы убѣдиться, точно ли на столѣ нѣтъ чашки; ясно припомнилось, что кофе постоянно подавалъ ей самъ Петръ Николаевичъ. Горничную онъ не допускалъ до этого. Надежда Павловна представила себѣ его свѣжее, розовое отъ умыванія, улыбающееся лицо, безконечно добрый взглядъ голубыхъ близорукихъ глазъ.

«Милый»,—хотѣла было прошептать она, и вдругъ вся содрогнулась, вспомнивъ, что было. Осмотрѣлась. Петра Николаевича уже не было въ комнатѣ. Съ безпощадною ясностью стало понятно, что жизнь разбита. И уже не казалось ей обольстительнымъ то, что случилось вчера.

«Дѣти!»—вдругъ запылало въ ея мозгу. Глаза Надежды Павловны потемнѣли. Внезапный ужасъ выглянулъ въ нихъ; она вся затрепетала и, чтобы не видѣть ничего вокругъ себя, закрылась съ головой одѣяломъ. Но и тамъ короткое слово сверлило мозгъ; стиснувъ зубы, она задерживала въ себѣ дыханіе, чтобы не разрыдаться. Ее поразило, какъ это она могла совершенно забыть про дѣтей, которыхъ по-своему очень любила; вчера, бродя по дому, она много разъ проходила мимо дѣтской—и не вспомнила о дѣтяхъ ни разу, точно они и не существовали. И вдругъ стало ей ясно все. Она

отняла у дѣтей мать, она обокрала дѣтей. Теперь она была почти увѣрена, что Петръ Николаевичъ отъ нея уѣдетъ. Представила себѣ, какъ будетъ жить безъ него съ дѣтьми, и тѣ будутъ спрашивать ее объ отцѣ... А она будетъ лгать, лгать и лгать, до тѣхъ поръ, пока тѣ не поймутъ жизни.

— «Но если...» запало въ голову.—«Если... если»...

Дальше словъ не было. Слишкомъ жутко было. Сердце Надежды Павловны сжалось тоской. Ей вдругъ пришло въ голову, что мужъ возьметъ у нея дѣтей и что она будетъ жить одна... «Неужели?.. Неужели?..»—попыталась крикнуть она. Но не было и голоса. Спѣшно накинувъ на себя капоть, она бросилась къ дѣтской и внезапно въ смежной комнатѣ увидала передъ собою мужа. Слабо вскрикнувъ, отшатнулась и ухватилась за портьеру.

II.

Петръ Николаевичъ сидѣлъ на стулѣ и, склонившись къ полу, укладывалъ свое бѣлье въ большой кожаный чемоданъ. Вѣроятно, оттого, что онъ пригнбался книзу, лицо его было багрово, некрасиво и выглядѣло угрожающимъ.

Увидавъ жену, онъ усмѣхнулся и закрылъ глаза, какъ бы пряча выраженіе гадливости... Голосъ замеръ въ ея груди, она попыталась что-то сказать, но ничего не сказала и, не смѣя поднять головы, неслышно, какъ мышь, прошла въ дѣтскую. Саркастическій смѣхъ прозвенѣлъ за нею. Ее всю потянуло назадъ, чтобы оскорбить и унижить того, кто такъ смѣялся. Ноги не слушались, онѣ подгибались. Еле добрела до стула и упала на него, крикнувъ сдавленнымъ голосомъ:

— Андрей! Валя!

Дѣтей у нея было двое. Меньшая—трехлѣтняя Валя, старшій—Андрей. Всѣ знакомые находили ихъ красивыми, и Надеждѣ Павловнѣ въ особенности нравились ихъ глаза, тоже голубые, какъ и у нея, и такъ же обрамленные огромными рѣсницами.

Еще спали дѣти. Надежда Павловна тихо склонилась надъ кроватью Андрея. Тотъ спалъ, разметавшись по постели, почти совсѣмъ голый, и чему-то улыбался во снѣ; ноги его казались худыми какъ палочки и жалкими; родинка у груди темнѣла обиженно и невинно; отъ длинныхъ рѣсницъ на нижнія вѣки упали огромныя строгія тѣни, и лицо, несмотря на улыбку, казалось строгимъ. Надежда Павловна вздрогнула и вдругъ поняла и радость Петра Николаевича, и его улыбки, и смущеніе, и то, что безконечно дорого ей самой—это строгое, улыбающееся лицо. Мысль о томъ, что она поняла это поздно и что, быть можетъ, завтра ужъ не увидитъ Андрея, опалила ее; она почувствовала, что холодѣетъ, и осмотрѣлась по сторонамъ беспомощно. «Простите! Простите меня!»—хотѣлось ей крикнуть; она протянула руки къ ребенку; горячая слезинка мгновенно пробѣжала по щекѣ, обожгла ее и пропала... Надежда Павловна бросилась къ дѣвочкѣ. Та уже не спала и немигавшими глазами смотрѣла вверхъ на жужжавшую муху, запутавшуюся въ складкахъ кисейнаго балдахина. Надежда Павловна быстро осмотрѣлась по сторонамъ, нѣтъ ли въ дѣтской няньки, и, увидавши, что нѣтъ, порывисто взяла Валю на руки и принялась цѣловать. Дѣвочка тянулась къ матери, щурясь отъ свѣта и подрагивая отъ утренней свѣжести; своими руками, похожими на вѣтки березки, она оплела ея шею и смѣялась серебрянымъ смѣхомъ, захлебываясь отъ можетъ быть безпричинной радости.

И, цѣлуя ее, Надежда Павловна гнала отъ себя жуткую мысль, что это—ея послѣдніе поцѣлуи...

— Прости меня! Прости!—жуткимъ шопотомъ сказала она тому, кого не было здѣсь; тому, кто ночью вздыхалъ такъ жутко.—О, если бы ничего не было!..

Слабый шумъ заставилъ ее вздрогнуть. Она встрепелась, подняла кверху полные страха глаза. Передъ нею стоялъ Петръ Николаевичъ.

Повидному, онъ только-что вошелъ. Подойдя къ Надеждѣ Павловнѣ, онъ молча взялъ у нея ребенка и положилъ его обратно въ кровать, покосившись, какъ показалось Надеждѣ Павловнѣ, въ ея сторону съ брезгливостью. Лицо ея все вспыхнуло подъ этимъ жгучимъ взглядомъ... И молча смотрѣла она, что будетъ дальше. Ни тѣни ночной слабости не видѣлось въ лицѣ мужа. Онъ стоялъ высокій, спокойный и увѣренный.

— Сегодня я уѣду,—медленно проговорилъ онъ, блуждая холоднымъ взглядомъ по стѣнамъ и потолку.— Уѣду я, конечно, не одинъ,—вмѣстѣ съ дѣтьми. Думаю, что ты не станешь спорить,—добавилъ онъ послѣ паузы и такъ сурово, что у Надежды Павловны захолонуло въ сердцѣ.—Ты ушла сама...—Мыскулы лица его задержались.—Ты... ты... Чего тебѣ недоставало?..

Голосъ его зазвенѣлъ и осѣкся. Онъ остановился, словно задохнувшись, загородилъ собою отъ нея дѣтей, и Надежда Павловна еще ниже опустила голову. Она не слышала, говорилъ ли онъ ей что-нибудь послѣ.

Ея умъ заполонило нѣсколько странныхъ мыслей. Прежде всего, ее поразило, что мужъ говоритъ съ ней почти обыкновеннымъ голосомъ. Никто не кричитъ, не грозитъ револьверомъ; на немъ, на мужѣ, обыкновенный костюмъ... и манжеты обыкновенныя, съ знакомыми запонками, и галстукъ не черный, и приглажены волосы

какъ всегда... Но какъ все страшно. Щемило душу внезапно явившееся желаніе смерти, нелѣпо соединенное со страстною жаждой жизни и счастья.

«Но дѣти! Дѣти!»—вновь зажглось въ самомъ сердцѣ души. Какъ забыла она о нихъ и вчера и сегодня; какъ не вспомнила, вернувшись въ домъ,—когда все, главное, было въ нихъ? И вотъ—кончено все.

Она почувствовала, что внезапно начинаетъ дѣлаться все меньше и меньше, и вдругъ рассыпалась, какъ куча рыхлаго снѣга.

III.

Придя въ себя, Надежда Павловна поняла, что съ ней былъ обморокъ, и увидала себя лежащею на полу подлѣ кровати сына. Въ комнатѣ никого не было. Она поднялась на ноги и внимательно осмотрѣлась. То, что ее бросили и не помогли даже во время забытья, сначала ее и удивило и обидѣло. Потомъ она вспомнила брезгливый взглядъ мужа и съежилась. Она поняла, что минутная слабость Петра Николаевича, когда онъ, узнавъ объ ея грѣхѣ, плакалъ ночью, уже давно миновала. Страхъ за дѣтей охватилъ ее. Она выбѣжала изъ дѣтской, прошла кабинетомъ, столовой, спальней,—ни мужа, ни дѣтей въ домѣ не было. Въ дѣвичьей неслышно копошилась, укладываясь, горничная Таня, но спросить у нея она не рѣшилась, и виновато, какъ побитая, пошлепала въ столовую. Ее обижало и то, что всѣ исчезли изъ дома такъ скоро, точно въ квартирѣ завелась чума, дифтеритъ или какая-нибудь другая смертельная зараза. Захотѣлось плакать; Надежда Павловна вынула платокъ, но слезы не лились. Прошла по опустѣвшимъ комнатамъ. Мысль, что къ ней съ минуты на минуту мо-

гутъ прѣхать гости, оледенила ее. Надежда Павловна быстро прошла опять къ дѣвичьей, заглянула туда и съ жутью на сердцѣ замѣтила, что ушла даже Таня; не было видно и ея вещей. На одномъ изъ столовъ нашла записку, писанную рукой мужа. Мапинально она пробѣжала ея содержаніе. Въ ней говорилось, что она будетъ получать ежемѣсячно по пятьсотъ рублей. «Кажется, можно будетъ жить... весело»,—стояло въ припискѣ, и общій тонъ презрѣнія снова сильно оскорбилъ ее.

Надежда Павловна просидѣла въ креслѣ до сумерекъ и все думала. Разныя мысли лѣзли въ ея голову; много было такихъ, которыя вовсе не относились къ ея положенію, но по мѣрѣ того, какъ въ молчаливыхъ комнатахъ темнѣло, одна мысль, огромная и тяжелая, *загромождала ея мозгъ. Она старалась отгонять ее отъ себя, но та лѣзла неотвязно, и въ концѣ-концовъ захватила ее. Стала думать о томъ, какъ будетъ жить одна. Что тотъ, кому она вчера отдалась, не станетъ жить съ нею, было для нея обидно-ясно, и Надежда Павловна, не обольщаясь, старалась представить себѣ свою жизнь послѣ разрыва съ мужемъ. Петръ Николаевичъ обѣщаль давать ей на житье; она знаетъ его,—съ этой стороны она могла быть вполнѣ спокойна. На мгновеніе въ голову забѣжала жгучая мысль,—какъ брать деньги отъ человѣка, которому она причинила зло. Но не взять она не могла. Ей приходилось брать, потому что своихъ денегъ у нея не было. Она вспомнила, какъ ходила въ коричневомъ платкѣ, не однажды заплатавшемъ и вылинявшемъ, жила въ качествѣ пріемыша у сорокалѣтней тети, нулевой, ворчливой чиновницы, подрисовавшей себѣ брови и аккуратно каждое лѣто ѣздившей въ Ессенту-

кц. Ходили про нее грязные слухи. Надежда Павловна была рада, когда появился Петръ Николаевичъ.

«Все-таки, не брать!..»—подумала Надежда Павловна про деньги. Двинулись брови, на лбу слеглись морщинки:

— Да, да, не надо быть низкою,—не надо отъ него денегъ, нѣтъ...—Но сейчасъ же она содрогнулась при мысли, что придется изъ изящной, комфортабельной квартиры переселиться въ скверныя меблированныя комнаты. Вспомнилось, какъ недавно заѣзжала она въ шамбръ гарни къ одной бѣдной модисткѣ, которой она давала время-отъ-времени по пяти рублей; въ квартирѣ было темно, стоялъ удушливый запахъ, и безконечно чужими казались ей люди, жившіе въ грязныхъ каморкахъ... Надежда Павловна похолодѣла, увидѣвъ себя въ маленькой комнаткѣ въ два окна, съ пожелтѣвшимъ потолкомъ, грязными тюлевыми занавѣсками и дощатою перегородкой.

— Не надо, не надо,—вздрагивая, бормотала она и съ любовью осматривала свою богатую обстановку, съ которой она такъ сжилаась.—Останусь здѣсь... навсегда...

IV.

Опять задумалась. Вотъ она одна; она живетъ безъ мужа. Утро. Она еще въ постели. Спѣшить ей не къ кому: дѣтей нѣтъ. Поэтому она лежитъ въ постели до полудня и съ тоскою прислушивается, не трещитъ ли звонокъ. Тишина—удручающая, звонки тревожатъ. Къ часу, однако, начинается перезвонъ; являются гости; если женщины,—на лицѣ у нихъ затаенное злорадство; мужчины—съ особеннымъ, горько замѣтнымъ выраженіемъ любезной распущенности; не то легкомысленный, чисто мужской цинизмъ, не то ироническое

благоволеніе просвѣчиваютъ въ ихъ разговорахъ, въ ихъ молчаньи... Лицо Надежды Павловны поводится тѣнью; она знаетъ, что не пройдетъ и мѣсяца ея одинокому «соломенному» житію, какъ насчетъ ея поднимутся скверныя сплетни; будутъ за глаза называть нѣкоторыхъ изъ гостей ея любовниками, а многіе и въ самомъ дѣлѣ начнутъ преслѣдовать ее своими ухаживаніями, настойчиво, безъ боязни отвѣтственности; ея отказы, гнѣвные слова и даже слезы встрѣтятся недовѣрчивою или ироническою улыбкой, можетъ быть, смѣхомъ. Наконецъ, узнаютъ и о «предметѣ» ея восторговъ; вѣроятно, онъ и самъ будетъ время-отъ-времени появляться въ салонѣ, изнѣженный, утомленный и лѣнивый. Его будутъ поздравлять, называть счастливымъ, громко перешептываться. И онъ будетъ улыбаться, снисходительно поглядывая на нее. Затѣмъ его визиты сдѣлаются рѣже. Надежда Павловна будетъ скучать по немъ, ревновать, дѣлать сцены; онъ еще рѣже станетъ заглядывать въ ея квартиру. Домашніе завсегдатаи нерѣдко будутъ заставлять Надежду Павловну въ слезахъ; польются слова утѣшенія. И ей понравится въ комъ-нибудь изъ гостей то, какъ онъ говоритъ; понравятся голосъ, сочувствующіе глаза, тихая, утѣшающая улыбка. Дальше она, конечно, не зайдетъ, но на обѣдахъ этого человѣка будутъ сажать съ нею рядомъ, начнутъ шептаться съ нимъ такъ же, какъ только-что шептались съ *первымъ*. И Надежда Павловна со страхомъ пойметъ, что это—*второй*.

V.

Вздрогнула. Ничего невидящими глазами осмотрѣлась вокругъ, умоляюще протянула къ кому-то руки...

«Вернись!»—говорили ея затуманенные глаза, и сознание разбитой жизни леденило кровь. Она вскрик-

нула и задохнулась, и зарыдала въ одно и то же время. Затѣмъ безпомощно осмотрѣлась, встала и пошла, вздрагивая, какъ отъ холода, и натыкаясь въ сумракѣ на стулья и столы. Съ трудомъ отыскала она спички, зажгла свѣчу и усѣлась на постели, смятой во время спанья и еще не прибранной. Опять въ голову запаала обидная мысль, что всѣ бросили ее. Навсегда, навѣчно и спасенія нѣтъ. Тревожно взглянула она на кіотъ съ образами, но нахмурилась и остановилась взглядомъ на его нижнемъ ящикѣ, гдѣ хранились разныя склянки съ лѣкарствами; разсѣянная улыбка всплыла на губы, и сейчасъ же она засмѣялась сухимъ и короткимъ смѣхомъ, съ страннымъ свистящимъ визгомъ,—это ее поразило. Потрясла головой и отвернулась въ сторону; но глаза противъ воли бѣжали къ темному ящику и пытливо смотрѣли въ его щель, какъ бы отыскивая что-то. Да, всѣ бросили и навсегда, но есть способъ оборвать это «всегда»,—уничтожить вѣчность. И, можетъ быть, это ужъ вовсе и не такъ трудно. Надежда Павловна пожала плечами, и все шептала что-то, недовольная. Взглядъ противъ воли бѣжалъ за щель ящика. Туда же звало и сердце.

И, повинувась зову, она подошла къ кіоту, усѣлась на коврикѣ передъ чернымъ ящикомъ, выдвинула его и отшатнулась: изъ темноты доносился не одинъ лѣкарственный, а еще какой-то особенный, страшный, похожій на трупный, запахъ. Приблизила къ себѣ свѣчу и на мигающемъ желтомъ пламени ея стала разбирать склянки съ лѣкарствами, почему-то особенно долго читая ярлыки и какъ бы соображая что-то не относящееся, чрезвычайно далекое и въ то же время необыкновенно ей близкое.

Она пересмотрѣла нѣсколько пузырьковъ и отобрала

межь ними тѣ, содержаніе которыхъ могло, по ея мнѣнію, дать тотъ странный, жутко мертвящій запахъ. Отложила въ сторону нашатырный спиртъ, сулему и азотную кислоту, поставила все передъ собою на ночной столикъ и потомъ, подумавъ о чемъ-то, присоединила къ кучкѣ бертолетовую соль.

И сейчасъ же стала томить ее жажда. Надежда Павловна быстро налила себѣ изъ графина стаканъ воды, но выпить не рѣшилась. Ей показалось, что по ошибкѣ она налила себѣ не воды, а нашатырнаго спирта. Сначала эта мысль почему-то насмѣшила ее, затѣмъ напугала. Руки задрожали, въ голову ударило, что она дѣйствительно вмѣсто воды налила себѣ яду, и не ошибкой, а нарочно. Что-то слабо задрожало внутри, призывая къ жизни. Надежда Павловна отшатнулась отъ склянокъ и, подрагивая, какъ въ ознобѣ, прошлась по спальнѣ. Ей захотѣлось посмотрѣть дѣтскую; но по дорогѣ находилось нѣсколько темныхъ комнатъ, и необходимо было итти черезъ нихъ. И было такъ страшно темно за дверями спальнѣ; сквозь портьеру рвался сумракъ, зіяющій и холодный. Странно, что такъ долго не разсвѣтало; или эта тьма была во взглядѣ? Или душа потускнѣла? Тьма лѣзла отовсюду, и былъ во всемъ домѣ единственный уголокъ, гдѣ было сравнительно свѣтло и еще можно было дышать: у изголовья кровати, гдѣ горѣлъ огонь. Съ покорностью отчаянія присѣла на кровати. Сначала сдѣлалось легче. Она не сводила взгляда съ пламени свѣчи, и казалось ей, что вокругъ нея и въ ней самой тепло и ясно. Не угласла еще душа,—въ душѣ теплился свѣтъ. Но скоро она увидѣла, что обманулась. Она живо почувствовала, что внутри ея суровая, смертная тьма,—такая же, что рвалась изъ за портьеры смежной комнаты. Оробѣла и смутилась

душа. Надежда Павловна шепнула робко, что ей хорошо, что еще можно жить; что свѣтло будетъ дальше... но уже сама не вѣрила словамъ и чувствовала, какъ на душу надвигается мракъ все крѣпче и крѣпче. И не знала она, какъ выпутаться ей изъ наползающей отовсюду тьмы, и мучилась въ этомъ невѣдѣніи. Потомъ вдругъ точно пелена разсѣялась передъ глазами. Она увидѣла средство избавиться отъ тьмы и, желая этого, раскрыла коробку съ бертолетовою солью и бросила щепотъ ея въ стаканъ съ водой. Теперь она уже сознавала, что рѣшилась отравиться, и что смерть—единственная возможность избѣжать идущей вѣчности... и она уже не пугала ея. Быстро набросавъ въ стаканъ крохотныхъ блестящихъ пластинокъ, похожихъ на снѣгъ, она опустила въ воду ложку и усмѣхнулась неопредѣленно, когда снѣжная кучка вдругъ, точно по удару, всплыла на поверхность. Надежда Павловна потопила ее съ злорадствомъ, старательно размѣшала и, спокойная, поднесла стаканъ къ губамъ.

VI.

Но сейчасъ же затѣмъ она вся затрепетала и сгорбилась. Пришло въ голову, что она не знаетъ той дозы, принятіе которой было бы смертельно. Слабая теплота возвращающейся жизни разбѣгалась по тѣлу; заалѣли щеки, задрожали вѣки глазъ, дыханіе сдѣлалось трепетнымъ. Воображеніе услужливо нарисовало картину напрасныхъ мученій, за которыми все же должно было быть возвращеніе къ искалѣченной жизни, и соблазнительная мысль, что она не знаетъ смертельной дозы, задавила мозгъ... Надежда Павловна поспѣшно отставила отъ себя стаканъ съ ядомъ, отодвинулась и уже приготовилась засмѣяться, какъ взгляды ея

упалъ на флаконъ съ сулемой. Широко раскрытыми глазами, вся поблѣднѣвшая, смотрѣла она на объемистыя склянки и видѣла въ нихъ своихъ смертельныхъ враговъ. Рука потянулась къ нимъ, глаза забѣжали на ярлыкъ пузырька и, беспомощно мигая, остановились на изображеніи черепа и двухъ костей подъ нимъ, сложенныхъ крестообразно.

Сдѣлалось страшно. Вспомнилось, что смерть безобразна; это она, Надежда Павловна, сдѣлается жутко безобразной, если оборветъ жизнь. Такъ цѣнила она въ себѣ красоту; такъ восторгалась безупречностью формъ и линій лица,—и вотъ—это лицо должно вскорѣ сдѣлаться отталкивающимъ,—похожимъ на нарисованное здѣсь... И эти линіи рукъ должны исказиться, и глаза... глаза чудесные, необычайные, глаза южнаго неба...—что?.. И въ ужасѣ, вся содрагаясь, она быстро отставила отъ себя флаконы и крикнула со слезами въ голосѣ, какъ и прежде:

— Не надо!.. Не надо!..

И въ то же мгновеніе на душѣ сдѣлалось наивно и стыдно. Она поняла, что никогда не рѣшится. Темнота лѣзла на нее отовсюду, и все тѣснѣе и тѣснѣе окружала ее, сдавливая грудь; становилось труднѣе дышать, пламенѣла голова... Но радостная мысль о спасеніи пробивалась цѣпко. Надежда Павловна уже знала, что останется жить; знала, что жизнь ея будетъ темна какъ грѣхъ... Но снова радовалась жизнь спасенная; снова смятенная душа дрожала радостно во всѣхъ частицахъ тѣла...—«Жить! Жить!.. Только бы жить!»—И нарисованный на склянкѣ черепъ насмѣшливо скалилъ зубы, и полный ѣдкаго сарказма представлялась надпись на ярлычкѣ флакона:

«Обращаться съ осторожностью».

СКАЗКА ПРО АНТОНА ИВАНОВИЧА.

I.

По субботамъ на дачу Антона Ивановича Комлева, директора гимназіи, являлись полотеры. Для Антона Ивановича эти дни были самыми неприятными во всей недѣлѣ. Чумазые мальчишки въ плисовыхъ шароварахъ производили невообразимый хаосъ въ его заваленномъ книгами кабинетѣ и наполняли воздухъ пылью и еще какимъ-то особеннымъ запахомъ, отъ котораго у нервнаго Антона Ивановича кружилась голова.

Выдворенный изъ кабинета Комлевъ перебирался съ бумагами въ сосѣднюю комнату и плотно притворялъ за собою двери, чтобы не чувствовать одуряющаго запаха и не слышать шарканья; но проходило полчаса, въ теченіе котораго Антонъ Ивановичъ только что успѣвалъ вновь проникнуться соотвѣтствующимъ его труду настроеніемъ,—и вдругъ запертыя двери створялись, и по-

явившійся на порогѣ мальчикъ въ плисовыхъ штанахъ почтительно кричалъ:

— Ваше превосходительство!

Это значило, что Комлеву слѣдовало опять собирать бумаги и отправляться въ смежную комнату. Такое странствованіе обыкновенно продолжалось до тѣхъ поръ, пока работавшіе съ противоположной стороны квартиры полотеры не приглашали Антона Ивановича въ будуаръ его жены Надежды Романовны. Здѣсь онъ находилъ успокоеніе на болѣе продолжительное время, такъ какъ ко времени его вступленія въ эту комнату она уже оказывалась отполированной, освѣженной и вообще приведенной въ полный порядокъ.

Въ субботу пятнадцатаго мая Антону Ивановичу полотеры были особенно въ тягость: прежде всего, они очень запоздали и явились лишь послѣ завтрака; затѣмъ какъ-то особенно много, какъ казалось Комлеву, пылили... Наконецъ, ему необходимо было къ началу слѣдующей недѣли окончить рѣчь, предназначенную для прочтенія въ педагогическомъ кружкѣ. Антонъ Ивановичъ долго думалъ надъ тѣмъ, какъ ему озаглавить свою лекцію. Сначала онъ назвалъ ее: «О правахъ человѣка», но затѣмъ названіе это показалось ему слишкомъ неопредѣленнымъ, и онъ переименовалъ рѣчь въ «Разсужденіе о человѣческомъ достоинствѣ»; потомъ отмѣнилъ и это, но новаго названія не придумалъ. Цѣлью его лекціи было выяснитъ аудиторіи свое воззрѣніе на принципъ свободы человѣческой личности. Самая тема его не смущала, но изложеніе ея на бумагѣ все выходило малопонятнымъ и сухимъ. Антону Ивановичу подчасъ думалось, что говорить онъ не свои, а совсѣмъ чужія слова; временами онъ чувствовалъ, что въ его рѣчи сквозитъ какая-то натянутость, почти фальшь, и онъ мор-

щился, хмурился и еще ниже сгибался надъ ворохами исписанной бумаги. И страстно хотѣлось ему сказать какое-нибудь живое, огненное, крылатое слово, но изъ-подъ пера съ медленностью черепахи выползали тяжело-вѣсныя, некрасивыя и казенныя слова: «очевидно», «принимая съ другой стороны во вниманіе», «если же обсудить принципиально»...

Антонъ Ивановичъ положилъ перо на край изящнаго письменнаго стола, уставленнаго дорогими бездѣлушками, и задумался. Передъ нимъ какъ-то нечаянно, точно сорвавшись откуда-то сверху, встала слышанная имъ въ театрѣ фраза о томъ, что берущійся за великое дѣло долженъ приступать къ нему съ благоговѣніемъ, быть свободнымъ отъ низменныхъ помысловъ; и, припоминая наполовину забытыя слова, Антонъ Ивановичъ проговорилъ вслухъ:

— «Кто дерзнулъ писать Человѣка въ терновомъ вѣнцѣ, тотъ долженъ уединиться отъ всѣхъ, быть свободнымъ отъ грѣха и молиться... молиться»...

— «Быть свободнымъ отъ грѣха»,—медленно повторилъ Комлевъ, и голосъ его слабо дрогнулъ.

Онъ вздохнулъ, пригнулся къ бумагѣ и написалъ:

«Личность человѣка свободна,—это аксіома, господа, которая, тѣмъ не менѣе, не признавалась за таковую вѣками. Долгое время не понимали принципа свободы личности, и едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что и понынѣ нашъ принципъ не получилъ всеобщаго признанія».

Чернила на перѣ высохли; Антонъ Ивановичъ хотѣлъ снова обмакнуть перо въ чернильницу, но ручка выскользнула изъ его пальцевъ и упала подъ столъ. Комлевъ нагнулся, хотѣлъ было достать перо, но внезапно ему сдѣлалось такъ душно и тяжело, точно кто-то кле-

щами сдавилъ ему затылокъ.—«Склерозъ сердца!»—мелькнуло въ головѣ. Онъ такъ и остался, согнутый надъ ковромъ, и замеръ. Но мысли побѣжали теперь уже о другомъ,—и если бъ у него перо было въ рукахъ, она написала бы:

«Рабство! Ужели это не постыднѣйшее изъ всѣхъ золъ, существующихъ на землѣ? Вѣдь и посейчасъ мы встрѣчаемъ если не носящихъ видимыя оковы людей, то опутанныхъ ими незримо»...

И почему-то тотчасъ же ему пришла въ голову мысль о Надеждѣ Романовнѣ, его молодой и болѣзненной женѣ, на которой онъ женился около года назадъ.

Антонъ Ивановичъ встряхнулъ головой съ длинными космами бѣлыхъ, жесткихъ, какъ конскій хвостъ, волосъ и склонился надъ рукописью. Перечитывая ея послѣднія строки, онъ внезапно между черными буквами увидалъ въ миниатюрѣ лицо Надежды Романовны, молодое, красивое, блѣдное, съ синими кругами подъ глазами: это лицо вовсе не дышало торжествомъ красоты, а, напротивъ, казалось искаженнымъ болью; боль свѣтилась въ полузакрытыхъ глазахъ и трепетала около ноздрей и губъ, тонкихъ, съ глубокими уголками.

Комлевъ досталъ изъ-подъ стола перо, но пришедшая ему въ голову фраза уже исчезла, и въ воображеніи носились только ея обрывки.

«Оковы людей... окутанныхъ ими незримо... едва ли не постыднѣйшее»... Антонъ Ивановичъ раздраженно уставился глазами въ стѣну. Такъ какъ взглядъ его упалъ на портретъ жены, то онъ поспѣшилъ опустить глаза въ сторону. Два китайскихъ болванчика, на которыхъ затѣмъ набѣжалъ его взглядъ, заставили Комлева нахмуриться.

— Удивительно,—сказалъ онъ громко,—какіе у нея нелѣпыя вкусы.

Но сейчасъ же онъ вспомнилъ, что фарфоровыя бездѣлушки купилъ Надеждѣ Романовнѣ самъ, и желтыя щеки его съ коричневыми пятнами чуть заалѣли. Онъ опять потрясъ головой, но мысли лѣзли назойливо. Онъ припомнилъ, какъ суетился около года тому назадъ, какъ прыскался англійскими духами и наблюдалъ за внѣшнимъ благообразіемъ.

Спина Антона Ивановича скривилась отъ мысли, что онъ прыскался духами для того, чтобы понравиться Надеждѣ Романовнѣ. Онъ ѣздилъ тогда къ нимъ въ домъ, какъ женихъ ея, двадцатилѣтней.

«Едва ли не постыднѣйшее», снова пронеслось въ его головѣ, и онъ задумался надъ своей работой. Глаза его блуждали уже не по стѣнамъ будуара жены, гдѣ все его раздражало, а по устланному дорогими коврами полу.

— «Какъ можно чище»,—беззвучно шепталъ онъ, опять возвращаясь къ слышанной въ театрѣ фразѣ,—чтобы писать, надо быть чистымъ... Чистымъ, какъ вода... какъ снѣгъ... какъ бумага... какъ эта бумага...—Слово «эта» Антонъ Ивановичъ говорилъ про маленькій кусочекъ бумажки, чуть выглядывавшій изъ лѣваго ящика письменнаго стола жены. Этотъ листикъ, высунувшійся въ щель дверки стола маленькимъ своимъ краешкомъ, невольно привлекъ на себя вниманіе Комлева, и привлекъ именно потому, что онъ отлично выражалъ понятіе чистоты.

Продолжая глядѣть на него, Антонъ Ивановичъ задалъ себѣ вопросъ, отчего изъ ящика стола высунулся этотъ кусочекъ.

Ему пришло въ голову, что полотеры взломали письменный столъ Надежды Романовны. Онъ потрогалъ двер-

ку; та оказалась запертой. Комлевъ склонился къ бумажкѣ, потянулъ ее за уголокъ; та выскользнула изъ стола свободно.

— Письмо,—проговорилъ онъ и швырнулъ его на письменный столъ.

II.

Мысли Комлева снова обратились къ лекціи, и онъ уже составилъ въ умѣ сильную, эффектную фразу, но, готовясь занести ее на бумагу и нагнувшись къ столу, вдругъ охнулъ, потому что прочелъ въ письмѣ три слова: «мужъ» и «весь вашъ». Слово «мужъ» стояло гдѣ-то въ серединѣ сложеннаго втрое письма, а «весь вашъ»—въ концѣ. Какимъ-то образомъ случилось, что первое слово онъ прочелъ однимъ глазомъ, а два послѣднія другимъ, и оба вѣка глазъ, странно передернувшись, задрожали.

Антонъ Ивановича потянуло къ письму; потянуло настолько сильно, что онъ подался къ столу всѣмъ корпусомъ и прижался къ его барьеру. Онъ уже не думалъ о томъ, честно ли поступаетъ и не нарушаетъ ли правъ человѣческой личности, но быстрымъ движеніемъ забралъ со стола записку и дрогнувшей рукой сунулъ ее въ карманъ.

Послѣ этого онъ осматрѣлся безпокойно по сторонамъ. Взглядъ его опять упалъ на портретъ Надежды Романовны, и три мысли разомъ, какъ молніи, пронеслись въ мозгу:

«Она видитъ»... «Едва ли не постыднѣйшее»... «Гдѣ она?..»

Комлевъ всталъ и, подойдя къ двери, прислушался. До него долетѣлъ издали голосъ жены, разговаривавшей съ горничной, и онъ вздохнулъ облегченно. Надежда Романовна ничего не видала и была далеко.

Голова его спряталась въ высоко приподнятыя плечи; длинные сѣдые ключья расползлись съ затылка по воротнику; закусивъ безкровныя губы и уже вѣря въ недоброе, онъ читалъ, начавши съ середины письма:

«Я ненавижу не только его, но и васъ, когда вспомню, что вы, принадлежа ненавистному мнѣ человѣку, бѣжите моею любовью»...

Глаза Комлева заворочались, зубы заскрипѣли; онъ поблѣднѣлъ, но не читать дальше уже не могъ.

«Подумайте»,—читалъ онъ, переставая дышать,—«могу ли я вообразить васъ, молодую, милую, рѣдкую, рядомъ съ полуживымъ, что родилось и умерло, какъ только родилось... Неужели вы, продавшись въ рабство говорящему добрыя слова изувѣру, можете дышать однимъ воздухомъ съ нимъ?»

— Вотъ оно!—беззвучно прошепталъ Антонъ Ивановичъ, уронивъ глаза на свою лекцію. Онъ всталъ, желая пройтись по комнатѣ, но полъ ходилъ подъ его ногами, и трясущейся рукой онъ снова развернулъ письмо, припомнивъ, что началъ чтеніе съ середины. Стоявшія въ заголовкѣ слова обожгли его,—онъ прочелъ: «Дорогая Надежда Романовна»,—но послѣдующія фразы не укладывались въ его головѣ, сколько онъ ни старался уяснить себѣ ихъ смыслъ; Антонъ Ивановичъ машинально пробѣжалъ уже прочтенную середину письма и застрялъ на концѣ:

«Пишу вамъ свои послѣднія слова: если вы не придете сегодня ко мнѣ въ семь вечера,—знайте, что услышите выстрѣлъ»,—прочелъ онъ.—«До семи часовъ я буду ждать. Весь вашъ С.»

Окончивъ письмо, Комлевъ задохнулся. Руки его конвульсивно изгибались, концы пальцевъ посинѣли, а лицо стало настолько безобразно, искаженное судорогой, что,

увидавъ себя въ зеркалѣ, Антонъ Ивановичъ отшатнулся въ ужасѣ. Собирая мысли, онъ затаилъ дыханіе. Это показалось ему наилучшимъ средствомъ успокоиться, потому что вмѣстѣ съ вздохами изъ груди у него вырвались вопли.

Успокоившись, онъ стиснулъ зубы, нахмурился и, поставивъ на столъ локти рукъ, положилъ на кисти ихъ голову. Хотѣлось обсудить несчастье, но мыслей не было.

Антонъ Ивановичъ началъ съ того, что схватилъ перо и крупно, сразмаху написалъ на бумагѣ, попавшейся подъ руку: «Можете считать себя свободной и жить, какъ вамъ заблагоразсудится. Разумѣется, я удалюсь въ сторону».

Онъ перечиталъ написанное и побагровѣлъ отъ стыда. Его строки показались ему настолько банальными, а слово «удалюсь» звучало такъ фальшиво и театрально, что Комлевъ сейчасъ же изорвалъ написанное въ клочки.

Онъ подвинулъ къ себѣ новый листъ бумаги и вдругъ вспомнилъ написанную въ письмѣ фразу: «услышите выстрѣлъ».

— «Услышите выстрѣлъ!»—почти крикнулъ онъ.— Такъ, значитъ, онъ живетъ здѣсь, вблизи?

И Антонъ Ивановичъ потянулся къ письму, желая удостовѣриться, не обманули ли его глаза и точно ли эта фраза стоитъ въ запискѣ.

Развернувъ письмо, онъ замеръ отъ страха. Онъ услышалъ сзади себя шелестъ женскаго платья. Мысль, что къ нему подошла Надежда Романовна, до того оледенила его, что онъ забылъ спрятать письмо, и только скорчился, уронивъ голову и словно хоронясь отъ ударовъ.

— Баринъ,—послышался голосъ.—Барыня приказали доложить, что кабинетъ убранъ.

Комлевъ узналъ голосъ горничной Кати. У него отлегло отъ сердца, на душѣ стало свѣжѣе, но только на минуту. Мысль, что горничная вошла, не постучавшись, до того взбѣсила его, что онъ вскочилъ со стула и накинулся на дѣвушку:

— Вонъ! Вонъ! Какъ вы смѣете?!

Антонъ Ивановичъ пришелъ въ себя уже послѣ того, какъ перепуганная горничная исчезла изъ будуара. Онъ подумалъ, что обидѣлъ Катю ни за что, но сейчасъ же забылъ и объ обидѣ, и о Катѣ. Вытащивъ изъ кармана записную книгу и нескладно улыбаясь, онъ говорилъ:

— А вотъ я узнаю, кто *онъ*, узнаю сейчасъ.

III.

Въ карманѣ Комлева находилась книжка, въ которой были записаны имена и фамиліи учительскаго персонала и учениковъ гимназіи. Онъ припомнилъ, что въ концѣ письма стояла буква «С.», и началъ отыскивать по алфавиту фамилію того, кто написалъ письмо. Что онъ отыщеть, Антонъ Ивановичъ не сомнѣвался. Ему казалось, что какъ только глаза его набѣгутъ на фамилію *этого*, буквы, составляющія фамилію, вспыхнутъ и загорятся... и только одно, что представляло затрудненіе, была неизвѣстность,—въ отдѣлѣ учащихся или учащихся слѣдовало отыскивать. Но и это затрудненіе было обойдено. Мысленно скользя по лицамъ преподавателей, большею частью немолодыхъ и неинтересныхъ, онъ быстро придвинулъ списокъ учениковъ восьмого класса. Онъ уже твердо вѣрилъ, что огненную фамилію найдетъ именно въ этой графѣ, и основывался на томъ, что на гимназическихъ балахъ Надежда Романовна почти всегда танцевала съ восьмиклассниками.

— «Сабанинъ, Саванѣевъ, Салинъ, Сашенко»,—прочиталъ, весь блѣдный, Антонъ Ивановичъ и сейчасъ же остановился. Ему взбрело на умъ, что при поспѣшномъ чтеніи трудно будетъ уловить искомую фамилію...

— «Сабанинъ!—мысленно «вызвалъ» онъ и сдѣлалъ паузу. Предъ глазами встала слабая, точно чахоточная фигура юноши, бѣловолосаго, съ извѣденнымъ оспою лицомъ.

— А, вотъ кто,—припомнилъ Комлевъ. Онъ вспомнилъ также и данное имъ этому ученику нелѣпое, ни съ чѣмъ несообразное названіе, произведенное отъ одного греческаго глагола, «эгагонъ», усмѣхнулся и подумалъ: «Этотъ не можетъ быть».

Перваго восьмиклассника Комлевъ припомнилъ очень легко, зато ни втораго, ни третьяго припомнить оказался не въ состояніи.

Ему всегда представлялось, что онъ превосходно знаетъ не только внѣшность своихъ воспитанниковъ, но и душу ихъ,—и втайнѣ очень гордился этимъ,—на дѣлѣ же оказалось не то: четвертаго, Сашенка, онъ призналъ слабо, чуть не спутавъ съ сосѣдомъ по скамьѣ Сбитневымъ, пятаго представилъ себѣ легко, потому что это былъ сынъ инспектора, а шестого и послѣдующихъ путалъ до невозможности. Открытіе это настолько обезкуражило его и вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовало, что онъ на минуту даже забылъ о постигшемъ его семейномъ несчастіи. Въ Комлевѣ проснулся педагогъ, обиженный и оскорбленный самимъ собою; онъ дивился тому, какъ это воображалъ, что знаетъ ввѣренное ему юношество, и оказался среди него какъ въ лѣсу.

Но все это продолжалось не долго. Антонъ Ивановичъ вспомнилъ о письмѣ, и сердце его сжалось. Система, которою онъ думалъ руководствоваться при розыскѣ, по-

казалась ему смѣшной и наивной. «Весьма вѣроятно», подумалось ему, «что *тотъ* поставилъ начальную букву не фамиліи, а имени»... Его поразило, что онъ увлекся мелочами, упустивъ главное. Главное онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду. Главнымъ должно было явиться то, что онъ живетъ гдѣ-то здѣсь, вблизи, потому что иначе бы въ письмѣ не стояло, что Надежда Романовна услышитъ выстрѣлъ.

Впрочемъ, онъ сейчасъ же оставилъ и это.

— «Семь часовъ»,—вспомнилъ онъ.—Это срокъ для свиданья. А потомъ, если *тотъ* не безстыдный лжеецъ...

Антонъ Ивановичъ не договорилъ фразы и потеръ руки. Смѣялся онъ долго, съ наслажденіемъ, и остановился, лишь увидавъ въ зеркалѣ свое смѣющееся лицо. Оно показалось Комлеву ужаснымъ, похожимъ на лицо дьявола, и холодъ пробѣжалъ по его спинѣ.

— «Семь»,—все еще наслаждаясь, проговорилъ онъ и взглянулъ на часы.

Стрѣлки показывали четверть седьмого.

— Хорошо,—громко и раздѣльно проговорилъ онъ.— Будемъ ждать.

Онъ усѣлся поудобнѣе въ кресло и даже постучалъ пальцами по столу. Сидя, онъ уже ни о чемъ не думалъ, но въ креслѣ стало жарко, и онъ, поднявшись, отошелъ къ окну.

Губы нервно подергивались, но смѣяться онъ боялся: слишкомъ ужъ нехорошее дѣлалось лицо.

У окна онъ простоялъ около четверти часа, а въ половинѣ седьмого вошелъ въ свой кабинетъ, гдѣ въ то время была Надежда Романовна.

Пошелъ онъ къ ней безъ особой цѣли, но, когда увидалъ ее, цѣль обрисовалась ясно. Ему захотѣлось по-смотреть ей въ глаза.

— Здравствуй, Наденька,—мелко сѣменя ногами, проговорилъ онъ, войдя въ свой рабочій кабинетъ и уставясь на нее утлыми глазами.

Надежда Романовна холодно посмотрѣла на него и отвернулась.

— Здравствуйте.

Антонъ Ивановичъ усѣлся въ свое кресло и спросилъ, потирая колѣна морщинистыми руками:

— Ну, какъ ты поживаешь, душечка?

— Да ничего,—отрывисто отвѣтила Надежда Романовна, и глаза ея потемнѣли. Мелькомъ она взглянула на часы, и Комлевъ уловилъ ея быстрый взглядъ. Внезапно ему захотѣлось броситься на жену и вцѣплиться руками ей въ горло, тонкое, блѣдное, соблазнительно открытое. Онъ съ трудомъ подавилъ въ себѣ возникшее желаніе и, поцарапывая ногтями красное сукно письменнаго стола, хрипло, съ одышкой предложилъ:

— А пошла бы ты, Наденька, прогуляться.

Ему показалось, что въ эту минуту онъ похожъ на коршуна, играющаго съ заловленной птицей, и отъ этой мысли его охватило такое рѣзкое чувство удовольствія, что глаза его потянулись къ зеркалу, чтобы высмотрѣть, дѣйствительно ли его лицо приняло хищническое выраженіе.

Надежда Романовна, скользящая по циферблату часовъ новымъ взглядомъ, повернула къ нему свое холодное, точно мраморное лицо съ приподнятыми бровями.

— Зачѣмъ?—небрежно бросила она.

— Для моціона,—саркастически выкрикнулъ Комлевъ: Онъ не сдержался, и глаза его вспыхнули.

Надежда Романовна замѣтила его возбужденное состояніе.

— Что это съ вами?—вызывающе спросила она, глядя куда-то выше него.

Комлевъ заскрипѣлъ зубами, подавилъ въ себѣ жажду крикнуть женѣ, что она подлая, и тихо сказалъ:

— Немного нездоровится.

Лицо его сейчасъ же приняло прежнее жуткое выраженіе, и, изгибаясь отъ нахлынувшей обаятельной мысли, онъ проговорилъ:

— Нездоровится мнѣ... Почитала бы ты мнѣ что-нибудь вслухъ, Наденька.

Надежда Романовна поблѣднѣла и стиснула зубы.

Лицо ея сдѣлалось какъ-то меньше отъ охватившей боли, и глаза запылали жгучей ненавистью.

— Вы знаете, не люблю я такія... идилліи,—прошептала она дрожащимъ отъ презрѣнія голосомъ, и Комлевъ понялъ, что жена не только не любитъ его, а ненавидитъ всѣми силами молодой души.

IV.

Открытіе это его не опечалило. Напротивъ, по всему тѣлу сейчасъ же расползлось такое же острое наслажденіе, какъ остра была ненависть жены. Однако, онъ постарался подавить въ себѣ пріятно утомлявшее чувство, и сказалъ мягко и вкрадчиво:

— Ты знаешь, я никогда бы тебя не побеспокоилъ; но сегодня я такъ утомленъ, такъ утомленъ.

Надежда Романовна долго смотрѣла на него и шевельнула губами, точно прошептала:

— Гадина!

Но вслухъ проговорила, не глядя на мужа:

— Хорошо. Я буду читать. Говорите, что?

Повернула угасшее лицо къ часамъ; было безъ четверти семь.

Антонъ Ивановичъ тоже взглянулъ на циферблатъ, и глаза ихъ встрѣтились.

— Ты что?—глухо проговорилъ Комлевъ.—Тебѣ надо, быть можетъ, куда-нибудь итти?

— Нѣтъ, не надо,—рѣзко отвѣтила Надежда Романовна. Она вновь стала блѣднѣть съ поразительной быстротой; казалось, у нея закружилась голова... Взмахнула руками и неловко упала въ кресло. Но она, видимо, старалась прійти въ себя и, порываясь встать на ноги, два раза крикнула:

— Да, мнѣ надо итти... по хозяйству!

— Такъ я тебѣ позову прислугу.—Комлевъ засуетился и началъ звонить въ колокольчикъ.—Ты и тутъ распорядишься, что надо.

— Хорошо, я буду читать,—тихо сказала Надежда Романовна и взяла со стола рукопись мужа.

Она прочла три или четыре фразы, гдѣ говорилось о правахъ человѣческой личности и проклиналось рабство людей, и вдругъ, точно задохнувшись, выкрикнула съ отчаяніемъ:

— Я пойду... пойду...

Въ это время гдѣ-то за стѣною раздался слабый и странный звукъ, отчасти похожій на трескъ сломавшагося дерева, отчасти на тупой стукъ закрывшейся двери и, въ то же время, схожій съ шумомъ, который производитъ спрыгнувшая со стола на полъ большая собака.

Надежда Романовна глубоко вздохнула, дрогнула всѣмъ тѣломъ и поднялась. Вѣки ея глазъ трепетали.

— Негодай!—сдавленнымъ шопотомъ крикнула она мужу и вдругъ изо всей силы швырнула ему въ лицо его рукопись.

Антонъ Ивановичъ отшатнулся и закрылъ лобъ руками; когда онъ опомнился, то увидѣлъ, что Надежда Романовна, вся блѣдная, съ полузакрытыми глазами, старается выбѣжать изъ кабинета и силится раскрыть дрожащими руками дверь.

Онъ вскрикнулъ и бросился къ женѣ. И сила, на мгновеніе, оказалась въ немъ необыкновенная; онъ легко отшвырнулъ Надежду Романовну отъ двери и сталъ у нея, раскинувъ руки.

Начали бороться за дверь; Антонъ Ивановичъ старался не уступить выхода, но это ему не удалось; молодая и болѣе сильная Надежда Романовна отстранила его, пробралась къ двери и, вскрикнувъ, побѣжала изъ кабинета, не оглядываясь и спѣша.

А Комлевъ грузно упалъ на диванъ и лежалъ, растопыривъ пальцы рукъ, раскинувъ въ стороны ноги. Голова его запрокинулась, ротъ былъ раскрытъ криво, на сторону, сѣдые волосы взмокли.

Долгое время онъ лежалъ на диванѣ и ни о чемъ не думалъ; только понемногу мысли стали заплывать ему въ голову. Онъ сказалъ себѣ, что жена убѣжала и, навѣрное, къ тому, кого отыскивалъ онъ въ своей записной книжкѣ. Это укололо его, но очень слабо, чуть замѣтно, зато вдругъ сдѣлалось нестерпимо больно отъ мысли, что семь часовъ уже пробило, и что теперь совершилось нѣчто роковое, неотвратимое.

Затѣмъ мысли Комлева перешли къ самому себѣ; вспомнилось о старости, о склерозѣ; опять заломило въ затылкѣ. Онъ схватился за сердце и громко простоналъ:
— Ой!

Припомнилось ему и молодое, красивое лицо Надежды Романовны. Синіе круги подъ ея глазами заставили его болѣзненно сморщиться; тутъ же рядомъ съ

нимъ, дышало его собственное, старое, изрытое глубокими морщинами беззубое умирающее лицо; тяжкое ощущение стыда и печали появилось на душѣ и начало расти съ неимоверной быстротой, накатываясь на сердце исполинскою лентой; клубокъ выросъ до такихъ размѣровъ, что сидѣть было уже трудно. Антонъ Ивановичъ всталъ и разстегнулъ воротникъ крахмальной сорочки. Ему уже казалось, что на душѣ его лежитъ огромное преступленіе, и написанное въ лекціи вдругъ показалось чудовищной, непростительной ложью; внезапно возненавидѣвъ свое сочиненіе, онъ бросился къ ворохамъ исписанной бумаги и сталъ комкать, рвать ихъ и топтать ногами. Бумага шуршала подъ ногами, а Кремлевъ все топалъ ногами, задыхался и хрипло шепталъ:

— Ложь! Ложь!

И, только покончивъ съ сочиненіемъ, Антонъ Ивановичъ понялъ, что надо. Онъ подошелъ къ зеркалу, вытеръ на лицѣ потъ, оправилъ сорочку и, надѣвши галстукъ, вышелъ въ садъ.

V.

Выйдя на шоссе, Комлевъ остановился у фонаря, пораженный суетней подлѣ воротъ сосѣдней дачи. Двѣ бабы, почти совершенно одинаковыя по виду, что-то кричали другъ другу, указывая на маленькое ветхое крыльцо. Антонъ Ивановичъ вошелъ въ ворота этой дачи и направился прямо, не оборачиваясь назадъ и не глядя по сторонамъ, къ черному крыльцу. Шелъ онъ быстро, точно подгоняемый невидимой силой. Поднялся по скрипучей лѣстницѣ и неслышно вошелъ въ раскрытую дверь.

Неприятный запах карболовой кислоты или йодоформа чуть вскружилъ ему голову, но онъ продолжалъ итти, глядя передъ собой въ упоръ немигавшими глазами.

И по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, противный запахъ все усиливался; ухо Комлева стало воспринимать глухой шумъ, отчасти похожій на плачь, отчасти на звукъ пилы, которою распиливаютъ бревна на тесъ.

— Здѣсь,—строго прошепталъ онъ себѣ и, толкнувъ дверь рукою, вошелъ въ низкую комнату.

Хотя тамъ и было сумрачно, но Антонъ Ивановичъ зажмурилъ глаза, какъ будто бы его ослѣпилъ сильный электрическій свѣтъ. Сердце его дрогнуло.

Открывъ глаза, онъ успокоился вполнѣ. Онъ увидалъ на кровати того, кого отыскивалъ въ своей записной книжкѣ. Лежалъ онъ полуприкрытый стеганымъ одѣяломъ, въ бѣлой рубашкѣ, на которой чернѣли полоски и кружочки бурого цвѣта. И какъ только Комлевъ замѣтилъ ихъ, они быстро закружились передъ глазами, постоянно мѣняя свой цвѣтъ, и дѣлались то синими, то желтыми, то зелеными...

Комлевъ не скоро понялъ, что у него кружится голова, и прислонился къ стѣнѣ. На него никто не обращалъ вниманія, и Антонъ Ивановичъ, какъ только цвѣтныя пятна перестали бѣгать въ его глазахъ, началъ приглядываться къ людямъ, окружавшимъ того, кто лежалъ на кровати.

Онъ тутъ же замѣтилъ, что у того на шеѣ лежитъ бѣлая повязка, по которой точно извивался червякъ, красный, толстый и, чудилось, жирный. Подлѣ лежавшаго, сгорбившись, сидѣлъ старикъ и не сводилъ съ него глазъ, щупая пульсъ на рукѣ. Около кровати, спиной къ Комлеву, стояла на колѣняхъ молодая женщина съ

прекрасной, почти дѣвичьей таліей; плечи ея судорожно подергивались, голова была склонена на руки, прическа растрепалась.

Антонъ Ивановича пріятно удивила рыдавшая женщина... но онъ заинтересовался не ею, а каменно-спокойнымъ лицомъ лежавшаго на кровати. Настойчиво подвинулся онъ ближе и, слабо вскрикнувъ, отступилъ. Передъ нимъ былъ некрасивый гимназистъ восьмого класса Сабанинъ.

— Вотъ кто!—сказалъ Комлевъ негромко, въ изумленіи разглядывая тщедушную фигуру бѣловолосаго рябого юноши.—Да неужели онъ? Не можетъ быть.

Подвинулся къ лежавшему, толкнувъ сидѣвшаго около него старика.

— Отойдите, пожалуйста,—проговорилъ докторъ, не поднимая на Комлева глазъ.—Темно. Вы мнѣ мѣшаете.

Антонъ Ивановичъ послушно отступилъ и повернулся къ женщинѣ съ тонкой таліей, которая все стояла на колѣняхъ у кровати. Ему хотѣлось заглянуть ей въ глаза. Но еще не подойдя, онъ говорилъ себѣ, что этого ему не слѣдовало дѣлать; въ немъ появилась жгучая увѣренность, что передъ нимъ окажется его жена.

Такъ оно и случилось. Едва лишь Антонъ Ивановичъ подошелъ къ кровати съ противоположной стороны, какъ почувствовалъ, что на него упалъ взглядъ Надежды Романовны. Инстинктивно онъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою блѣдное, осунувшееся лицо жены. Глаза ея были красны и вѣки вспухли, но все лицо было красиво попрежнему. И такъ же была открыта ея блѣдная непорочная шея, а руки, тонкія, хрупкія, какъ фарфоръ, съ ярко-розовыми ладонями, придавали ей видъ безпомощной и въ то же время необыкновенно сильной; Комлевъ окинулъ жену полнымъ озлобленія взглядомъ, дви-

нулся къ ней, выставилъ впередъ руки, точно собравшись схватить ее... но возбужденіе въ одну минуту и рушилось; руки упали, вмѣстѣ съ ними упала голова, и Комлевъ, прислонившись къ уставленному склянками столу, вдругъ хрипло заплакалъ, мотая изъ стороны въ сторону головой.

Но и тутъ никто не обратилъ на него вниманія. Надежда Романовна, казалось, и, взглянувъ на мужа, не узнала его, а докторъ къ нему не повернулъ и головы.

Антонъ Ивановичъ невниманіе оскорбило; уже успокоившись, когда слезы перестали литься изъ его глазъ, онъ самъ попробовалъ растравлять свое горе мыслями о томъ, что онъ всѣмъ чужой и никому ненужный. Мысли эти казались ему очень горькими, но слезы больше ужъ не лились.

«Отъ старости», тяжело шевельнулось въ мозгу.

Комлевъ подошелъ къ доктору и грубо спросилъ:

— Убилъ ли онъ себя... на-смерть?..

Докторъ и тутъ не поднималъ глазъ на Антона Ивановича, но, какъ бы уступая настойчивости и серьезному тону его голоса, отвѣтилъ тихо, съ крайнею неохотой:

— Все кончено.

Комлевъ хотѣлъ было спросить у доктора еще о чемъ-то, но жуткій шумъ, поднявшійся въ другихъ комнатахъ, заставилъ его отступить и прижаться къ стѣнѣ.

Шумъ все увеличивался, точно бѣжало нѣсколько человекъ; Антонъ Ивановичъ робко, какъ виноватый, повернулъ голову къ двери и увидѣлъ, какъ къ лежавшему гимназисту съ отчаяннымъ, рѣжущимъ уши крикомъ подбѣжала пожилая женщина, какъ она некрасиво взмахнула по воздуху руками и тихо скользнула на полъ.

— Мать!—прошептали стоявшія въ дверяхъ бабы,

которыхъ Антонъ Ивановичъ видѣлъ полчаса тому назадъ у воротъ.

Комлеву показалось, что больше ему здѣсь дѣлать нечего, и онъ, оттолкнувъ бабъ, вышелъ изъ комнаты.

VI.

Антонъ Ивановичъ шелъ къ себѣ на дачу съ спокойнымъ, почти свѣтлымъ лицомъ и шелъ беззвучно:

— Больше мнѣ *здѣсь* дѣлать нечего.

На сердцѣ стало увѣренно и спокойно... И напряженно хотѣлось ему быть сильнымъ и свободнымъ для того, чтобы хоть разъ въ жизни—на протяженіи отъ перваго своего крика и до сѣдыхъ волосъ—сказать искренно:

— Да, я не рабъ. Я ненавижу рабство, постыднѣйшее изъ всѣхъ золъ. Вы увидите, что и на самомъ дѣлѣ человѣческая личность свободна и достойна уваженія.

Онъ вообразилъ свое лицо, когда скажетъ эти смѣлыя слова; навѣрное, оно будетъ прекрасно, и не испортятъ его висаящія на затылкѣ жидкія космы бѣлыхъ жесткихъ волосъ.

Продолжая улыбаться, онъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Горничная Катя подметала тамъ разбросанныя имъ по полу клочки исписанной бумаги, на которой онъ старался сказать, что личность человѣка велика и свободна.

Антонъ Ивановичъ вспомнилъ, что сегодня обидѣлъ Катю; онъ свѣтло улыбнулся ей и сказалъ тихо и душевно:

— Покричалъ я на васъ сегодня, Катя... Не сердитесь на старика... Старость не радость.

Даже эта, всегда горькая ему фраза, вышла у него умиротворенной и доброй. Катя потупилась, а Комлевъ,

пошаривъ въ карманѣ, далъ ей рубль и шутливо до-
бавилъ:

— А на это вы пожуйте за мое здоровье конфетокъ.

Онъ не велѣлъ Катѣ уносить изорванные имъ листы лекціи, а когда горничная ушла, присѣлъ на полъ и началъ собирать исписанные лоскутки.

Ему сейчасъ же пришло въ голову, что теперь, при наличности большого и свѣтлаго рѣшенія, онъ способенъ написать лекцію на задуманную тему, и что рѣчь, несомнѣнно, выйдетъ интересной; собралъ листки въ кучку, положилъ ихъ передъ собою на письменный столъ и, сѣвши въ кресло, началъ обдумывать тему. Но на мѣстѣ не сидѣлось; Антонъ Ивановичъ всталъ и заходилъ по комнатѣ; а она была такъ мала и такъ, чудилось, стѣсняла тò, необъятно большое, что зародилось въ головѣ... Ощущеніе тѣсноты разгоралось въ душѣ, жажда простора и воли охватывала сердце. Антонъ Ивановичъ надѣлъ шляпу, забралъ къ карману изорванные листки своей рѣчи и вышелъ на улицу. Онъ шелъ по широкому дачному шоссе и отлично видѣлъ передъ собою дорогу, хотя уже смеркалось; свернувши по тропинкѣ въ лѣсъ, жадно вдыхалъ въ себя аромат молодой травы, и самая запущенность лѣса представлялась ему таинственной и чудесной. Особенно хорошо было идти къ станціи; лѣсъ чередовался съ красивыми дачами, попадались небольшія рѣчки съ дощатыми купальнями и озера. Антонъ Ивановичъ шелъ уже давно, но не чувствовалъ усталости. Онъ все думалъ... И ни одной мысли не было о настоящемъ; всѣ онъ вѣяли въ далекомъ прошломъ. Разглядывая вызвѣздившееся небо, огни котораго такъ походили на огни желѣзно-дорожныхъ фонарей и такъ же мигали издали, онъ вспомнилъ свою первую брачную ночь, когда онъ, сѣдой

и болѣзненный, купилъ себѣ за свои деньги и видное положеніе у разорившихся помѣщиковъ ихъ молодую и красивую дочь... Имъ предстояло нищенство, и дочь заставили выйти за Комлева. Да, воспоминанія были суровы и темны, но они теперь не рвали души, потому что онъ уже пережилъ ихъ и былъ теперь выше и свободнѣе... Антону Ивановичу припомнилось также, какъ онъ, хотя по-своему и влюбленный въ жену, по вечерамъ за работой и болѣзнями забывалъ о ней, какъ скучно лѣчился, ссорился, рассчитывалъ и лгалъ.

Отчаяніе, недоумѣніе и смѣшанный съ гадливостью стыдъ, съ которыми въ первый разъ встрѣтила его, сѣдого и слорбленнаго, Надежда Романовна, укололи его въ сердце... Но боль мгновенно притупилась передъ сознаниемъ, что онъ больше не рабъ своей уродливой страсти. Онъ покажетъ, что человѣкъ свободенъ.

Порѣшивъ на этомъ, Антонъ Ивановичъ снова задумался, но уже о другомъ: о сочиненіи, которое ему предстояло написать вновь. Ему казалось, что теперь писать было даже не надо; достаточно было только продумать тему въ головѣ; что лекція выйдетъ удачной, онъ не сомнѣвался, потому что настроеніе уже создано.

И Комлевъ началъ думать о своей лекціи; мысли бѣжали легко и свободно, и огненные, крылатые слова, непохожія на тѣ, прежнія, срывались съ его губъ. И чѣмъ дальше развивалась тема въ его головѣ, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ, что становится свободнѣе. Свобода личности!—онъ чувствовалъ теперь ее каждымъ движеніемъ души, каждой мыслью освобожденнаго сердца... Какъ долго сердце его прикидало къ землѣ и жило только своимъ, эгоистическимъ; а вотъ родилось и новое чувство—чувство освобожденія отъ земли, чувство стремленія къ вѣчности. Да, вотъ пришла старость, но

пришла и мысль; долго она, свободная, не появлялась въ душѣ; но она появилась,—и какъ свободно стало! Какъ сердце озарилось!..

Антонъ Ивановичъ видѣлъ, что теперь онъ—на настоящей дорогѣ, ровной, широкой и свѣтлой, какъ тотъ рельсовый путь, по которому шелъ. То, что было очень удобно идти, радовало его; онъ понималъ, что дорога его широка и пряма, что навсегда освободился онъ отъ условностей, мелочей и грѣховъ, которые раньше отклоняли его съ настоящаго пути и все время сбивали на сомнительныя дороги. Комлевъ припоминалъ пути своей жизни: они всё только и были проложены, что отъ дачи въ гимназію, отъ квартиры въ классы; и все казалось теперь темнымъ, и не настоящимъ, и лишнимъ, и единственно свѣтлымъ представлялся ему путь, который освѣщали ему и звѣзды, и луна, и призывно мигавшіе огни послѣдней станціи. Идя по этому, уже послѣдному пути, не слѣдовало думать о томъ, что оставалось позади; надо было обдумывать то, что казалось нужнымъ для будущаго, что было вѣчнымъ, какъ звѣзды и луна.

И Комлевъ все думалъ... И сознаніе, что онъ не рабъ, а свободный и сильный, радостно жило въ мозгу; и тема, которой онъ былъ занятъ теперь, развивалась все свободнѣе и легче.

Прямо подъ нимъ (а онъ стоялъ на возвышеніи, вѣроятно, на каедрѣ) слышался шумъ, отдаленный, неясный... Точно тысячи народа, собравшись въ огромную залу, гудѣли въ ней:

— Такъ-такъ... Такъ-такъ...

Антонъ Ивановичъ радостно оглядѣлся и выпрямился; этотъ шумъ онъ сравнилъ съ глухимъ шелестомъ поспѣвшихъ колосьевъ; потомъ почудилось ему, что это сравненіе высказалъ не онъ, а слѣпой старикъ

Гомеръ... И дыханіемъ вѣчной, неумирающей поэзіи стала переполняться его озаренная свободою рѣчь.

Идя точно по возвышенію, Комлевъ слегка склонялся; онъ видѣлъ внизу тысячи людей и понималъ, что все это его слушатели; они всѣ съ надеждою смотрѣли на него и ждали, когда онъ начнетъ рѣчь. И онъ началъ ее, и говорилъ, а тысячи слушали, пораженные и растроганные; уже не было замѣтно, что лицо у него все въ морщинахъ, что некрасивы его жесткіе бѣлые ключья волосъ; онъ властвовалъ, какъ геній, надъ ихъ думами... И грохотъ аплодисментовъ висѣлъ въ воздухѣ, и было слышно, какъ говорили восторженно:

— Ком-левъ! Ком-левъ!

Теперь онъ улыбнулся, и вдругъ всѣ слушатели заволновались, загудѣли, и крики ихъ сдѣлались быстрѣе и громче:

— Комлевъ-Комлевъ! Комлевъ-Комлевъ!

Потомъ разомъ крикнули что-то мгновенно, съ рѣжущимъ уши свистомъ. Антонъ Ивановичъ вздрогнулъ, взмахнулъ руками и съ беспомощнымъ крикомъ внезапнаго ужаса отскочилъ въ сторону; а мимо шумно бѣжало, колыхаясь, огромное трехглазое чудище, и огни его глазъ долго смотрѣли на Комлева точно въ упоръ, точно насмѣшливо, и, наконецъ, скрылись во тьмѣ.

И сразу все, что было въ душѣ свѣтлаго, потускнѣло и стерлось; мечта исчезла; на душѣ снова сдѣлалось обычно и нудно; и голова бессильно повисла на шеѣ, подгибались ноги, и все дрожало внутри... Бессильно сгорбившись, Антонъ Ивановичъ пошелъ назадъ. Въ мозгу плавали какія-то нелѣпыя и жалкія, разбросанныя слова; то были осколки чудесной рѣчи... И вся она, эта лекція о свободѣ личности, представлялась ненужной, придуманной и жалкой...

Онъ шелъ обратно домой, къ своей молодой женѣ.

ЗЕЛЕНЫЙ ДОМИКЪ.

I.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія пришелъ съ церковной службы о. Тимошей въ свой хорошенькій зеленый домикъ.

И итти было недалеко, всего сажень двѣсти, и дорога отъ храма бѣжала молодымъ липовымъ лѣскомъ, зеленымъ и душистымъ, и самый домъ отъ этихъ липъ казался душистымъ.

Сейчасъ же подлѣ расписанныхъ цвѣтами и птицами воротъ, пріятно сѣрѣла высокая каменная «палатка», съ аршинными стѣнами изъ вѣчнаго плитняка, крытая толстымъ желѣзомъ и снабженная массивной желѣзною дверью съ пудовымъ замкомъ, которую о. Тимошей называлъ въ шутку «вратами райскими».

Съ тѣмъ же чувствомъ спокойнаго наслажденія вошелъ о. Тимошей во дворъ, полный индюшекъ, цесарокъ и жирныхъ іоркширскихъ свиней. Во дворѣ, подъ на-

вѣсомъ, стояло нѣсколько запряженныхъ дрожжекъ и тарантасовъ. О. Тимоеей благодушно улыбнулся, зная, что эти экипажи привезли его обычныхъ воскресныхъ гостей. Приѣхала толстая помѣщица-дѣвица Анна Федоровна Неуважаева; ѣздитъ она всегда на огромной и дряхлой лошади—Буромъ, въ скрипящихъ и бряцающихъ дрожкахъ и непремѣнно подь краснымъ шелковымъ зонтикомъ, отъ котораго ея круглое и красное лицо еще болѣе напоминаетъ пылающій дискъ солнца. Въ огромномъ «ковчегѣ» прибыло все семейство трактирщика Сучкова; самъ онъ, его тучная, похожая на перетянутую посерединѣ перину, жена, Ольга Африкановна,—се о. Тимоеей за глаза называлъ «африканскою пустыней»; приѣзжаетъ она всегда съ своими четырьмя длиннолицыми и длиннорукими дочерьми, которыхъ о. Тимоеей втайнѣ недолюбливаетъ за ихъ злые языки.

Разъ приѣхали Сучковы,—непремѣнно прибылъ и отставной приставъ Ереминъ, завзятый говорунъ и танцоръ, побѣдитель всѣхъ женскихъ, не исключая и матушкина, сердець, гитаристъ и выпивоха. Ереминъ—вотъ его щегольскій экипажъ,—ухаживаетъ за всѣми: за Анной Федоровной, за четырьмя длиннолицыми, за матушкой Елизаветой Степановной, благодушной и блѣлолицей женою о. Тимоеея, даже за Ольгой Африкановной, несмотря на то, что всѣ ея вождедѣнія давно ограничились мочеными яблоками и гусями съ капустой. Вотъ верховой иноходецъ,—это приѣхалъ помѣщикъ Тюняевъ, вихрастый малый и каламбуристъ, который прожилъ два-три имѣнія и, подвыпивъ, поетъ козлинымъ теноромъ:

«Что день грядущій мнѣ готовить?..»

Широкая улыбка тянется по губамъ о. Тимоеея: все привычныя, знакомыя, спокойныя картины...

Вотъ прѣзжіе кучера подѣ навѣсомъ пьютъ положенный отъ батюшки чай. О. Тимоѳеѣй чувствуетъ, что онъ—до нѣкоторой степени «центръ», что вокругъ него, какъ вокругъ земной оси, вертится и живетъ нѣкій мірокъ, какая-то кучка людей, ему понятная, интересная и близкая... Только бы сѣнникъ не подожгли оболтусы... Народъ неосторожный!

О. Тимоѳеѣй идетъ къ кучерамъ. Всѣ эти Власы, Демьяны и Осипы стремительно вскакиваютъ, наперерывъ бросаются къ его благословенію и, чмокая жирными, засаленными губами, «слѣдятъ» на его чистой и благополучной рукѣ. Отъ кучеровъ недалеко ужъ дойти и до сараевъ. Гости посидятъ... Навѣрное, Петя, первенецъ о. Тимоѳеѣя, вертитъ гостямъ отъ скуки герофонъ, а эксъ-становой Ереминъ, показывая барышнямъ карточные фокусы, кричитъ самодовольно:

— Пожалуйте-сь! Пожалуйте-сь!

Лошадей у о. Тимоѳеѣя всего три, но лошадки добрыя. Двѣ изъ нихъ патентованныя,—«съ метриками о рожденіи», какъ остритъ вихрястый Тюняевъ. Третья—матка, и ждутся наслѣдники...

— Го! Го!—благодушно выкрикиваетъ о. Тимоѳеѣй, стараясь подражать лошадиному голосу. Онъ похлопываетъ своихъ коней по крутымъ шеямъ, и въ то же время заботливый хозяйскій глазъ ревизуетъ: точно ли всыпано кучеромъ положенное количество овса, не воруетъ ли востроглазый Ѳедуль... Правда, за угломъ въ сараѣ блеютъ овечки, и сквозь щели плетня тепло блестятъ въ сумракѣ чьи-то ласковые желтоватые глаза,—но заходить туда уже поздно. Дожидаются гости... Притомъ же у матушки Елизаветы Степановны такой широгъ.

Поцелкивая языкомъ, мысленно что-то напѣвая, идетъ о. Тимоѳеѣй въ свои хоромы.

II.

Въ залѣ было именно такъ, какъ представлялъ себѣ о. Тимошеей и какъ оно бывало всегда: Петя наигрывалъ на машинѣ какую-то визгливую арію, не то изъ оперы, не то духовную, и герофонъ свистѣлъ, лалялъ и царапался; а приставъ ловилъ въ воздухѣ карты и кричалъ барышнямъ: «Пожалуйте-съ!..» О. Тимошеей вошелъ чинно и неторопливо. Онъ всегда входилъ медленно и съ достоинствомъ, какъ подобало хозяину духовнаго сана. При видѣ его всѣ головы закивали, тѣла зашевелились, и, улыбаясь, о. Тимошеей всѣмъ жалъ привѣтливо руки, иныхъ цѣловалъ въ лобъ и говорилъ жирнымъ баскомъ, упирая на «о»:

— Пожалуйста, прошу.

Когда появлялся въ залѣ о. Тимошеей, обыкновенно бывало такъ, что шарманка смолкала, Ереминъ переставалъ фокусничать, и разговоры гостей прекращались,—точно влеталъ тихій ангелъ. И лишь изрѣдка кто-либо нарушалъ тишину короткимъ вопросомъ о по-сѣвѣ, о вареньи,—и всѣ сидѣли въ такъ нравящемся о. Тимошеею благоговѣйномъ молчаніи минутъ десять-пятнадцать, пока въ залу не входила улыбающаяся, красная отъ кухонной жары, матушка и не докладывала пѣвучимъ голосомъ:

— Пирожка прошу, гости дорогіе.

Все оживало, всѣ поднимались со своихъ мѣсть, трещали стулья, гремѣли сапоги, и дробный звукъ голосовъ и шаговъ разомъ разбѣгался по зелененькому дому. Начинались шутки и смѣхъ; юркій становой, согнувъ руку калачикомъ, подлеталъ къ матушкѣ и говорилъ при всеобщемъ хохотѣ:

— Мани, факель, фаресь!

И опять все случилось какъ по-писаному, — Ереминъ сказалъ свое «мани, факель, фаресь», гости подошли къ столу и размѣстились попрежнему; но что-то особенно праздничное виднѣлось на лицахъ всѣхъ; на этотъ разъ всѣ какъ-то особенно почтительно смотрѣли на о. Тимоея, и тотъ, чувствуя на себѣ взгляды, скромно и довольно улыбался. Онъ зналъ, что въ это воскресенье изъ города пришло извѣстіе объ его награжденіи, что гости восхищены имъ, но, сознавая все это, онъ желалъ оставаться въ прежнемъ благоволительно-доступномъ тонѣ и, съ особеннымъ усердіемъ, подвигая къ гостямъ грибки и курники, онъ говорилъ:

— Пожалуйста, прошу.

Раньше, когда, за жирнымъ праздничнымъ пирогомъ, возліянiя учацались, наспиритовавшійся становой обыкновенно пускался въ «политику о крестьянствѣ» и говорилъ, что если бы была его «воля», онъ живо «искоренилъ бы всѣ непорядки». Присутствовавшіе спорили пестро и забавно, при чемъ барыни жаловались больше всего на то, что бабы приносятъ имъ дурныя ягоды, — и надъ всѣмъ этимъ нестройнымъ хаосомъ голосовъ гармонично царилъ спокойный и самодовлѣющій голосъ о. Тимоея, бравшаго подъ свою защиту «малыхъ сихъ» и безпристрастно опредѣлявшаго ихъ «темныя и свѣтлыя стороны».

Обыкновенно, когда онъ говорилъ, дамы не спускали съ него восторженныхъ глазъ. — «Златоустъ! Златоустъ!» шептали онѣ, а старѣющая помѣщица, дѣвица Анна Федоровна, уже много лѣтъ тайно влюбленная въ о. Тимоея, вздыхала, томно поглядывая на его правильное лицо, строгую черную бороду, волнистыя кудри, и щурила глаза, какъ отъ ослѣпительнаго свѣта.

Такъ мирно и благодушно проходили всегда воскресные завтраки, но въ это воскресенье внезапно случилось что-то неожиданное, странное и,—совсѣмъ какъ будто незначительное,—перевернуло все.

III.

Еще до пирога, среди закусокъ, о. Тимошей, взглянувъ на Еремина, вдругъ нашелъ въ его глазахъ что-то словно общее, словно согласное со взглядомъ Елизаветы Степановны, его, о. Тимошея, жены. Это, конечно, было случайно, но почему-то отмѣтилось.—«Вздоръ, настроеніе»,—сказалъ о. Тимошей, но что-то зацѣпилось за душу и не сползало съ нея. Что-то *общее* виднѣлось во взглядахъ жены и отставного пристава; общее, какъ будто сговоренное, было не только въ глазахъ, но и въ движеніяхъ. О. Тимошею показалось, что, говоря съ Елизаветой Степановной, Ереминъ какъ-то особенно близко придвинулся къ ней плечомъ. Подали пирогъ, и о. Тимошею снова представилось, что жена не только отрѣзала приставу самый лучшій кусокъ, но при этомъ еще совсѣмъ особенно и ясно улыбнулась. Когда всѣ, поѣвъ пирога, опустили руки подъ столъ,—странное, мучительное безпокойство захватило о. Тимошея: что они, т.-е. матушка съ Ереминымъ, дѣлаютъ со своими руками?—«Глупости, неврастенія»,—увѣрялъ себя онъ и краснѣлъ, и морщился, но рука противъ воли осторожно и вкрадчиво оттибала краешекъ скатерти на углу, и отгнула, и быстро, предательскимъ движеніемъ метнулся глазъ къ краю стола, гдѣ сидѣли заподозрѣнные, и внезапно о. Тимошей охнулъ и заскрипѣлъ зубами, и откачнулся: онъ увидѣлъ, что на пухлой атласной рукѣ

Елизаветы Степановны лежала красная жесткая волосатая рука.

Но даже не это, увидѣнное, а то, что въ это время оба они, точно въ предчувствіи, вскинули на о. Тимоея вспыхнувшія лица,—больше всего потрясло его душу. Онъ еще разъ попытался сказать что-то помѣщику Тюняеву насчетъ консисторіи, но не могъ, захрипѣлъ, и розовое лицо его вдругъ побурѣло.

— А... ма... ма...—сказалъ онъ словно ребяческимъ и въ то же время страшнымъ голосомъ, какъ бы вырвавшимся изъ самыхъ глубинъ. Попытался улыбнуться, повель на всѣхъ глазами и внезапно сталъ неслышно скатываться съ своего кресла на полъ.

Произошелъ переполохъ, оживленные разговоры смолкли.

— Что съ вами, что случилось?—раздавались отовсюду обезпокоенные вопросы...

И усиліемъ воли о. Тимоеей заставилъ себя подняться съ пола, на которомъ лежалъ такъ некрасиво, и, коснувшись рукою глазъ, отвѣтилъ:

— Ничего, такъ... переутомленіе малое...—И вновь увидѣлъ, какъ отшатнулись другъ отъ друга матушка и Еремийъ, и подумалъ усталой, словно обезкровленной мыслью:

— Неужели это уже давно?

IV.

Обезпокоенные гости стали развѣзжаться. О. Тимоеей прощался съ ними, не вставая съ кресла, и все смотрѣлъ искоса, печально и изумленно на двухъ «виноватыхъ»,—особенно на жену, которая, какъ предста-

влялось ему, суетилась «болѣе обычнаго».—«Неужели?.. Неужели?..» только и думалъ онъ.—«Жили, жили... домъ—полная чаша... шли дни, была этакая... ласковая, усердная,—и вдругъ... Словно было все въ любви солнце...—и вотъ—тѣнь любви стала смертная... вотъ... Какая жуткая тѣнь взопла надъ любовью...»

Робко и неувѣренно простился съ о. Тимоеемъ и приставъ Ереминъ. Какъ будто бы не сразу,—такъ все казалось о. Тимоеею,—подошелъ онъ къ нему и сначала все терся по угламъ... Однако подошелъ и подаль руку.

— Послушайте, какъ же это вы...—вдругъ проговорилъ свою затаенную мысль о. Тимоеей и самъ испугался и поспѣшилъ добавить совсѣмъ обыкновенное:—...уѣзжаете такъ быстро?

И вновь показалось ему, что въ обычной всегдашней фразѣ отставнаго пристава прозвенѣлъ мгновенно вспыхнувшій притаенный страхъ:

— Дѣла, о. Тимоеей, дѣла!

Жалобно и жутко улыбнувшись, перевелъ о. Тимоеей глаза на попадью. Она сейчасъ же вышла въ кухню, сказавшись по хозяйству.

О. Тимоеей остался одинъ. Настроение портилось все больше и больше. Стараясь ни о чемъ не думать, онъ все-таки думалъ о томъ, какъ могло это случиться, и именно съ женою, которой онъ такъ вѣрилъ, и съ Ереминымъ, его давнимъ другомъ.—«А можетъ быть, ничего и не случилось?» задавалъ себѣ вопросы о. Тимоеей и сейчасъ же безвольно горбился.—«Случилось, конечно, случилось... Да развѣ существуетъ для этой самой... любви—дружба... Или честь существуетъ?.. Развѣ

люди понимаютъ?...»—Ловилъ себя надъ тѣмъ, что думаетъ все объ одномъ, и сердился.

Для того, чтобы отвлечься, онъ пошелъ навѣстить бычковъ.

Уже вечерѣло. Почему-то сразу замѣтилось, что на травѣ роса, что воздухъ слишкомъ свѣжъ... а дорога до хлѣва представилась длинной... О. Тимоеей постоялъ на крыльцѣ, вздохнулъ, покачалъ головой, прикрикнулъ на кучера Федула и вошелъ опять въ домъ. Матушка подошла къ нему, розовая и улыбающаяся; на мгновеніе показалось было, что она—прежняя, но тутъ же бросилось въ глаза, что улыбка у нея виноватая, иная, что у нея жидкіе масляные волосы... Отстранивъ отъ себя попадю, онъ сказалъ съ легкимъ раздраженіемъ:

— Не пеките никогда столь жирныхъ пироговъ. Не здорово это.

И вышелъ къ себѣ въ кабинетъ.

V.

Сумерки сгущались, но еще не было темно; читать не хотѣлось. Совсѣмъ было не до того, и грузно въ окаменѣвшей головѣ перекатывались мысли. О. Тимоеей сѣлъ на подоконникъ и началъ, смотря вдаль, барабанить пальцами по стеклу. Изъ оконъ кабинета открывался хорошій видъ на деревню, и все было красиво: и небо, и лѣсъ, и вода; не были только хороши крестьянскія избы. Жалкія, кривыя, крытыя прогнившей соломой, онѣ рѣзко пестрѣли на ровномъ невозмущенномъ фонѣ и такъ не гармонировали ни съ лѣсомъ, ни съ небомъ, ни съ зеленымъ домикомъ о. Тимоеея, что было неприятно смотрѣть, и было жалко, что вблизи и на такомъ чудес-

номъ пейзажѣ выросли грязныя и смрачныя человѣчскія жилища.

— «Голь пережатная!»—подумалъ непріязненно о Тимоѳеѣ, и сейчасъ же еще болѣзненнѣе снова вспомнилось о женѣ,—о томъ, какъ на пухлой рукѣ ея лежала красная волосатая рука пристава.

— «Можетъ быть, было... и большее?»—жутко всколыхнулось въ умѣ.

Уже трудно стало сидѣть въ домѣ, гдѣ такъ близко находилась она, эта, улыбавшаяся виновато, эта—съ бѣлой круглой шеей, съ жирными волосами, которая печетъ слишкомъ жирныя пироги...—«Что-то не то...»—уныло и зловѣще-подавленно продолжаетъ думать о Тимоѳеѣ.—«Голова кружится».

Въ окно уже глядитъ безбрежная ночь. Звѣзды мигаютъ. Въ домѣ душно. «Что же, однако, надо сдѣлать? Сказать все ей? Приставу? Что можетъ сдѣлать онъ, о Тимоѳеѣ? Вызвать на дуэль, убить жену, развестись?..» Голова кружится. Душно въ домѣ.

Крадучись, онъ выходитъ на улицу.

— «Вонъ у помѣщика Каратыгина сбѣжала жена»,—думаетъ онъ, осторожно раскрывая калитку.—Онъ нагналъ ее въ деревнѣ, на постояломъ дворѣ... Выстрѣлили изъ ружья или изъ пистолета—и убилъ. Что же,—и ему стрѣлять, о Тимоѳею? Священнику? И стрѣлять онъ не умѣетъ, и ружья у него нѣту... Еще бы: стрѣлять священнику. Да, наконецъ, развѣ въ томъ дѣло, чтобы стрѣлять? Нѣтъ, что ему дѣлать? Какъ это никто объ этомъ не подумалъ: что дѣлать священнику, если у него, напимѣръ, окажется невѣрной жена?

— «Дѣло важное, очень важное»,—шепчетъ о Тимоѳеѣ, идя по улицѣ, и все грозитъ кому-то непримѣтно похолодѣвшей рукою.—«Такъ нельзя. Надо объ этомъ

крѣпко подумать. У священника жена-то одна,—вы подумайте!.. Что-то смѣшно выходить...»—о. Тимоеей тихонечко третъ себѣ лобъ.—«Смѣшно и жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ важно,—охъ, важно! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что ему дѣлать?»

Тишина ночи мощно и дружно движется отовсюду, покрывая собою и жалкія человѣческія жилища и все, что въ нихъ и около. Такъ просторно внѣ дома, такъ широко—безпредѣльно... Особенное примиряющее спокойствіе льютъ сверху далекія звѣзды. Вѣтра нѣтъ, земля внемлетъ Богу, и чуть слышно рассказываютъ другъ другу сказку потемнѣвшія деревья. Такъ хороши деревья и такъ плохъ человѣкъ. Хочется плакать.

Вдали, въ просвѣтѣхъ улицы,—безпредѣльная степь. Какъ чисто тамъ, красиво и чисто. А вотъ идешь здѣсь—и пахнетъ смраднo, и дома стоятъ черные, точно разорванные, кривые,—тоже смрадныe. Пьяный голосъ невнятно бормочетъ у забора. Это арестный домъ, а вотъ и квартира пристава. И въ окнѣ огонекъ.

Съ чуть внятной холодной дрожью приникаетъ къ стеклу рамы пышущее жаромъ лицо о. Тимоеея.—«Вѣдь это онъ, тотъ самый... Здѣсь».

Старая лампа со смѣшнымъ, склееннымъ колпакомъ коптитъ на столѣ. Длинный желтый языкъ свѣтъ вверхъ тучи черныхъ снѣжинокъ. Упавъ локтями на столъ, неподвижно, подлѣ бутылки, прислонилась сгорбленная фигура. Пестрая ситцевая рубашка, заносенный галстукъ; у форменныхъ брюкъ сзади,—тамъ, гдѣ пристегиваются помочи,—оторвана пуговица; некрасиво видна прорѣзка у воротника шеи, толстыми полосами спадаютъ жирныя складки на затылкѣ; между всклокоченными волосами, у самага темени пробивается

дынина. Маленькое свѣтлое пятно. «Вѣдь это и есть Ереминъ».

— «За что? За что? Ничего нельзя понять въ этой жизни... Не понимаютъ своихъ дѣлъ люди. Люди знаютъ только одно, что должны умереть. Почему же смертные отравляютъ жизнь такимъ же смертнымъ. Почему каждый изъ смертныхъ находитъ нужнымъ сдѣлать что-то злое другому, который, какъ и онъ самъ, не сегодня—завтра долженъ умереть?.. Все это странно,—чувствуется, что надо дѣлать не такъ,—а какъ надо,—кто расскажетъ? А надо что-то выяснитъ, что-то сдѣлать,—о. Тимошей сдавливаютъ себѣ лобъ.—Но что сдѣлать?»

Опять бормочетъ свои ругательства пьяный. Черезъ раму кутузки внятно проникаетъ его хрипкое бормотанье.—«Вотъ тоже сидитъ взаперти, словно на цѣпи, какъ звѣрь. И другіе, тоже звѣри, посадили на цѣпь этого... звѣря. А, можетъ быть, онъ только укралъ какой-нибудь горшокъ на базарѣ,—и сидитъ. А другой, отнявшій все,—на волѣ... Что-то не такъ и не то, а оба жалкіе. Оба жалкіе, потому что оба смертные. И онъ, о. Тимошей, смертный, и жена у него смертная,—и все это надо вообще какъ-то по-иному судить. Совсѣмъ не камнемъ и совсѣмъ не ружьемъ. А какъ?»

Подавленно отходить отъ дома пристава о. Тимошей. Да, какъ люди жалкіе и какъ неприятно-загадочны, и злы... А вотъ тамъ блистаетъ степь голубая. Дрожатъ звѣзды, Богу внемлетъ земля, и надъ всѣмъ такъ кротко и мудро опрокинулось синее небо. Такъ хороша природа и такъ плохъ человѣкъ.

Уйти бы отъ людей,—вонъ туда, гдѣ дымится серебрянный туманъ,—точно жертва возносится библейская. Точно лѣстница, кѣмъ-то видѣнная изъ старыхъ, возносится къ небу серебряными ступенями; уйти отъ

людей съ ихъ маленькими обманами и страстями, отъ маленькихъ, жутко-жалкихъ и непонимающихъ смертныхъ людей въ безсмертныя степи. Зачѣмъ было всю жизнь думать о зелененькомъ домикѣ,—разъ онъ такъ обманывается,—когда за нимъ, внѣ его, такъ спокойно и чисто. Эти звѣзды,—о. Тимоеей смотритъ вверхъ.— Ясное кроткое небо... Какъ въ сущности мало онъ думалъ объ этомъ небѣ, хотя именно ему-то слѣдовало всего менѣе думать о землѣ. Что за этимъ небомъ? На этихъ жуткихъ звѣздахъ? Люди ли? Камни ли? Такіе ли люди, которые строятъ себѣ чистенькіе дома, пекутъ пироги, обманываютъ и лгутъ другъ другу...—Что тамъ?—о. Тимоеей почти крикнулъ. Чудилось, звѣзды совсѣмъ не слушали землю, были заняты своимъ, инымъ дѣломъ, и пѣли о новомъ, надземномъ и вѣчномъ, плавно и звучно кружась въ незримомъ хороводѣ. Да, какъ мало, какъ жалко-мало думалъ онъ, о. Тимоеей, о небѣ,—и вотъ именно отъ этого случилось, что достаточно было увидѣть, что-то мелкое, въ сущности ничтожное, чтобы вся цѣнность устроеннаго зеленаго домика разлетѣлась пылью. Стало-быть, былъ ничтоженъ и зеленый домъ.

Ноги о. Тимоеея начинаютъ дрожать. Неловко садится онъ на траву у дороги. Да, разлетѣлось все пылью и ничего не осталось. Шли годы, такъ вкусно проходили воскресные завтраки, такъ ласково мычали въ закутахъ бычки,—и вдругъ въ одно мгновеніе все переопрокинулось,—и рухнуло построенное на пескѣ зданіе такъ жутко, нелѣпо.

— «Совсѣмъ мы забыли небо»,—думаетъ о. Тимоеей уже не только о себѣ.—«И вотъ отчего такъ насъ давитъ каждое событіе земли».

Медленно возвращается въ свой домъ. По скрипящимъ половицамъ проходитъ спальней мимо жены. На

мгновеніе останавливается передъ дверью, прислушивается къ храпѣнью уставшей матушки. Ноги двинулись было за дверь,—но, медленно пройдя въ кабинетъ, утрюмо ложится о. Тимофеей на жесткомъ диванѣ.

БАРКАРОЛЛА.

I.

Клавдія Ивановна раздѣвалась въ купальнѣ медленно и съ наслажденіемъ. Видѣ постепенно обнажавшагося ея молодого тѣла, въ которое она сама была влюблена, доставлялъ ей почти чувственную радость. Пріятно было думать, что ей всего двадцать три года, что она красива, богата и имѣетъ мужемъ извѣстнаго художника, картины котораго часто появляются на выставкахъ и собираютъ предъ собою многочисленную толпу.

И ей пріятно было сказать себѣ:

— *Мой мужь...*

Съ тѣмъ же чувствомъ наслажденія она освободилась отъ платья и, оглядѣвъ себя, обнаженную съ ногъ до головы, спустилась въ воду. Вода показалась ей сдѣланной изъ бархата и теплой, какъ тотъ лѣтній день, что окружалъ ее, благоухающій и, казалось, наполнялъ собою ее всю. Купальня Клавдіи Ивановны была устроена

такъ, что въ одной сторонѣ ея были продѣланы маленькія двери, снабженныя ситцевою драпировкой; эта драпировка была повѣшена для того, чтобы скрывать Клавдію Ивановну отъ любопытныхъ взглядовъ, когда она выбиралась изъ купальни поплавать въ открытой рѣкѣ, на солнцѣ. Плавать она умѣла прекрасно, не боялась рѣчки и зачастую отплывала на значительное разстояніе отъ купальни.

Окунувшись нѣсколько разъ, Клавдія Ивановна легла въ водѣ на спину и громко засмѣялась, подставивъ солнцу слегка охладѣвшую грудь.

Какое счастье вокругъ сіяло; какая радость была въ этой водѣ!

— Я должна нравиться художнику; должна, должна, — думала она, — и я знаю, онъ любитъ.

Опять оглядѣла въ водѣ свое тѣло, опять засмѣялась; еще бы не любить; эти формы, эта гармонія очертаній создана природою для любви. Да, да, такъ бы раскинуть руки и потомъ упруго сжать ихъ и потомъ двинуться и громко засмѣяться... Казалось Клавдіи Ивановнѣ, что все любитъ ея: и небо, и солнце, и желтыя лиліи, и зеленые лопухи, и крохотныя рыбки, юляція вокругъ ея ногъ, и тополевыя лѣсъ, что стоитъ на противоположномъ берегу такой молчаливый, точно смущенный.

Она бросила взглядъ на лѣсъ, и внезапно ей захотѣлось выбѣжать изъ воды въ мягкую зелень и поваляться въ ней, какъ ребенку. Желаніе это настолько захватило ее, что она сейчасъ же поплыла къ противоположному берегу и тихо стала у него, подлѣ трехъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу и, казалось, сросшихся тополей; хотѣла вылѣзти и внезапно вздрогнула. Она услышала голосъ мужа.

Онъ говорилъ съ кѣмъ-то въ лѣсу, и тонъ словъ былъ пониженный, словно таинственный, интимный.

— Съ кѣмъ онъ?—пронеслось въ головѣ Клавдіи Ивановны. Кровь вдругъ бросилась ей въ лицо; точно обидѣли ее. Клавдія Ивановна сморщилась и опустила руки. Чувство непонятнаго стыда захватило сердце; она опустилась въ воду до груди. Но и въ рѣкѣ ее жгло.

— Съ кѣмъ же?.. Съ кѣмъ же?

Она беспомощно, съ видомъ обиженнаго ребенка, осматрѣлась по сторонамъ; лицо ея все краснѣло и потомъ сразу сдѣлалось блѣднымъ:

«Онъ говоритъ съ Александрой».

II.

Александра была бѣдная родственница Клавдіи Ивановны и жила у нея въ домѣ на положеніи компаніонки. Была она на курсахъ одно время, не кончила ихъ, сидѣла, кажется, даже въ тюрьмѣ и теперь учила дѣтей Клавдіи Ивановны французскому языку.

— И вотъ теперь она тамъ въ лѣсу съ мужемъ!— Клавдія Ивановна хотѣла закричать, но снова услышала голоса и остановилась.

— Нѣтъ, вы должны слушать, — говорилъ ей мужъ.— Должны потому, что васъ я люблю.

— Ахъ!—слабо вскрикнула Клавдія Ивановна и задохнулась. Съ громкимъ отчаяннымъ плачемъ поплыла она назадъ въ купальню. Она плыла тихо, гребла дрожащими руками, какъ гребутъ лапами плывущія животныя, и казалось ей, что похожа она на жалкую намокшую въ водѣ собаку, которую побили.

Какъ темно сдѣлалось среди дня ликующаго; какъ листы опалились и пожелтѣли... и цвѣты виднѣлись изъ воды ссохшіеся, словно съ мертвыми глазами.

— За что? За что?—громко плыло въ ея мозгу; руки ея онѣмѣли и точно сводились судорогами; закрученная на головѣ коса распустилась и намокла въ водѣ... Но Клавдія Ивановна не замѣчала этого.—Теперь уже все кончено, все кончено, что дѣлать? Да, что дѣлать?—спрашивала она себя, влѣзши въ купальню и разбрасывая платье.

Въ волненіи она не находила своего бѣлья, рвала тонкій батистъ и надѣвала все небрежно и некрасиво. И въ то же время почему-то думалось ей, что она всю жизнь свою дѣлала не то, что должна была дѣлать, что она провела ее неумѣло, такъ, какъ неумѣло и неопратно одѣвается теперь. Мелькомъ она взглянула на себя въ зеркало и отвернулась съ неприятнымъ чувствомъ; лицо ея было некрасиво: глаза вспухли, кончикъ носа былъ красенъ, а волосы висѣли какъ намокшія ключья шерсти.

— Неужели это я?—шепнула она, отпатываясь и принимаясь снова одѣваться.

Опять подошла къ зеркалу и стала оглядывать себя. Нижнее бѣлье некрасиво выглядывало на груди и на шеѣ изъ-подъ яркой шелковой кофточки съ широкими рукавами; изъ-подъ верхней уродливо выказывалась нижняя юбка... а лицо было дѣйствительно некрасиво; покраснѣвшія отъ холода щеки были точно въ складкахъ.

— Да, я совѣмъ нехороша,—проговорила Клавдія Ивановна печально, упавшимъ голосомъ.—Василій меня не любитъ.

И сейчасъ же вскрикнула отъ гнѣва и злой радости.

Она представила себѣ лицо Александры: большое, непропорціональное росту и таліи, съ маленькими желтыми глазами и ярко-красными, какъ у дешевой куклы, губами. И, захохотавъ жесткимъ, почти мужскимъ смѣхомъ, Клавдія Ивановна крикнула съ наслажденіемъ:

— Кукла! Кукла!

И нравилось ей это, данное Александрѣ названіе; вѣдь она же, эта Александра, постоянно *ломалась*. Когда Василій рисоваль, она не сводила глазъ съ его картины; Василій говорилъ,—она благоговѣнно слушала; она постоянно читала книги, которыя даваль ей Василій, и подолгу говорила съ нимъ о томъ, отъ чего Клавдія Ивановна, находя скучнымъ, обыкновенно уходила.

— Фу, какой уродъ!—воскликнула Клавдія Ивановна, припомнивъ все про Александру.

И ей опять начало представляться, что она прекрасна, обольстительна какъ женщина, и чувство пріятной теплоты стало разливаться по тѣлу, какъ вдругъ въ мозгу съ болью повернулся вопросъ:

— Такъ что же?

Короткій вопросъ пугаль многимъ:

«Что же, наконецъ, ему нравится въ ней, если она безобразна? Чѣмъ объяснить то, что онъ отстранился отъ нея, такой красивой, и заинтересовался уродомъ?» И острая, внезапная, словно впервые родившаяся, жуткая мысль заставила ее вздрогнуть и вскрикнуть:

— Неужели мало одной красоты?..

III.

Клавдія Ивановна похолодѣла.

— Какъ жила она съ мужемъ? Что видѣль отъ нея мужъ?..—И хотѣла было сказать, но не шевельнулись губы: было стыдно.

— Да нѣтъ же, конечно, я всё́мъ дорожила въ Васи́лїи,—пыталась она увѣрить себя.—Развѣ не интересовалась его жизнью, его талантомъ?—И отвѣчала:—Да, конечно, интересовалась имъ и его работами, но любила въ нихъ не искусство, а поклоненіе толпы,—и Васи́лїй это, можетъ быть, видѣлъ. Видѣлъ ли? Понималъ ли, что всё его разговоры и всё споры объ искусствѣ были для нея далеки и скучны; она часто даже и не давала ему работать, отрывая его отъ дѣла, чтобы увезти въ театръ или на балъ; Клавдіи Ивановнѣ вспомнилось, съ какимъ огорченнымъ лицомъ Васи́лїй Никитичъ уходилъ отъ неоконченной картины, съ какимъ скучающимъ лицомъ сидѣлъ въ опереткѣ и какъ былъ самъ не свой среди многолюдной компанїи, веселившейся въ загородномъ саду... Раньше ее это смѣшило, теперь обезпокоило.

«Зачѣмъ же это я дѣлала?—подумала она.—Неужели и въ самомъ дѣлѣ давала ему только красоту? Какъ это случилось, что ихъ жизнь связалась?»

Родилась она въ богатой купеческой семьѣ, гдѣ ихъ съ дѣтскихъ лѣтъ кормили на золотѣ и учили нѣмки, французенки, англичанки, но выросла среди самыхъ древнихъ купеческихъ традицій. Минуло ей 18 лѣтъ, и ея родители,—торговцы быками,—позвали сваху и заказали «приготовить къ осени жениха».

Сваху являлась чуть ли не ежедневно и показывала фотографїи молодыхъ красавцевъ. Первоначально эти портреты разсматривалъ отецъ семейства и одобрялъ или отвергалъ по своему вкусу; Клавдіи же давали смотрѣть лишь тѣ карточки, которыя были одобрены отцомъ. Потомъ ее вывозили на «Стрѣлку» кататься и показывали разныхъ франтовато одѣтыхъ молодыхъ людей въ цилиндрахъ, въ пенснэ и въ котелкахъ. Она все смотрѣла и чего-то ждала... но не находила. Ей все ка-

залось, что въ этомъ очень простомъ и удобномъ способѣ жениться и выходить замужъ чего-то недостаетъ; чего—она не знала, но думала: «недостаетъ важнаго».

Въ концѣ осени, когда отецъ Клавдіи, а съ нимъ и она, выѣхали за границу, ей подумалось, что она какъ будто нашла то, что искала. Въ Парижѣ, въ одной картинной галлерей, она увидала молодого человѣка, рисовавшаго за мольбертомъ.

Онъ заинтересовалъ ее своимъ задумчивымъ, сосредоточенно-тревожнымъ взглядомъ, но самъ, повидимому, нисколько не заинтересовался; занятый своими красками, даже не взглянулъ на нее во второй разъ.

Невниманіе къ ея красотѣ обидѣло Клавдію... Одѣвшись какъ можно изящнѣе, она явилась снова въ ту залу, гдѣ рисовалъ художникъ. Но тотъ опять посмотрѣлъ на нее лишь мелькомъ, почти съ досадой. Клавдіи показалось, что она ненавидитъ его, но, случайно встрѣтившись съ нимъ за общимъ столомъ въ гостиницѣ, покраснѣла внезапно и растерянно. Отецъ ея, очень скучавшій за границей безъ своего «бычнаго» дѣла, узнавъ, что художникъ—русскій, познакомился съ нимъ самымъ непринужденнымъ образомъ и познакомилъ дочь. Съ тѣхъ поръ Василій Никитичъ сталъ обѣдать съ ними за однимъ столомъ. Знакомство крѣпло, такъ какъ художникъ хорошо зналъ Парижъ. вмѣстѣ разѣзжали по окрестностямъ, вмѣстѣ бывали въ театрахъ, посѣтили и всѣ знаменитыя кабачки. Отецъ Клавдіи былъ въ восторгѣ «отъ земляка», но и сама Клавдія скоро влюбилась въ художника. Василій Никитичъ любилъ подолгу говорить объ искусствѣ; Клавдія въ душѣ находила эти разговоры немного скучными, но старалась дѣлать видъ, что они ее очень интересуютъ, и слушала его съ привѣтливой улыбкой; постепенно она стала представлять себѣ

Василія Никитича своимъ мужемъ; ей улыбалась мысль жить съ молодымъ мужчиной въ одномъ домѣ, который будетъ принадлежать ей; освободиться отъ тяжеловѣсной опеки отца, ѣздить въ театры и на балы, какъ только захочется... а главное—жить вдвоемъ, безъ семьи, общаго стола, сердитыхъ разговоровъ и обязательнаго хожденія въ церковь. Она рисовала себѣ картины, какъ она будетъ появляться подъ руку съ Василюемъ въ театрѣ или на выставкѣ, и многочисленные поклонники его таланта будутъ шептать съ восторгомъ:

— Это—онъ, знаменитый художникъ! Какъ онъ талантливъ... какая красивая у него жена!

Однимъ вечеромъ и рѣшилась ея судьба.

Отецъ Клавдіи уѣхалъ въ какой-то театръ, она скучала и была рада приходу Василія. Ее радовало и то, что какъ разъ въ этотъ день на ней было надѣто самое интересное платье; въ немъ она всегда чувствовала себя воздушной и маленькой какъ жаворонокъ.

— Что мы будемъ съ вами дѣлать?—спросила она Василія.

Тотъ попросилъ сыграть.

Клавдія играла на рояли не плохо. Она не увлекалась музыкой такъ, какъ собою и своей красотой, но любила ее, какъ развлеченіе.

Разбирая ноты, художникъ подаль ей баркароллу «Юнь» Чайковскаго.

Клавдія чуть нахмурилась. Боялась она играть эту пьесу, исполненную кроткой нѣжности и чистоты, и знала, что хорошо сыграть ее не легко. Оглядѣла свое красивое платье, представила и себя, такую красивую, и ей стало страшно отъ мысли, что она можетъ обезобразить себя своею неумѣлою игрой. Дрогнувшей рукой она

подвинула къ себѣ ноты и сыграла одну фразу. Затѣмъ посмотрѣла на него взволнованно и продолжала. Играла она, сильно волнуясь и торопясь, но настроеніе передавалось ярко. Василій Никитичъ, обычно не выражавшій передъ игрой Клавдіи большихъ восторговъ, вдругъ всталъ въ удивленіи, прошелся по комнатѣ, затѣмъ близко склонился къ ней.

— Какъ хорошо вы играете,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ.—Вы немного волнуетесь... но какъ хорошо!

Клавдія чуть покраснѣла; ей показалось, что и все хорошо на свѣтѣ: и эта комната, и рояль, и ея платье, и этотъ молодой съ взволнованными глазами.

— Какъ хорошо!—сказала и она словно въ истомѣ. Руки ея скользнули по клавишамъ и упали на колѣна, она откинулась въ глубину кресла... Придя въ себя, она прежде всего услышала бѣненіе собственнаго сердца; мягкій, точно шелковый свѣтъ глазъ мужчины касался ея щеки; руки лежали на шеѣ Василя, а губы пламенѣли, и сладкій ядъ струился по душѣ.

Тихимъ голосомъ онъ рассказывалъ сказку, навѣянную чудесной баркароллою,—сказку любви; и было такъ хорошо жить, несмотря на то, что и самая сказка и баркаролла были подернуты дымкою грусти. И казалось Клавдіи, что эти мгновенія—вѣчность... но пришелъ конецъ.

Клавдія Ивановна вадрогнула, приподняла голову, осмотрѣлась; въ купальнѣ было сыро и темно; она показала ей гробомъ. Сдѣлала шагъ къ двери; слово «Александра», огромное и тяжелое какъ льдина, вдругъ наплыло на нее и покрыло собою; стало душно, захотѣлось кричать о помощи, но голоса не было; собравши силы, она поднялась со скамьи и вышла изъ купальни.

IV.

Ходила она съ купанья на дачу черезъ красивый садъ, полный розъ, левкоевъ и резеды. Въ этомъ саду она любила сидѣть, потому что цвѣты своей красотой наполнили ей собственную. Въ садъ она уходила послѣ своихъ размолвокъ съ мужемъ, послѣ ссоръ съ дѣтьми; ясная улыбка всегда трогала ея крѣпко сжатыя губы, когда она приближалась къ цвѣтамъ... Теперь же видъ ихъ раздражалъ до боли; хотѣлось рыдать и царапаться; идя близъ душистыхъ клумбъ, она сердито щурилась, кусала губы и думала о томъ, съ чего ей начать разговоръ съ мужемъ; объясненіе казалось ей необходимымъ; что же будетъ потомъ, было трудно думать; вѣроятно, она уѣдетъ къ отцу.

Проходя мимо бесѣдки, Клавдія Ивановна замѣтила сквозь зелень ситцевое платье Александры и вздрогнула. Захотѣлось броситься на курсистку... ударить ее, убить... а потомъ уже итти объясняться съ мужемъ.

Но оказалось, что въ бесѣдкѣ сидѣлъ и Василій Никитичъ. Клавдія Ивановна очень удивилась этому, но подумала сейчасъ же:

«Ничего нѣтъ удивительнаго».

На мгновеніе ей пришло въ голову подслушать разговоръ; но тутъ же отказалась отъ этого.

— Что же подслушивать?—пробѣжало въ ея умѣ,—теперь уже сказано все.

И съ больно бьющимся сердцемъ она бросилась къ бесѣдкѣ и, выставивъ въ дверь голову, крикнула:

— А, вы здѣсь!

Она тутъ же почувствовала, что крикъ ея вышелъ рѣзкій, грубо-смѣшной и неприятный... Увидѣла, какъ

покраснѣла Александра, какъ отодвинулся отъ нея Василій, но ужъ не могла сдержаться и, волнуясь все больше, проговорила тѣмъ же тономъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете?

Александра не отвѣтила ни слова и отвернулась въ сторону; а Василій Никитичъ поднялся и сказалъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ:

— Что это за тонъ и крики, Клавдія?.. Что дѣлаемъ? Сидимъ... Кажется, ясно.

Клавдія Ивановна съ ненавистью посмотрѣла на красивую голову мужа, шатаясь, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ Александрѣ... и вдругъ услышала странный сдавленный окрикъ; она сейчасъ же поняла, что это—ея крикъ, что съ ней истерика.

«Ахъ, какъ это некрасиво!»—обожгло ея мозгъ. Клавдія Ивановна сдѣлала усиліе, чтобы прійти въ себя, но крикъ повторился; какъ въ туманѣ она видѣла, что надъ нею склонилось лицо мужа; глаза его блеснули, совсѣмъ круглые и испуганные.

— Какъ это некрасиво,—повторила она и, вздохнувъ, судорожно вытянулась.

Ей показалось, что она помолчала съ минуту; открывъ глаза, Клавдія Ивановна увидѣла, что она сидитъ на скамьѣ въ бесѣдкѣ и что Василій—около съ серьезнымъ и обезпокоеннымъ лицомъ. Александры въ бесѣдкѣ не было.

— Гдѣ она?—хотѣла было спросить Клавдія Ивановна, но вздохнула и, всхлипнувъ, спрятала лицо на груди мужа.

— Василій, что это?—тихо проговорила она, не отнимая отъ плеча мужа своей головы; и тутъ же въ сердце вступило, что, быть можетъ, на томъ же мѣстѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ лежала голова Александры,

и она, быстро отодвинувшись отъ мужа, поднялась на ноги и сказала огрубѣвшимъ голосомъ, со злобой:

— Я все знаю.

— Что?—спросилъ Василій Никитичъ едва слышно. Онъ сгорбился и сидѣлъ неподвижно.

— То, что она отдалась тебѣ, что она тебя любитъ!— рѣзко выкрикнула Клавдія Ивановна, чувствуя, что спазма сдавила ей горло.

Василій Никитичъ отодвинулся отъ жены и сказалъ голосомъ, полнымъ отвращенія:

— Ты лжешь!

«Онъ меня ненавидитъ!»—блеснуло въ головѣ Клавдіи. Сердце ея забилося тоскою... затѣмъ все сжалось въ комокъ отъ злости.

— А ты? Говори правду! Ты любишь ее?

Теперь печально и растерянно измѣнилось лицо Василія.

— Не знаю...—отвѣтилъ онъ, глядя въ сторону.

Глаза Клавдіи потемнѣли; ей показалось, что мужъ не лжетъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ себя... И сердце ея замерло отъ волненія и надежды... Можетъ быть, еще не все кончено? Можетъ быть, еще возможно прежнее? Глаза его какіе?—Она придвинулась къ нему.

Онъ сидѣлъ неподвижно.

— Не знаю,—повторилъ онъ протяжно.—Но душно мнѣ... одному, передъ собою... Охъ, душно...

Лицо его потемнѣло, на лбу собрались морщины. Точно сѣдымъ и старымъ стало это молодое лицо.

— Василій,—робко сказала Клавдія Ивановна.—Василій, еще будетъ жизнь...—Она молчала и искала слова и не знала о чемъ говорить. Пыталась приблизиться, обнять мужа, шепнуть ему, что все перемѣнится, что она будетъ жить его жизнью и такъ же интересоваться

ею, какъ интересуется Александра... Но слова о будущемъ счастья шли неувѣренно, долго и скучно, сбиваясь и путаясь, какъ будто не было вѣры ни во что.

Василій ея не прерывалъ. Онъ молчалъ и думалъ. Блѣдные клочки разорванныхъ облаковъ таяли въ небѣ; опаленные духотою цвѣты тяжело вздыхали.

И казалось Клавдіи, что не зацвѣтутъ снова опаленные жаромъ цвѣты.

СИЛЬНѢ СМЕРТИ.

I.

Медленно всходилъ Нечаевъ по убранной коврами и растеніями лѣстницѣ.

Въ прихожей его встрѣтилъ хозяинъ дома, интендантъ Бутинъ, и, набросившись на Нечаева, сталъ его обнимать.

Послѣ этого онъ ввелъ его въ залу, полную декольтированныхъ дамъ и расфранченныхъ мужчинъ, и, крикнувъ: «Художникъ пріѣхалъ!» побѣжалъ дальше.

Нечаевъ не успѣлъ поздороваться съ хозяйкой дома, какъ за спиною его послышались виагливые крики. Онъ обернулся. Къ нему подходила Софья Петровна Чаплина, пухлая, розовая и жизнерадостная дама лѣтъ тридцати, красивая и вертлявая, которую въ обществѣ почему-то называли «малабарской вдовой».

— Видѣла, видѣла вашу картину!—заговорила она,

поправляя на головѣ брилліантовыя гребенки.—Не нравится мнѣ! Совсѣмъ не нравится!

Въ это время по залѣ пробѣжалъ толстый кадетъ Степа, сынъ Бутина, съ перемазаннымъ вареньемъ подбородкомъ, и прокричалъ:

— Ъдутъ! Ъдутъ!

Нечаевъ поблѣднѣлъ, отвернулся; въ залѣ суетливо задвигали стульями; близорукой интендантъ схватилъ икону и кинулся къ двери; дамы побѣжали къ зеркаламъ.

Двери подъѣзда были растворены настежь, по лѣстницѣ шпалерами стояли лакеи, и видно было, какъ на асфальтовой мостовой разгружались кареты.

— Поздравляю!—тихо сказалъ новобрачной Нечаевъ и склонился.

Зинаида Александровна подняла на него широко раскрытые глаза, закусилла губы... и слабо дрогнули въ его рукѣ ея тонкіе блѣдные пальцы.

Она отошла, и весь разговоръ ихъ былъ дѣломъ одной минуты, но обоими почувствовалось: нависло тяжкое.

Женихъ, розовый блондинъ, красивый и томный, казался переполненнымъ блаженства и оттого на видъ какъ будто нѣсколько поглупѣвшимъ.

— Брудершафтъ, брудершафтъ!—заговорилъ онъ, простирая къ Нечаеву объятія.—Милый мой, дорогой, какъ я счастливъ!

Съ неяснымъ, непонятнымъ самому себѣ чувствомъ поцѣловался Нечаевъ съ Валовичемъ, а тотъ все бормоталъ надъ его ухомъ:

— Въ августѣ мы оба съ женой къ тебѣ съ визитомъ.

Пахнувшице нафталиномъ лакеи стали разносить шампанское.

Въ залѣ сдѣлалось еще безтолковѣе; на лицахъ многихъ гостей появилось выраженіе неподдѣльной радости.

Нечаеву пришлось взять бокаль и бродить съ нимъ по залѣ, чокаясь со знакомыми. Его сердилъ этотъ нелѣпый обычай... Понуривъ голову, хмуро, точно на похоронахъ, стучалъ онъ своимъ бокаломъ въ бокалы, попадавшіеся на пути, и стекло жалобно звенѣло:

— Зин-на... Зин-на...

И вдругъ глаза его потемнѣли. Передъ нимъ остановилась Зина.

— Давайте-ка чокнемся,—громко и развязно предложила ему она.—За будущее.

И засмѣялась, и смѣхъ ея вышелъ неискренній, натянутый, нервный. И сама какъ будто подмѣтила фальшь въ смѣхѣ и испуганно оглядѣлась по сторонамъ.

Вблизи никого не было... только Валовичъ съ золотой чаркой въ рукахъ перекатывался изъ однихъ объятій въ другія и чмокалъ направо и налево, сверху внизъ и снизу наверхъ.

— Ну, что же вы?...—торопливо, съ опущенными глазами проговорила новобрачная.—Что же вы ничего мнѣ не пожелаете?

Она опять попыталась засмѣяться, но на губахъ показалась только усмѣшка, безвольная и рабская.

«Кажется, во мнѣ что-то происходитъ», говорили Нечаеву, помимо воли, ея глаза.

Нечаевъ устремилъ на нее тусклый, точно погасающій взглядъ и сказалъ медленно и какъ бы съ трудомъ:

— Чего мнѣ вамъ пожелать? То, чего желали вы, въ настоящее время исполнилось.

Зинаида Александровна поблѣднѣла, и глаза ея мгновенно вспыхнули безпросвѣтною ненавистью... Не сказала она ни слова и отошла, а Нечаевъ чувствовалъ на

себѣ ея восхитительный, переполненный злостью взглядъ и, точно запутавшись въ немъ, вяло доплелся до кресла въ темномъ углу залы и сѣлъ, уронивъ голову.

II.

Всего двѣ недѣли назадъ эта огромная зала была полна народомъ; тутъ и танцовали, и пѣли, и шептались, и просто дурачились. А онъ стоялъ въ уголкѣ этой залы, тогда залитой огнями, вмѣстѣ съ Зиной, еще вчера свободной, и говорилъ ей о томъ, чѣмъ живетъ... о своемъ искусствѣ.

— Жить только въ работѣ, только въ искусствѣ и для него,—говорилъ онъ, и дѣвушка слушала его и смотрѣла на него влюбленными глазами, а онъ и не ждалъ и не видѣлъ ея любви. Дѣло его заслоняло все передъ его глазами. Ни о чемъ другомъ онъ не думалъ... Отчего же теперь вдругъ стало такъ больно? Отчего только теперь увидѣлось, что она любила его? И какъ она могла... какъ могла рѣшиться? «Что это—месть?»—задавалъ онъ себѣ вопросы, припоминалъ ея дрогнувшій въ ненависти взглядъ и говорилъ: «да, мечь»... Потомъ сейчасъ же словно видѣлась ему ея блѣдная покорная улыбка, и чувство безумной боли заливало душу.—«Да, рѣшиться такъ внезапно, неожиданно, сломать навсегда всю жизнь изъ желанія ударить прямо въ сердце... Это же было безуміе!»

И опять онъ думалъ о томъ, какъ упустилъ любовь Зинаиды, о томъ, что она теперь чужая для него и потерянная, думалъ и шепталъ:

— Гордая Зина! То-то вы—больныя и гордыя! За обиду вы мстите несчастіемъ цѣлой жизни.

Шатаясь, онъ всталъ и пошелъ по залѣ, никого не видя и ни о чемъ не думая, кромѣ одного: высказать той, несчастной и гордой, что силы у нея неостанутся.

Онъ шелъ, а между гостями, какъ куропатки въ травѣ, шныряли лакеи и докладывали коснѣющимъ языкомъ:

— Чаю и шоколаду... Чаю и шоколаду...

— Только найти бы...—шепталъ Нечаевъ.—Только найти бы!..

Увидѣвъ ее, онъ быстро подошелъ къ ней и прошепталъ дерзко и вызывающе, самъ не понимая себя:

— Тоже, мстить! Силы-то неостанутся!.. Увидите!..

Зина вздрогнула и безвольно отмахнулась отъ него кистью руки; широко раскрытые ея глаза остановились на немъ, погасшіе, тихіе.

— Уйдите, вы!..—болѣзненно крикнула она.

И, перепуганная собственнымъ голосомъ, она черезъ силу вызвала на поблѣднѣвшія губы улыбку и обратилась къ стоявшему невдалекѣ военному и что-то говорила ему, а красивая голова ея съ волною каштановыхъ волосъ покачивалась изъ стороны въ сторону, какъ отъ невыносимой боли.

Гостей пригласили къ столу. Начался одинъ изъ тѣхъ заурядныхъ свадебныхъ обѣдовъ, на которыхъ всѣ томятся и скучаютъ, кричатъ молодымъ «горько» и лѣниво ждутъ, когда тѣ поцѣлуются, чтобы придраться къ случаю и выпить еще разъ. Нечаевъ ничего не пилъ и говорилъ дерзости.

Обѣдъ кончился, и всѣ поднялись и лѣниво поплелись изъ-за стола, чтобы просидѣть установленные приличіемъ полчаса и отправиться по домамъ.

Послѣ обѣда, отягченные виномъ, даже присяжные говорюны смолкли; всѣ разошлись по кучкамъ, при чемъ

мужчины выбирали самые темные уголки, изолированные от женскаго элемента, и яростно зѣвали, разсматривая потолокъ. Хозяинъ интендантъ бранился въ столовой съ пьяными официантами и наѣзжалъ на старшаго индѣйскимъ пѣтухомъ; дѣвицы, въ большинствѣ случаевъ напоенныя услужливыми кавалерами, молча улыбались,—однѣ виновато, другія безсмысленно. Было скучно, праздно и пошло.

Нечаевъ сидѣлъ и все думалъ; странныя, разстроенныя мысли плескались въ его головѣ.—«Что дѣлать теперь... уйти? И она какая... Блѣдная она и жалкая... Право, уйти». И онъ старался подняться и, наконецъ, съ усиленіемъ всталъ и побрелъ. Голова его была тяжела, точно налитая ртутью, а соображать онъ уже давно не могъ.

Скользя тупымъ взглядомъ по гостямъ, сидѣвшимъ растерянными кучками, онъ прошелъ цѣлый рядъ комнатъ, не найдя Зины, и уже готовился повернуть обратно, но внезапно остановился передъ дверью въ ея спальную и не могъ идти дальше, и точно по чьему-то приказу пріоткрылъ ее. Сладкій запахъ духовъ встрѣтилъ его своей отравой. Онъ сталъ на порогѣ, слабо вскрикнувъ. На кровати лежала Зина.

III.

Не сознавая, что дѣлаетъ и что въ комнату ежеминутно могутъ войти, Нечаевъ присѣлъ на уголь кровати въ ногахъ Зины и тихо дотронулся до ея плеча.

Онъ ожидалъ, что та вскрикнетъ и оттолкнетъ его, но этого не случилось; она даже не обернулась.

— Зина,—тихо проговорилъ Нечаевъ, наклоняясь

къ ней. Больше не было словъ, но вся его тоска, весь сознанный ужасъ вспыхнули въ одной жуткой мысли.— Зина!—негромко повторилъ онъ.

Она не отодвинулась и теперь растерянно смотрѣла на него покраснѣвшими, заплаканными глазами, и слезы плыли по щекамъ крупными каплями, ярко блиставшими въ темнотѣ, и какъ будто черезъ слезы она не видѣла Нечаева.

— Зина!—позвалъ онъ горько, и самъ подивился своему голосу,—до того много слышалось въ немъ нѣжности и тоски.

И, постепенно оправляясь и проникаясь властью, онъ говорилъ ей тихо и долго, не сводя сильнаго, почти стального взгляда съ ея обезволенного лица; онъ говорилъ ей, можетъ быть, лживо, быть можетъ, вѣря самъ своей лжи, и лицо его, красивое и властное, было блѣдно и зловѣще. «Что это, что?» мысленно останавливалъ онъ себя.—«Это любовь или ревность къ потерянному? Зависть или страсть—тѣнь любви?..»—Но остановиться не могъ и все шепталъ ей о томъ, что въ борьбѣ съ чувствомъ ея силы не устоятъ; что она броситъ всѣхъ—отца, мать и мужа и придетъ къ нему; жизнь съ нелюбимымъ и чужимъ сдѣлается страшной; тѣло ея, прикованное къ одному, будетъ рваться къ другому...

Онъ говорилъ и видѣлъ, что ея слабо трепетавшія губы находились отъ него на разстояніи мгновенія. Ощущалъ, какъ голова его, наполненная сладкимъ туманомъ, тяжелѣетъ все больше... что глаза ничего не видятъ, кромѣ розовыхъ полуоткрытыхъ губъ женщины, тѣло которой находится въ его объятіяхъ... И только тогда, когда губы его ощутили на себѣ холодъ ея прикосновенія, онъ понялъ что дѣлается... но сознание не освѣжило его, а обезволило больше...

— Какая горькая и жуткая была любовь! Какъ страшно было!

Шатаясь, онъ вышелъ изъ комнаты. Въ залѣ всѣ сидѣли съ прежнимъ томленіемъ, а женихъ былъ окруженъ непроницаемою сѣтью скучающихъ дамъ, которыхъ онъ долженъ былъ занимать по праву домохозяина.

IV.

Нечаеву казалось, что какъ только войдетъ онъ, всѣ паранхнутся отъ него въ сторону въ слѣпомъ ужасѣ... но и этого не произошло: никто не выражалъ ему удивленія по поводу отсутствія, никто не дѣлалъ сконфуженнаго лица...

И когда освобожденный, наконецъ, изъ заключенія Валовичъ подошелъ къ нему и обратился съ изліянiami своей радости по поводу свадьбы, Нечаевъ слушалъ его молча-выжидательно... Глаза его только и смотрѣли на дверь, откуда должна была выйти Зина.

— Скорѣй бы... скорѣй бы...

Онъ видѣлъ, что Валовичъ, наконецъ, спохватился жены и поспѣшно вышелъ... Все смотрѣлъ и ждалъ: какъ она? Вскорѣ Валовичъ показался въ дверяхъ вмѣстѣ съ Зиной, не улыбавшейся, искательно смотрѣвшей по сторонамъ. На лбу ея сложились складки, и казалось, женщина заснула съ одной роковой, неотвязной мыслью, поработившей ее навсегда.

Нечаевъ смотрѣлъ на Зину, на Валовича... Все ждалъ, когда нахлынувшая толпа гостей оттѣснить его отъ жены... Вотъ, Валовича окружили...

Точно что-то роковое и неумолимое толкнуло Нечаева

и повлекло за собой. Близко склонившись къ Зинѣ, онъ прошепталъ съ искаженнымъ лицомъ:

— Гдѣ?.. Когда?..

Лицо его, пожелтѣвшее, съ подергивавшимися мускулами, было страшно... Но Зина остановила на немъ взглядъ, полный рабской покорности.

Она не отвѣчала ни слова... Но словъ было не надо: она уже не принадлежала больше ни Валовичу, ни самой себѣ. То, что захватило ее, было сильнѣе грѣха, сильнѣй смерти.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ.

I.

Въ то время она была свѣжей и миловидной дѣвушкой, съ невинными голубыми глазами; она причесывалась не по-модному, носила косу, закрученную на затылкѣ, и массу мелкихъ завитушекъ на лбу; волосы у нея были бѣлокурые, талія тонкая и гибкая; одѣвалась она чисто и носила корсетъ.

Павель Степановичъ познакомился съ нею въ театрѣ; случилось такъ, что мѣста ихъ на галлерей оказались рядомъ, и было ему тогда всего двадцать лѣтъ; служилъ онъ конторщикомъ въ правленіи мануфактуры, получалъ семьдесятъ рублей жалованья и часто позволялъ себѣ роскошь—бывать въ театрѣ.

Елена сразу заинтересовала его. У нея былъ такой тихій, свѣтящійся взглядъ, и такъ интересно оживлялось лицо, когда она улыбалась. Пьесу давали тогда за-

бавную, и Елена почти все время смѣялась, безудержно, по-дѣтски, прикрывая ротъ платкомъ и изъ всѣхъ силъ стараясь сдерживаться; смѣхъ ея показался ему наивнымъ, но онъ не морщился и не ощущалъ на душѣ не-пріятнаго чувства, а напротивъ, думалъ съ благоволеніемъ, заглядывая въ ея невинные, ребяческіе глаза:

«У, милая!»

Въ антрактѣ онъ предложилъ ей яблоко. Дѣвушка вспыхнула, отказалась и даже отодвинулась. Павелъ Степановичъ не нашелся, что ей сказать, и весь антрактъ они просидѣли въ неловкомъ молчаніи, но, когда пьеса окончилась и публика повалила домой, онъ вдругъ опять обратился къ Еленѣ:

— Позвольте мнѣ проводить васъ.

Дѣвушка снова отказалась и, торопливо одѣвшись, побѣжала по ступенямъ внизъ, на улицу. Павелъ Степановичъ быстро протискивался за нею, толкалъ прохожихъ и чуть было не попалъ подъ лошадь. Когда Елена съ большой улицы свернула въ переулокъ, узкій и глухой, Павелъ Степановичъ рѣшился еще разъ заговорить съ нею. Страшась того, что въ головѣ дѣвушки окончательно составитъ невыгодное о немъ представленіе, онъ сказалъ:

— Барышня... послушайте...

— Что вамъ?—упавшимъ голосомъ пробормотала она и заторопилась еще больше.

А Павелъ Степановичъ догонялъ ее и растеряннымъ голосомъ пытался объяснить, что онъ вовсе не какой-нибудь непорядочный, что она напрасно о немъ думаетъ плохо.

Елена торопливо отвѣтила, что она ничего о немъ не думаетъ, но Павелъ Степановичъ уже оправился и заговорилъ о томъ, что по ночамъ молодой дѣвушкѣ опасно

ходить по улицамъ одной, что ее могутъ ограбить и оскорбить. Онъ разсказалъ ей и нарочно сочиненный имъ случай съ какой-то своей знакомой, которую будто бы обобрали громилы въ томъ переулкѣ; разсказывая, онъ старался говорить какъ можно красивѣе, вставлялъ много книжныхъ словъ, привелъ какіе-то коротенькіе стишки насчетъ ночи и чувствовалъ, что его рѣчи нравятся дѣвушкѣ, что она уже не боится его и въ душѣ переходитъ къ болѣе выгодному о немъ мнѣнію.

Когда они дошли до маленькаго темнаго домика, гдѣ она снимала за четыре рубля комнату, Елена уже не дичилась своего случайнаго знакомаго. Павелъ Степановичъ попросилъ позволенія зайти къ ней на минутку. Дѣвушка долго отказывалась, говоря, что увидить квартирная хозяйка, но когда постучалась въ дверь и входъ открылъ семилѣтній мальчикъ, оба узнали, что хозяйки нѣтъ дома, и Павелъ Степановичъ быстро скользнулъ за дѣвушкой въ ея квартиру.

Комната у нея была маленькая, чуть не въ квадратную сажень, съ блѣдными обоями и единственнымъ оконцемъ, поднятымъ къ самому потолку. Всю каморку загромаждала кровать. Кромѣ нея стояло лишь трехногое кресло, придвинутое къ стѣнѣ. Старыя картинки изъ моднаго журнала были расклеены на двери, которую Павелъ Степановичъ сейчасъ же за собой затворилъ. Онъ разспрашивалъ Елену о томъ, чѣмъ она живетъ, узналъ, что она работаетъ въ бѣлошвейной мастерской, получаетъ восемь рублей въ мѣсяцъ, что всѣ свои «лишнія» деньги тратитъ на театръ и особенно любитъ пьесы, гдѣ танцуютъ и поютъ.

Разсказывая, Елена сидѣла на кровати, а Павелъ Степановичъ въ единственномъ креслѣ. Онъ слушалъ Елену, но не вникалъ въ смыслъ ея словъ; разбросанныя мысли

плескались въ его головѣ; хозяйки шѣтъ дома; она не скоро придетъ; отправилась она къ знакомымъ на свадьбу... и Елена одна.

Павель Степановчъ не сводилъ взгляда съ дѣвушки, и его взглядъ нестерпимо рѣзало бѣлое покрывало постели, на которой сидѣла она. И сама Елена была одѣта въ бѣлую бумазейную кофточку, отчего получалось представленіе, что она сидитъ передъ нимъ въ одномъ бѣльѣ. Смутное жадное чувство волновало его, все крѣпче и властнѣе захватывая душу... и, когда онъ увидѣлъ, что не въ силахъ побороть его, быстро подошелъ къ Еленѣ, присѣлъ къ ней на кровать, обнялъ и молча поцѣловалъ. Она вскрикнула и забилась въ его объятіяхъ, но онъ, не выпуская ея изъ рукъ, заговорилъ о томъ, что каморка у нея темна и тѣсна, что онъ найдетъ ей просторную комнату, гдѣ поставитъ ей на окна горшки съ цвѣтами, гдѣ полы будутъ блестѣть отъ свѣжей масляной краски, а на стѣнѣ будетъ пѣть въ клѣткѣ канарейка. Услышавъ про канарейку, Елена обрадовалась, какъ ребенокъ, гораздо больше, чѣмъ его обѣщанію купить ей швейную машину... и она отдалась ему въ ту ночь, не думая о себѣ и не сознавая себя, отдалась просто спокойно и бессловесно, точно не понимая ничего. И произошло это все такъ обыденно и скоро, что въ головѣ Павла Степановича такъ же не промелькнуло мысли о его грѣхѣ. Онъ ушелъ отъ нея разочарованный и холодный... и въ мозгу носилось короткое:

— Только-то? Все?

II.

Однако, все свои обѣщанія Еленѣ онъ сдержалъ, хотя это и было ему трудно. Онъ помѣстилъ ее въ тѣхъ

же мебелированныхъ комнатахъ, въ которыхъ жилъ самъ, купилъ ей швейную машину, и канарейку, и цвѣты. Елена перестала ходить къ своей хозяйкѣ въ бѣлошвейную мастерскую, начала принимать заказы на дому. Работы у нея оказалось достаточно: сначала коридорные, а затѣмъ и нѣкоторые жильцы мебелированныхъ комнатъ поручили ей шить бѣлье; работу доставлялъ ей и Павелъ Степановичъ, о связи котораго быстро узнали и его сослуживцы. Онъ и не скрывался; малодушно хвасталъ своею связью передъ товарищами, а въ день своихъ именинъ даже позвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Еленѣ въ номеръ на пироги. Тамъ много пили водки, говорили скабрзные вещи, и Елена, которую пьяные гости безцеремонно цѣловали, краснѣла до слезъ.

Павелъ Степановичъ и самъ не зналъ, любилъ ли онъ Елену; можетъ быть, любви не было, но онъ понималъ, что такая связь для него много выгоднѣе и спокойнѣе, чѣмъ случайныя встрѣчи съ уличными женщинами. Елена поражала его своей необыкновенной кротостью, молчаливостью и желаніемъ работать; благодаря ей, у Павла Степановича появилось дешево стоившее ему и вполне порядочное бѣлье, отъ котораго онъ уже отвыкъ въ теченіе своей дѣловой холостецкой жизни... И только тогда, когда бросилъ Елену, онъ понялъ свою низость передъ этой молчаливой бѣлокурой дѣвушкой, которая всегда такъ просто и мило держалась, смѣялась невиннымъ дѣтскимъ смѣхомъ и стыдливо исполняла его желанія.

Павелъ Степановичъ долженъ признаться, что онъ убѣждалъ отъ Елены... и именно тогда, когда ей въ особенноти нужна была его помощь: она приготовлялась родить.

Еще только-что узнавъ объ ея беременности, Павелъ Степановичъ ощутилъ къ ней глухую и сильную неприязнь; когда же начались разговоры о томъ, какъ построится ея дальнѣйшая жизнь, враждебное чувство стало въ немъ крѣпнуть. Онъ твердо рѣшилъ отдать ребенка въ пріютъ или, попросту, подкинуть ночью къ подъѣзду богатаго дома... но здѣсь-то и встрѣтилъ со стороны всегда робкой Елены отпоръ. Неподдѣльный ужасъ переполнялъ ея лицо, когда Павелъ Степановичъ говорилъ о необходимости бросить ребенка; она часто плакала, и Павелъ Степановичъ сталъ находить, что Елена подурнѣла... Онъ началъ сближаться съ уличными женщинами, заглядывалъ къ Еленѣ все рѣже и, наконецъ, сбѣжалъ отъ нея на службу въ Москву...

И теперь, совершенно случайно встрѣтившись съ нею послѣ многихъ лѣтъ разлуки, онъ сначала совсѣмъ не узналъ ея. Сидя въ кофейнѣ, онъ лѣниво разсматривалъ помѣщавшуюся напротивъ него женщину, тучную, бѣлокурую и слегка подкрашенную. Обратилъ на нее вниманіе онъ лишь потому, что она слишкомъ громко дышала. Съ отвращеніемъ блуждалъ онъ глазами по ея истасканной красной шляпкѣ, и вдругъ показалось ему, что знакомы ея голубые глаза, ея свѣтлые волосы и черты лица. Онъ вздрогнулъ и отвернулся.

— Неужели Елена?..

И женщина взглянула на него. На нѣсколько мгновеній она оцѣпенѣла, а потомъ, всплеснувъ руками, вскрикнула въ крайнемъ удивленіи:

— Павелъ Степановичъ!

Услышавъ свое имя, онъ съежился какъ будто подъ ударомъ... затѣмъ взглянулъ на нее съ гнѣвнымъ упрекомъ за неосторожность: точно всѣ, сидѣвшіе въ кофейнѣ, сразу узнали, что они когда-то были въ связи.

Но на нихъ никто не обратилъ вниманія. Всѣ были заняты ѣдою или смотрѣли въ окна. Отвернулась и Елена; она казалась растерянной и явно стыдилась своего неожиданнаго крика.

Павель Степановичъ ощущалъ на сердцѣ злобную неловкость; отъ внезапнаго смущенія кружилась голова, на щекахъ выступили и пламенѣли пятна... Онъ чувствовалъ, что въ лицо бросилась краска, и стыдился и робѣлъ, и виноватыми глазами разсматривалъ расплывшую талію своей знакомой, ея тусклые выцветшіе глаза, испорченные зубы, покрывшееся морщинами лицо.

«Гдѣ же все... все прежнее?..». На душѣ щемило.

Онъ живо припомнилъ ея невинный, ребяческій взглядъ, ея крѣпкую грудь, простенькій корсетъ, однооконную каморку, бѣлоснѣжную постель, стыдливую улыбку на заалѣвшемъ лицѣ... Чувство жестокой, завистливой грусти по былому, давно минувшему подступало къ груди огромнымъ комомъ... и жадно разсматривали глаза расплывшееся лицо и старались отыскать на немъ прежнее, молодое, непорочное, юное... Но надо было идти домой. Павель Степановичъ торопливо выпелъ, не взглянувъ на женщину; въ его умѣ плавало жгучее желаніе убѣжать. Но, выйдя, онъ невольно оглянулся; Елена подходила съ смущенной, некрасивой улыбкой и не сводила съ него подрисованныхъ глазъ.

Поровнявшись съ нимъ, она, однако, ничего не сказала ему, а лишь пошла впередъ по тротуару. Павель Степановичъ поплелся за нею... и въ головѣ плескалась растерянная мысль, что и пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ шелъ за Еленой... И поражало его, какъ могъ онъ бросить чистую, невинную дѣвушку, бросить для бульварныхъ женщинъ; какъ прожилъ онъ жизнь безъ любви и какъ память могла вычеркнуть все бывшее.

Чтобы какъ-нибудь кончить нелѣпую сцену, онъ подошелъ къ ней и поздоровался. Еще подходя, онъ приготовилъ хорошую вступительную фразу, но она разлетѣлась при первомъ взглядѣ Елены, и Павелъ Степановичъ только и нашелся сказать:

— Вотъ это неожиданная встрѣча!

Онъ сейчасъ же ужаснулся пошлости своихъ словъ и приготовился выслушать отъ Елены оскорбленіе... Но ничего подобнаго не случилось. Она посмотрѣла внимательно и сказала чрезвычайно естественно, спокойно и просто:

— Да, не чаяла я васъ увидать.

И не было слышно никакого упрека въ ея голосѣ, надтреснутомъ и больно ударившемъ по сердцу. Глаза Елены смотрѣли безъ насмѣшки и злобы. Словно похоронено было все прошлое... Она шла спокойно и неторопливо. Такъ прошли они нѣсколько улицъ, и въ сумрачномъ переулкѣ она сказала:

— А вотъ и моя квартира.

Павелъ Степановичъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову. Онъ не ожидалъ этого и вообще меньше всего думалъ о томъ, гдѣ Елена живетъ.

И невольно сорвался съ языка нелѣпый вопросъ:

— Чѣмъ же вы теперь существуете?

Елена удивленно вскинула на него глаза, но сказала зауряднымъ, обычнымъ тономъ давно сложившуюся въ головѣ фразу:

— Кавалеры ходять.

III.

Черезъ грязный и темный дворъ прошли они къ старому двухэтажному деревянному зданію, длинному и

похожему на торговые ряды; нижній этажъ казался нежилымъ; однообразно и правильно тянулись желѣзныя двери, запертыя огромными замками; отъ перваго этажа вверхъ бѣжали лѣстницы, узкія, деревянныя и скрипучія; было темно на этихъ лѣсенкахъ и пахло сыростью; Павелъ Степановичъ шелъ за Еленой, поминутно спотыкался и растерянно повторялъ:

— «Кавалеры ходять»...

Поднявшись по лѣстницѣ, Елена остановилась передъ низкою дверью, обитой пестрою клеенкой, и сказала, не поворачивая къ своему спутнику глазъ:

— Здѣсь. А звонокъ оборвали пьяные.

Она постучала кулакомъ въ дверь, и стукъ этотъ всколыхнулъ его нервы. Онъ напомнилъ ему о томъ, что когда-то, много лѣтъ тому назадъ, Елена такъ же стучалась въ свою квартиру...

На стукъ долго не отворяли; толстая, неопрятная женщина появилась съ закоптѣлой жестяной лампой, устало зѣвнула и сдернула съ Павла Степановича пальто.

Елена ввела его въ свою приемную и сказала слегка смущенно, но съ вошедшей уже въ привычку игривостью:

— А вотъ и мои апартаменты.

Раньше она никогда бы и не выговорила слова «апартаменты». Павла Степановича покорило. Внезапно, съ беспощадною ясностью нарисовалась предъ нимъ ея жизнь: полупьяные «образованные» кавалеры, «благородные» и «простые», водка, пиво, циничныя слова, закуски и объятія, можетъ быть, ссоры и драки, и ужъ конечно—слезы и позоръ.

Растерянно онъ обвелъ глазами комнату. Стѣны были увѣшаны бумажными вѣерами, и на креслахъ пестрѣла

красная матерія съ цвѣтами; кровать была безобразно широкая, съ горою подушекъ. *Богатство нищеты*, «убогая роскошь», кричали въ сердце Павла Степановича.

Застѣнчиво стоялъ онъ посреди комнаты, а Елена церемонно сидѣла въ креслѣ и, видимо, чувствовала себя неловко.

— Что же вы стоите?—торопливо заговорила она послѣ молчанія, и ея глаза, по привычкѣ, заиграли.— Садитесь, будете компаньономъ.

Павель Степановичъ съ отвращеніемъ покосился на кровать; Елена замѣтила его взглядъ и, поблѣднѣвъ, вышла изъ комнаты.

А тотъ растерялся окончательно. Онъ подумалъ, что сейчасъ начнется объясненіе.

Елена вошла въ комнату все еще блѣдная и, окинувъ его враждебнымъ взглядомъ, спросила медленно, съ дрожью въ голосѣ:

— Чай будете пить, что ли?

Павель Степановичъ засуетился и торопливо забормоталъ, какъ бы извиняясь:

— Чай? Что же... Это, хорошо,—конечно... чай.

Елена снова вышла, и было слышно, какъ она будила сонную кухарку:

— Дарья... Дарья... Самоваръ требуютъ.

А Павла Степановича неотразимо повлекло въ смежную комнату. Почему-то ему вдругъ представилось страшно нужнымъ узнать, кто живетъ по сосѣдству съ Еленой. Что сама она не могла занимать второй комнаты, было видно по тому, что въ пріемной Елены помѣщалась и кровать; вторая же комната не походила на чуланъ или каморку; въ раскрытую дверь было видно, что комната велика и окна ея завѣшены тюлемъ.

Павель Степановичъ вошелъ и остановился въ удивленіи. Въ комнатѣ было такъ чисто, свѣтло и уютно, что сердце противъ воли встревоженно останавливалось; ясная чистота, словно цѣломудріе царили въ воздухѣ, въ сверкавшихъ бѣлизною занавѣскахъ, въ свѣжей ска-терти, разостланной на маленькомъ столѣ... Таинственной непорочностью вѣяло отъ всего; нѣсколько книжекъ скромно и ясно выглядывало съ полки надъ кроватью; на ночномъ столикѣ лежали три бѣлыхъ цвѣтка и бирюзовый крестикъ. Бѣлыя тарелочки мило блестяли со стѣнъ, пахло резедою... Павель Степановичъ невольно усмѣхнулся, и сейчасъ же сердце снова встревожилось умиленно и опасно и горько. Простенькая мебель носила на себѣ печать любовной заботливости; было похоже, — чья-то любящая рука зорко слѣдитъ за благообразіемъ комнаты. Невольно, самъ собой, рисовался и портретъ той, которая въ ней жила. Хотѣлось думать о чистомъ, невинномъ, непремѣнно почему-то бѣлокурномъ, съ робкой, стыдливой улыбкой, тонкой таліей и непорочнымъ взглядомъ...

Стараясь не шумѣть, Павель Степановичъ подошелъ къ кровати и взялъ въ руки книжку; она оказалась баснями Крылова; это его умилило... чудесное дѣтство, полное улыбокъ и счастья мелькнуло передъ глазами; онъ усмѣхнулся, радостный, словно помолодѣвшій, и потянулся было къ другой книжкѣ, какъ вдругъ услышалъ за собой легкій, чуть замѣтный, сдержанный крикъ, скорѣе похожій на робкій вздохъ:

— Ай!

Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою Елену. Но не ту Елену, съ которой онъ только-что повстрѣчался, а прежнюю, молодую, какъ весенній цвѣтикъ, свѣжую, ясную, съ тонкой таліей и невинными голубыми глазами.

Онъ вскрикнулъ, отшатнулся и полнымъ ужаса взглядомъ смотрѣлъ на видѣніе... но тутъ за юной, чудесной Еленой появилась другая Елена.

— Моя дочь, Лиза,—просто сказала она.

IV.

Дѣвушка робко подошла къ нему, робко протянула руку и присѣла въ кресло. Елена, стоя въ дверяхъ, звала пить чай, а Павелъ Степановичъ не сводилъ съ молодой дѣвушки потемнѣвшихъ глазъ и думалъ угрюмо. Нѣкоторое время всѣ трое молчали; наконецъ, послышался голосъ хозяйки:

— Да пойдите же: самоваръ простынетъ.

Сидѣвшіе разомъ поднялись съ креселъ, и всѣ пошли въ пріемную. Слѣдуя за Лизой, Павелъ Степановичъ не отрывалъ взгляда отъ ея тонкой талии и все думалъ жуткое:

— Неужели... дочь?..

Усѣлись за столъ. Елена помѣстилась у самовара, рядомъ съ ней была Лиза, на самомъ концѣ стола, въ отдаленіи, сидѣлъ Павелъ Степановичъ. Опять молчали всѣ трое.

— Знаетъ ли она, кто я?..—задавалъ Павелъ Степановичъ себѣ вопросы. Отвѣчалъ: она уже знаетъ... и, глотая горячій чай, пытливо всматривался въ ея глаза. Онъ старался дѣлать это незамѣтно и, встрѣтившись съ Лизой взглядомъ, сейчасъ же опускалъ свой. Маленькое колечко голубѣло на тонкомъ пальцѣ Лизы. Онъ началъ смотрѣть на это кольцо и думалъ: «Что въ ея глазахъ?.. глазахъ непорочныхъ?.. что въ ея глазахъ?..»

Елена замѣтила, что онъ все смотритъ на кольцо, и,

какъ бы желая удовлетворить его любопытство, сказала неопредѣленнымъ тономъ:

— А это подарилъ Лизочкѣ молодой человекъ.

Она не ожидала того, что случилось затѣмъ. Павелъ Степановичъ вскрикнулъ, вскочилъ со стула и, склонившись къ напуганной Еленѣ, закричалъ:

— Такъ ей тоже дарять?..

Елена сейчасъ же успокоилась, точно услышала обыкновенное.

— Развѣ тутъ останешься?—медленно сказала она.—У ней свои—благородные; мои—попроще.

Павелъ Степановичъ вздрогнулъ и, еще что-то прокричавъ, бросился мимо изумленныхъ женщинъ въ прихожую. Сорвавъ съ вѣшалки пальто, онъ нахлобучилъ шапку и, держа одежду въ рукахъ, побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Онъ одѣлся уже на улицѣ и торопливо шелъ по ней, судорожно тиская себѣ руки.

— Нѣтъ,—басни Крылова... Бирюзовый крестикъ, цвѣты... Нѣтъ, какъ все это?..—растерянно бормоталъ онъ.—Глаза ея непорочные... А?.. Цвѣты бѣлые!.. Нѣтъ, какъ это? Какъ?..

Онъ все бѣжалъ и поводилъ плечами и наталкивался на рѣдкихъ прохожихъ улицы, а потомъ вступило въ голову громадное:—Дочь! дочь! дочь!—закричалъ онъ во весь голосъ. Угрюмое лицо околоточнаго надзирателя появилось передъ его глазами, и онъ стихъ.

V.

Думалъ, что никогда не покажется въ томъ домѣ; проклиналъ домъ, ее и себя; проклиналъ все и не могъ не думать. Мысль о двухъ женщинахъ, жизнь которыхъ

была имъ искалѣчена, не выходила изъ головы. Павелъ Степановичъ пожелтѣлъ и осунулся; глаза засвѣтились лихорадочнымъ блескомъ.—«Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ все у насъ просто!»—думалъ онъ.—«Имѣлъ женщину, бросилъ и ушелъ; у нея дочь родилась... у кого этого не бываетъ! А вотъ и случилось... и случилось... и случилось...»

Онъ заставлялъ себя на томъ, что съ поблѣднѣвшимъ лицомъ бьетъ кулаками по столу, и пальцы на суставахъ также блѣдны... неестественно блѣдны... и въ душѣ тѣнь и тѣма... грозная тѣма.—Неужели онъ пойдетъ къ нимъ еще разъ?—спрашивалъ себя Павелъ Степановичъ. И отвѣчалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, конечно, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ»... И добавлялъ тутъ же: «Конечно, пойдешь».—Да, да, пойдешь,—шепталъ онъ уныло и злобѣще оглядываясь по сторонамъ.—Пойдешь непременно, иначе нельзя.

И желаніе видѣть ихъ не ослаблялось; оно обострялось ужасно съ наступленіемъ каждаго вечера; тѣма на душѣ распространялась; еле досидѣвъ на службѣ положенные часы, онъ тотчасъ же нанималъ извозчика, чтобы ѣхать къ Еленѣ; не доѣзжая до квартиры уходилъ и бродилъ подлѣ, не смѣя и не желая войти и... желая этого. Однажды онъ не могъ осилить себя и зашелъ. Слишкомъ ужъ напряженна была борьба съ собою. Его у Елены не ждали. Были гости; на столѣ стояли бутылки съ виномъ и закуски; раскрытая коробка конфетъ лежала у Лизы на колѣняхъ. Она смѣялась; подлѣ нея на корточкахъ сидѣлъ молодой человѣкъ, франтовато одѣтый, съ блестящими отъ брильянтина усами. Одной рукою онъ обнималъ талію дѣвушки, другую опустилъ внизъ и упирался указательнымъ пальцемъ въ полъ, вѣроятно, чтобъ не упасть. Онъ казался пьянымъ, но всего страшнѣе было

думать о томъ, что пила и Лиза; ея глаза неестественно блестяли, лицо раскраснѣлось и пылало... и попрежнему было невинное, непорочное лицо.

Подлѣ Елены помѣщался пожилой мужчина въ длиннополомъ сюртукѣ, похожемъ на поддевку, борода-тый и прыщавый, съ маленькими свинными глазами, при массивной золотой цѣпи. Они цѣловались.

Холодный отъ ужаса смотрѣлъ передъ собою Павелъ Степановичъ. Но на него не обратили никакого внима-нія и даже когда замѣтили, не сконфузились. Лиза съ развязностью подала ему руку, какъ старому прія-телю. Еле двигаясь, Павелъ Степановичъ склонился къ ея лицу. — «Знаетъ ли она? Сказала ли мать?»—Но Лиза, скользя по немъ равнодушнымъ взглядомъ, сейчасъ же съ хохотомъ повернулась къ своему кавалеру и крикнула:

— Ловите!

Она подбросила вверхъ шоколадную бутылочку съ ромомъ; и молодой человекъ привычнымъ движеніемъ поймалъ ее губами.

Дѣвушка смѣялась и гладила его за ушами, какъ кота.

А Павелъ Степановичъ все стоялъ подлѣ, все не ды-шалъ и приготовлялся спросить:

«Зачѣмъ же въ твоей комнатѣ такъ свято и чисто?..» Но потомъ въ голову ему вступило, что не ей, а ему самому слѣдовало задать вопросъ: «Зачѣмъ ты?..»

Остановившимися, точно стеклянными глазами онъ обратился къ матери. «Зачѣмъ ты?..»—хотѣлъ спросить онъ ее, но вопросъ снова повернулся остриемъ къ нему, къ нему самому, Павлу Семеновичу, и съ нѣмымъ воплемъ ужаса, шатаясь самъ, какъ хмельной, онъ робко по-брелъ въ прихожую, цѣпляясь за стѣны. Онъ одѣвался,

а изъ приѣмной Елены слышался хохоть и визгъ женскихъ голосовъ, и среди него голосъ той, бѣлокурой, у которой былъ бирюзовый крестикъ... и басни Крылова были... и цвѣты бѣлые... и непорочные глаза...

Павель Степановичъ шелъ по заснувшей улицѣ. Сердце жгла лихорадка, пламенѣла голова.

— «Нѣтъ, это же совсѣмъ обыкновенно, совсѣмъ обыкновенно, этакъ милліоны,—безкровной мыслью ума думалъ онъ.—Но какъ оно страшно, если вдуматься, какъ безумно страшно!»

Что-то кружилось подлѣ него во тьмѣ ночи, свѣтящееся, какъ круглыя кольца. Словно громадныя нули вертѣлись и прыгали передъ его глазами.—«Не схожу ли я съ ума?»—шепталъ онъ, дотрагиваясь жаркими пальцами до висковъ.—«Ничего нѣтъ, я одинъ, мнѣ чудится»... И внезапно къ этимъ прыгавшимъ въ воздухѣ нулямъ прибавилась единица, эта ничтожная единица—Павель Степановичъ—и громадное звѣриное число—1.000.000 угрожающе выросло передъ взглядомъ.

Н О Ч Ь Ю.

I.

— Да, Михайло Петровичъ,—говорилъ земскій докторъ Васильевъ сидѣвшему съ нимъ на крыльцѣ помѣщику Чурину.— Оно, конечно, и темноты и всякой штуки масса, а пріятно все-таки, пріятно!

Онъ сладко зѣвнулъ и такъ потянулъ надъ головою мускулистыя загорѣлыя руки, что ситцевая рубашка затрещала по швамъ. Въ тотъ день онъ, какъ впрочемъ и всегда, принялъ въ больницѣ свыше пятидесяти мужиковъ, страшно усталъ и былъ очень доволенъ отъ сознанія, что онъ такъ старательно и честно дѣлаетъ свое дѣло.

Вешняя ночь бѣжала сверху, заволакивая ровное, безоблачно-звѣздное небо и уравнивая мглою предметы. Большая Медвѣдица словно двигалась въ высотѣ. За домомъ, въ сосновомъ бору ухала какая-то птица, засыпая

гавкали на деревнѣ собаки, и отчетливо скрипѣла колодезная бадья.

Докторъ посмотрѣлъ на бѣлѣвшее напротивъ его квартиры новенькое зданіе больницы, которое онъ, какъ тайно признавался женѣ, «единолично отвоевалъ» на собраніяхъ, скользнулъ довольнымъ взглядомъ по чистенькимъ и наряднымъ дворовымъ службамъ, представилъ себѣ и внутренность «госпиталя» съ бѣлыми какъ простыня стѣнами, нарядными изразцовыми печами, съ полами, блестящими свѣжей краской, съ отдѣльной, хорошо оборудованной операционной,—и чувство довольства, соединеннаго съ дѣловой усталостью, охватило его еще сильнѣе. Такъ хороша была ночь и такъ красива была тишина, и засыпающій боръ, гдѣ все еще ухала птица, что казались милыми даже запахъ краски и огонекъ папирасы Чурина.

— Да, все-таки добился,—Васильевъ снова зѣвнулъ и потянулся.—Всего три года—и было здѣсь болотце, чирки ныряли, а вотъ—«предпріятіе»... Окна-то... окна... по три аршина...—и снова подумалъ, влюбленный въ свою больницу какъ въ женщину, что во всемъ уѣздѣ едва ли отыщется вторая въ этомъ же родѣ.—Теперь заснуть бы...—но подлѣ сидѣлъ его давній, еще школьный товарищ Чуриновъ, пріѣхавшій къ нему издалека, видѣться съ нимъ можно было лишь изрѣдка, и не хотѣлось уходить.

— Однако, темноты и всякой штуkenціи уйма,—повторилъ докторъ и хлопнулъ Чурина по колѣну.—Третьеводни, напимѣрь,—совсѣмъ ужъ «рассейское»,—привезла баба одна изъ Алтухова мальченка. Развернула его, смотрю, малый въ жару, мечется, а лѣвый високъ весь, извини, братъ, въ конскомъ удобреніи. Что такое?—«А вотъ, видишь ли, лошадь Захарку дол-

банула. И кровичи этой самой и протчаго... Велѣли Яванъ Яванычъ лошадыго навозу приложить». Понятно, остервенѣлъ:—Вонъ! Сейчасъ же вонъ, къ Яванъ Яванычу!.. Позвалъ, однако, фельдшерицу, осмотрѣлъ. Такая, братъ, каша, все размолото... и мозги тутъ, и кости, и навозъ... Давно ли? «Да день пять либо семь, не упомню».—Ахъ, морда!.. Придется операцію.—Выслушала, задумалась.—«А живъ будетъ?»—Не знаю. Можетъ, будетъ, можетъ, помретъ.—«Нѣтъ, ты мнѣ занавѣрно скажи. Ишь сколько верстовъ Захарку везла, а у меня картошка не сажена. Коли не помретъ, дѣлай, а то домой увезу»... Да пойми, говорю, не могу ручаться!—«А не можешь, домой повезу».—Такъ меня и вскинуло: Сила нечистая! Вонъ сейчасъ же, чтобъ и духу твоего... Подумала, почесалась.—«Коли оставлю, мнѣ-то уѣхать?»—Нѣтъ, и ты подожди.—«А сколько?»—День, два, а что?—«У меня картошка не сажена».—Выбирай, говорю, между картошкой и сыномъ. Взыла, выбрала сына, наконецъ. Выписалъ изъ Ключарева товарища, понимаешь, сдѣлали все честь честью, а молодецъ померъ. Ругалась, ругалась...—«Зачѣмъ, говорить, двос день проморилъ? было бы мнѣ къ Яванъ Яванычу, у меня картошка»... Ну, далъ трешницу, уѣхала... Вотъ, парень, суди да понимай.

Докторъ досадливо поскребъ по щекѣ.

II.

Ужъ не казалась красивою вешняя ночь. Отъ криковъ птицы дергало въ ухѣ. Съ крыльца противно несло олифой, а Большая Медвѣдица казалась глупой.

— Спать что ли,—раздражительно сказалъ докторъ,

вставая. Но какъ разъ въ это время, слѣва, изъ слѣпящей темноты, раздался пронзительный женскій крикъ.

— Ну, что еще?—нервно пробормоталъ онъ, и его доброе лицо стянуло отъ злости.—Чего галдятъ? Что еще?—Озлобленно онъ задергалъ звонокъ въ сторожку.

Со двора слышалось приближающееся сипѣнье сторожа Кузумы.

— Нѣтъ, хлюсть, не вырывайся,—скрипѣлъ онъ, видимо подтаскивая кого-то къ крыльцу докторскаго дома.—Коли безчинствуешь по ночамъ, пожалуй къ его благородію на излѣченіе. Не вырывайся, все равно убью, извини.

Вмѣстѣ съ Васильевымъ раздраженно поднялся и Чуринъ. Ему стало тошно отъ рассказаннаго докторомъ, и внезапные крики еще увеличивали непріятное чувство.

— Ваше докторское благородіе,—докладывалъ Кузьма, держа за шиворотъ тощаго сутулаго человѣка въ рваномъ пиджакѣ.—Опять этотъ «типъ» пожаловали. Не вращайся, все равно убью, милый человѣкъ: просто поблагодаришь.

— Кто пожаловалъ?—недоумѣло спросилъ Чуринъ, приближаясь къ доктору.

— Да этотъ—Смычкинъ... здѣсь зовутъ его «типомъ»... Сумасшедшій,—негромко добавилъ Васильевъ и подошелъ къ фонарю.

На обоихъ робко и сконфуженно уставилось сухое, тонкое привлекательное лицо съ свѣтлыми застѣнчивыми, словно дѣтскими глазами. Лицо это и улыбнулось застѣнчиво, тоже словно по-дѣтски. Покатыя плечи двинулись.

— Ба, Петра Иванычъ,—добродушно сказалъ докторъ и, вскинувъ голову, засмѣялся.—Съ чего это, разбойникъ, ночью-то пожаловалъ?

— Пе...ревязочку, ваше благородіе,—робко заговорилъ Смычкинъ и подвигалъ плечами.—Перевязочку сдѣлать,—ишь... рука.

Онъ протянулъ трясущуюся лѣвую руку, на большомъ пальцѣ которой болталась грязная тряпка, и замигалъ глазами.

— Такъ ты, дружище Смычкинъ, приходи утромъ... —Докторъ присѣлъ на крыльцо.—Потому кто жъ теперь перевязки дѣлаетъ, ночью-то? Ты самъ посуди, ты понимаешь, теперь ночь, всѣ спать должны, а не руки перевязывать.

— Но-очь?—недовѣрчиво переспросилъ больной и опять улыбнулся робко и привлекательно. Тутъ же застѣнчиво и осторожно онъ покосился на сидѣвшаго подлѣ доктора Чурина.—Не насчетъ перевязки, ваше благородіе: въ госпиталѣ Анна Васильевна лежатъ,—добавилъ онъ притаеннымъ голосомъ и двинулъ рукой, и тутъ Чуринъ увидѣлъ зажатую въ ней охалку полевыхъ цвѣтовъ.

— Да ты, Петръ Ивановичъ, и съ букетомъ?—спросилъ докторъ и опять засмѣялся, вскинувъ голову.—Ну, ну, быть такъ. Какъ, значить, утро подойдетъ, да откроютъ больницу, тогда и приходи.

— Па...пиросочку бы...—по-дѣтски улыбнувшись, проговорилъ Смычкинъ и боязливо заморгалъ.—Потому съ самага утра...

— Папироску? Возьми.—Докторъ съ готовностью постучалъ ею по крышкѣ портсигара и закуривъ подалъ Смычкину.—Ну, до завтра.

Не спѣша, мурлыча и позѣывая, запиралъ онъ калитку, а Чурина ужъ совсѣмъ не хотѣлось спать. Странное лицо больного, подергиваніе плечъ, робкій взглядъ словно ребяческихъ глазъ, «перевязочка», и папироска,

Анна Васильевна и букетъ, все это стояло надъ его душою, и какъ только на дорогѣ стихли шаги Смычкина, онъ лихорадочно быстро повернулся къ пріятелю:

— Да что это такое, Андрей Львовичъ?

— Такъ, братъ, тоже штукавина,—лѣниво отвѣчалъ докторъ, все чаще и чаще зѣвая.—Слесарь это, зовутъ его у насъ почему-то «типомъ»... Служилъ тутъ при станціи... и парень безобидный... Вообще, исторія,—заключилъ онъ уже съ рѣшительнымъ намѣреніемъ идти спать.

III.

— Да нѣтъ, другъ, подожди,—безпокойно заговорилъ Чуринъ и самъ подивился своему волненію.—Ты подожди, это не только «при станціи» и «безобидный»: при чемъ тутъ букетъ, и Анна Васильевна, и его болѣзнь, ты вотъ что мнѣ скажи.

Докторъ, уже явно досадуя на пріятеля, поскребъ себѣ ногтями щеки.

— Да что тутъ рассказывать...—Голосъ его звучалъ тихо и равнодушно.—Кто жъ это расскажетъ въ точности, какъ и что... Какая-то, друже, романтика... а у меня, вишь, ежедневно полсотни мужиковъ.

— Ну, а Анна Васильевна?—торопливо спрашивалъ Чуринъ, боясь, что вотъ-вотъ докторъ растянется на крыльцѣ пластомъ и захрапить.—Откуда эта самая Анна Васильевна-то взялась?

— А Анна Васильевна—это миеъ, легенда...—засыпая, бормоталъ докторъ.—Не вѣрю я въ эту Анну Васильевну... а вотъ жена говоритъ, что была Анна Васильевна учительницей, что онъ, слесарь, былъ въ нее,

ну, какъ разсказываютъ эти женщины, влюбленъ, что была она этакая... идейная, и хотѣла будто выйти за него замужъ, а сама померла. Только и всего, а подробности, братъ, женщины разсказываютъ. Онъ это умѣютъ, то-есть, прилгнуть...

— Значить, у тебя въ больницѣ никакой Анны Васильевны и нѣтъ?—съ волненіемъ переспросилъ Чуринъ.—И онъ ходитъ сюда, и вы ему объясняете, что она жива, и...

— Говорю тебѣ: миеъ,—уже во снѣ пробормоталъ докторъ.

Прислонясь головою къ периламъ крыльца, онъ уже спалъ, какъ только можетъ спать принимающій ежедневно пятьдесятъ мужиковъ.

— Тоже, идейные люди,—ворчалъ Чуринъ, недоброжелательно косясь на пріятеля и потирая шрамъ на лбу.—Цивилизація и гуманность, а этакое равнодушіе. Хоть бы записывалъ да въ газеты посылалъ, чортъ. Россія, нечего сказать. Да будь я писателемъ, такъ бы на порогъ больницы съ чернилами и сидѣлъ. Вотъ она, Русь-то: въ больницахъ, батенька... Не та, что въ Нісе'ахъ да въ ресторанахъ, а подлинная, съ навозцемъ на мозгахъ, да съ «миоомъ» Анной Васильевной...

Точно призывая кого-то къ отвѣту, Чуринъ осмотрѣлся сердитыми глазами и внезапно на сплошномъ фонѣ ночи увидѣлъ вспыхнувшую огнемъ точку. Точка задрожала, заколебалась, заплясала въ воздухѣ, вспрыгнула выше и стала приближаться.

— Что за чертовщина,—подумалъ Чуринъ, все еще сердясь.

Но точка все надвигалась, видимо, по дорогѣ къ больницѣ, мигая и рассыпаясь иногда мельчайшими искрами.

За ней вспыхнула еще другая, попрыгала въ темнотѣ и поплыла за нею.

— Огни какіе-то... точно смола горить,—думалъ Чуринъ, и до слуха его долетѣло отдаленное пѣніе.— Бабы!—выкрикнулъ онъ съ удивленіемъ и досадой и сейчасъ же вспомнилъ, какъ рассказывалъ ему вчера о «ночныхъ погулянкахъ» Васильевъ. Пѣніе приближалось, и теперь Чуринъ понималъ, что это хороводятся дѣвки и несутъ на шестахъ зажженные свѣчи и «смолянки». Почему-то все это его сердило.

— Тоже, не спать, а завтра съ утра на картошку,—непрізненно думалъ онъ, и въ головѣ его рисовалась баба съ умирающимъ сыномъ, просившая доктора отпустить ее на картофель.

— Ну, чего воютъ? Спать надо, а онѣ шлеются... Тоже, ужъ и поютъ что-то... новое.

„И вы-молвить хо-четъ: Давай, улетимъ“...

донеслось до него уже явственно, и онъ хотѣлъ было уйти, какъ спавшій на крыльцѣ Васильевъ вскочилъ и сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Вотъ онѣ, дѣвки-то!—громко сказалъ онъ и вскинулъ голову. Сна его точно и не бывало. Могуче потянулся онъ разъ и другой, и опять трещала его рубаха.— А все мы научили!—добавилъ докторъ съ оттѣнкомъ гордости.—Во времена студенчества... Раньше бывало, только «не бѣлы снѣги», да «во-лузяхъ», а теперь—эка!.. Вотъ оно!.. Жена! Софья Кириловна! Соня! Дѣвки поютъ!..—закричалъ онъ въ окно спальни.—Эхъ, видно, ужъ не заснуть!

Онъ взглянулъ на разгоравшуюся на востокѣ полоску, и какъ только шедшія вдоль дороги дѣвки поров-

нялись съ его калтикою, грянулъ своимъ громаднымъ оглушающимъ басомъ:

„Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора!

„Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края!

„Туда, гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ да я“...

Бабы сначала взвизгнули, шарахнулись, потомъ за-смѣялись и стихли, заслушавшись: до того хорошо и крѣпко рѣзаль предразсвѣтный сумракъ громахающей басы.

„Пора, братъ, пора!

„Пора!.. Пора!

прогремѣлъ онъ подъ свѣтлѣющимъ небомъ и вдругъ, какъ бы сконфузившись своего увлеченія, двинулъ плечами и добавилъ насмѣшливой шуткою:

— Пора спать!

IV.

Онъ хлопнулъ дверью и вошелъ въ комнату, чтобы у калитки не толпились дѣвки. Тѣ постояли еще и разошлись, и тогда докторъ снова вышелъ на крыльцо къ пріятелю. Лицо его все еще выглядѣло сконфуженнымъ.

— Да, молодчинище Михайло Петровичъ,—началъ онъ, точно извиняясь, и снова пронизительный бабій визгъ перебилъ его.

— Ну, что еще!—крикнули они уже оба въ одинъ голосъ и побѣжали къ воротамъ.

Теперь, въ дымномъ сумракѣ утра, хорошо было видно, какъ среди отбѣгавшихъ дѣвокъ съ визгомъ тол-

кался сумасшедшій Смычкинъ и какъ напряженно всматривался въ каждую и потомъ срывалъ съ ихъ головъ цвѣты, пряча за пазуху. Черезъ минуту слесарь опять стоялъ передъ калиткой доктора и говорилъ ему, виновато улыбаясь:

— Пе...ревязочку, ваше благородіе.

Лицо Васильева странно поблѣднѣло и вытянулось.

— Ну, другъ, ты ужъ мнѣ надоѣлъ,—сказалъ онъ угрюмо.—Велѣлъ тебѣ: приходи утромъ... а теперь только еще два часа. Два часа!—понялъ?

И быстро зашагалъ къ себѣ въ домъ.

Теперь ужъ не было сомнѣнія, что друзья не станутъ сидѣть на крыльцѣ. И странно: Чуринъ тоже чувствовалъ раздраженіе къ вновь явившемуся Смычкину. Была такъ хороша ночь, и хорошъ былъ разсвѣтъ, и такъ славно, увѣренно прозвенѣла подъ свѣтлѣющимъ небомъ мощная пѣсня, и ужъ забывалось о землѣ, какъ снова пришелъ маленькій, дергающійся исхудалый человѣкъ и вновь напомнилъ о человѣческомъ горѣ, объ Аннѣ Васильевнѣ, ставшей милою, и о томъ, что недавно, здѣсь близко, умеръ Захарка, къ мозгу котораго Яванъ Яванычъ прикладывалъ навозъ.

Оба они ушли и сердито заснули, не раздѣваясь, на своихъ диванахъ: въ гостиной и кабинетѣ.

Когда утромъ Чуринъ проснулся, у крыльца нетерпѣливо ржали его лошади, а докторъ давно уже принималъ въ больницѣ.

— Пойду проститься съ Андреемъ въ лѣчебницу,—говорилъ онъ, откланиваясь Софѣ Кирилловнѣ, и пошелъ по двору. Мимо него скверно прогромыхала телѣга съ катавшейся на ней женщиной, у которой было такое желтое, безумно желтое искаженное лицо.

— Что такое?—спросилъ онъ у правившаго мужика.

— Чего,—надорвата!—недовольно отвѣтилъ мужикъ и задвигалъ бровями.—Потому, родить собиралась; потому страда... дни рабочіе... потому и не остереглася... Бабка велѣла крѣпкой водкой примочить.

— Что?.. Что?..—болѣзненно закричалъ Чурина, жутко разсматривая окутывавшія женщину грязныя тряпки. Лицо его свернуло, онъ двинулся было впередъ, но махнулъ рукой и спѣшно подошелъ къ своей тройкѣ.

— Крѣпкой водкой!—презрительно осклабясь, повторилъ кучеръ Харитонъ.—Нешто это полезно, которая родяща!.. Ужь и темный народъ: дураки!

Чурина вскинуло.

— Пошелъ, пошелъ, пьяница!—визгливо закричалъ онъ.

Ѣхалъ по сочному молодому полю, въ которомъ немолчно трещали кузнечики, пѣли пичужки, рѣяли ласточки, и весь дрожалъ въ отвращеніи, боли и жалости, потирая свой шрамъ на лбу.

— Вотъ, тоже «лошадь долбанула», а небось Яванъ Яванычъ навозъ не прикладывалъ...—уже злобно, издѣваясь надъ собою, бормоталъ онъ.

— Нѣтъ, ты возьми чернила, да такъ и записывай, не разгибаясь, у больницъ.

Распухалъ отъ нелѣпыхъ и злыхъ мыслей. Давило подъ ложечкой. Бѣсился на себя и всѣхъ,—и не зналъ, что дѣлать.

Попадались по дорогѣ избы,—казались противными; встрѣчались мужики,—казались противными; нельзя было безъ непріятнаго чувства смотрѣть на вставшую на пути старую, кривую, заколоченную за ветхостью церковь.

— Ну, тоже,—яростно думалъ онъ, посматривая на спину кучера, который, остановивъ лошадей, усердно

крестился на выглядывавшій изъ-за заброшенной церковки новый каменный разрисованный храмъ. «Нѣтъ, ты записывай»,—нелѣпо думалъ онъ.

И опять вздрогнулъ Чуринъ: мимо него проскользнула утлая, рваная фигура съ робкимъ, словно кривымъ, трепетно улыбающимся лицомъ. Вильнула въ воздухъ, взмахнула руками, какъ ворона крыльями, и исчезла за косогоромъ.

— «Типъ!»—насмѣшливо буркнулъ Харитонъ.— Ишь, по могилкамъ ходить, паршивый чортъ, а чего понимаетъ?

— Пшелъ!.. Остановился?!—бѣшено заревѣлъ на кучера Чуринъ и сейчасъ же схватилъ его за спину.— Говорю, подожди, подлецъ.

Кривой походкой, точно прыгая на одной ногѣ, съ странной затаенной мыслью что-то найти, заковылялъ по кладбищу Чуринъ и остановился, и сердце его забилось подъ горломъ: на кривомъ потемнѣвшемъ березовомъ крестѣ висѣли кучи старыхъ и свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ, связки ленточекъ и бусъ, золотыя бумажки, а подъ ними виднѣлась латунная дощечка съ искусно выпиленной безграмотной надписью:

«Аннѣ Васильевной».

— Вотъ тебѣ и «миѣ»,—еле раздвигая губы, пробормоталъ онъ.—Вотъ она и любовь... Любовь какая жуткая... Любовь безумная,—что?

Вздрогнулъ, сердито покраснѣлъ, развелъ руками, побрелъ прочь и, жалко усѣвшись въ экипажъ, поднялъ воротникъ пальто, хотя было совсѣмъ не холодно.

РЕВИЗІЯ.

I.

Неохотно собирался о. Іоанникій изъ своего насиженнаго городского гнѣзда на ревизію въ деревню. «Охъ, ужъ этотъ мнѣ владыка, непремѣнно придумаютъ»,— ворчливо бормоталъ онъ и ежился, дергая свою сѣдую, точно выщипанную бородку.

— Седьмой десятокъ, ревматизма и всякія немощи, а имъ развѣ вѣдомо? Садись да поѣзжай.

И какъ на грѣхъ экипажъ оказался тряскимъ и валкимъ. Конечно, въ сараяхъ о. Іоанникія стоялъ и дорогой крытый рессорный тарантасъ, но развѣ въ тарантасѣ наѣздишься? По проселочнымъ-то дорогамъ? На девяносто верстъ?

По давней своей скупости благочинный не захотѣлъ «портить» дорогого «фаэтона», а приказалъ заложить плетеную бричку, въ которой ѣзживалъ лишь въ городѣ

на Толкучій рынокъ по огурцы. Ужъ давнымъ-давно отслужила свои дни эта таратайка: помнила она о. Иоанникія еще семинаристомъ—ѣзживала въ ней блаженной памяти теща, да батюшка—попъ, отецъ Антимонъ, грузный, пыхтяцій, выбившійся изъ псаломщиковъ, ломавшій руками оглобли.

Умерла отъ чахотки матушка, жена о. Иоанникія, маленькая, вѣчно вздыхавшая женщина, которую въ домѣ называли цесарочкой; померъ по дорогѣ изъ города въ этой бричкѣ и самъ попъ Антимонъ, померъ «отъ разрыва сердца и лихорадки», какъ проставили въ метрикѣ, а бричка все служила и служила.

— Да и еще послужить,—сказалъ о. Иоанникій кучеру Семену, когда они выѣхали за городъ. Сказалъ это онъ сгоряча, потому что какъ только выбрались изъ «форштадта», плетушка застонала на первой же рытвинѣ. Можетъ быть, и веревки подгнили и размотались, только качало бричку въ колеяхъ такъ, что сразу «застрѣляла ревматизма», и о. Иоанникій началъ ворчать.

Былъ недоволенъ внезапной поѣздкой и Семень. Болѣе пятнадцати лѣтъ не назначался о. Иоанникій въ ревизию, и столько же лѣтъ Семень вползалъ на козлы исключительно «по огурцы». Мѣстечко у него за кухонной печью было укромное,—онъ да тараканы, больше никого; понятно, не хотѣлось мѣнять его на сидѣнье на козлахъ. «Все это фанаберика!»—несовсѣмъ понятно объявилъ онъ въ день отъѣзда на кухню.

Но не хотѣлось поѣздки и третьему: чалому коню Отборному, который тоже привыкъ бродить только по городу и пятнадцать лѣтъ мечталъ лишь о молодости за овсомъ. Всѣ трое были недовольны, и, однако, надо было ѣхать: предстояло непріятное дѣло—ревизія Андроніевской церкви, гдѣ вотъ уже седьмой разъ возникали

жалобы на мѣстнаго попа Потапія. «Незаконныя бракосочетанія»,—вотъ что ставилось Потапію въ вину. Попу грозили, укоряли, дѣлали выговоры,—а нѣтъ-нѣтъ, и вновь присылался доносъ о свершеніи тайнаго брака.—Этакій попъ, этакій попъ непокорный!—сказаль про него и владыка.—Ты разъясни ему въ послѣднее: чтобъ не было сего,—иначе—вонъ!

Съ этимъ «разъясненіемъ» и ѣхаль за девяносто версть о. Іоанникій. Собственно говоря, ему было все равно, кого тамъ въ этакой глуши перевѣнчаль потаенно попъ Потапъ; но сердиться приходилось уже потому, что послали на разслѣдованіе его, о. Іоанникія; потому, что бричка трясла, и пыль вѣяла, и потому, наконецъ, что ему, благочинному, уже за шестьдесятъ лѣтъ.

— Тоже, и владыка не разсудили. Ужели я гимназистъ, чтобъ скакать?—ворчаль о. Іоанникій и раздраженно думаль теперь уже о самомъ архіереѣ, припоминаль его пухлое красивое лицо съ круглыми какъ яблоки розовыми щеками, золотые, строго блестящія очки на «пронзительномъ носу», и покачиваль головою.

«Вотъ самъ бы и прокатился: кости молодыя, и отстрастки было бы»...

— Много ли отѣхали, Симеоній?—спросиль онъ кучера, когда передъ глазами его завертѣла крыльями мельница.

— Чего, много?—Кучеръ сердито повернулся.

— Далеко ли, говорю, отѣхали?

— Чего, далеко: осьмую версту!—злбно прокричаль Семень и широко раскрыль свой кривой вороній ротъ.— Нешто на этакомъ-то одрѣ скоро доѣдешь?

— Значить, еще восемьдесятъ двѣ версты?

— Ужъ стало быть, что и восемьдесятъ двѣ,—отвѣтилъ кучеръ.

II.

Идетъ дальше среди пыли благочинный, держитъ въ рукахъ больную ногу, чтобъ не ушибить, и думаетъ:

— Да, вотъ тоже: вѣнчать противу закона... И это порядокъ? Для чего установленъ законъ?—для того, чтобъ его соблюдать. Законъ все разсудилъ, кого можно, а кого нельзя. А ежели ты противъ закону, стало быть, ты и есть бунтарь.

Обивка брички,—когда-то коврикъ съ розовыми цвѣтами,—давно позасалились, и нынѣ ужъ не цвѣты, а одни лохмотья.—«Пожалуй, на девяносто-то верстъ слѣдовало поѣхать въ фэтонъ»,—говоритъ себѣ о. Іоанникій и считаетъ: «Сколько годовъ ѣзжу въ бричкѣ-то...—Да, стара, стара»...—Склоняется къ козламъ,—вся кожа потрескалась, желѣзки заржавѣли, кузовокъ покосился.—Только протянулъ ногу—и разбилъ посудинку. Угораздило же кухарку сунуть въ экое мѣсто бутылъ съ молокомъ!

Смотритъ о. Іоанникій, какъ впитывается молоко въ его рясу, а двинуться лѣнь. «Кухарка—дура. Въ экое мѣсто!»—лѣнливо думаетъ онъ. И то сказать: жара, въ глазахъ рябитъ отъ солнца, пыль кружится бѣлая, западая въ рукава. «Тотъ вѣнчаетъ противу закону, а я долженъ пылиться и разбирать».

На мгновенье лѣнливо сощуренный глазъ останавливается, точно зацѣпившись на чемъ-то красномъ. Раскрываетъ шире старческія вѣки о. Іоанникій, смотритъ: розанъ точно расцвѣлъ въ плетущкѣ; это отъ обивки розанъ, отмыло ли его молокомъ или что иначе, только уцѣлѣлъ этотъ вытканый на коврикѣ цвѣтникъ и, странно сказать, что-то напоминаетъ.

Жарко, дѣлать нечего, мозги солнцемъ топить, развѣ не все равно, на что глядѣть, о чемъ думать. Вотъ и этотъ розанъ. Какъ онъ уцѣлѣлъ, когда все постерлось! Странно, а знакомый цвѣтокъ, точно лишь вчера его видѣлъ.

Слабѣющимъ усилиемъ напрягаетъ благочинный память и робко вздрагиваетъ, откачнувшись къ кузову. Вѣдь на этотъ розанъ смотрѣлъ онъ, когда ѣхалъ съ Агніей въ этой таратайкѣ на свадьбу, на свою собственную свадьбу въ деревнѣ Скрыдловой; оба они смотрѣли тогда на ярко-вытканый розанъ, смотрѣли и улыбались; обоимъ имъ было по девятнадцати лѣтъ, и они чуть не повѣнчались тайно, противъ воли отца!

— Да, вонъ,—всякое бывало!—въ тревожномъ удивленіи говорить вслухъ себѣ о. Іоанникій и добавляетъ тутъ же, строго поджимая губы.—Да, но вѣдь и отецъ былъ суровѣйшій: оглобли ломалъ.

— Тоже, цесарочка!—продолжаетъ онъ думать далѣе.—И то сказать, правильно назвали: личико было махонькое, съ кулачекъ, носикъ востренькій, голосокъ тонкій... и наряжаться любила во все пестренькое. Бывало, первое-то время съ нарядами этими туго приходилось, а какъ отказать?

— Любящая была, любезная...—Щурятся выцвѣтшіе глаза благочиннаго.—Какой былъ въ домѣ порядокъ, пока жила. Тоже вотъ, не хотѣлъ отецъ принимать: безприданница; мѣтилъ женить сына на вдовѣ трактирщика,—а они сговорились да убѣждали. Испугался сраму попъ Антимонъ—изъявилъ согласіе... Столько труда было, а недолго пожила: семь годковъ, а тамъ отъ брюшного тифа и скончалась...—Моргаютъ глаза о. Іоанникія:—Скоро ли, Симеоній?

Смотрить: Симеоній ѣдетъ по селу, и ему, о. бла-

гочинному, кланяются и киваютъ. Пятнадцать лѣтъ не былъ о. Іоанникій, а сразу припомнилъ: село Рождественское, вотъ за мостомъ и дворъ постоялый, а къ попу здѣшнему не заѣзжаетъ: недруги, одно время оба на благочинію мѣтили, да одержалъ вверхъ онъ, о. Іоанникій.—Къ Тимофѣю Сударчикову, Семень!

Угрюмо киваетъ головою кучерь: ему ли не знать? Вотъ ворота, и на шестѣ пучекъ соломы, собака лаеетъ пучеглазая, дожидается у калитки скотница Федосея,—ничуть не измѣнилась, только глаза стали словно злѣе.—Здравъ буди, Сударчиковъ Тимофѣй!

Раздавая направо и налево благословенія, идетъ о. Іоанникій въ чистую горницу. Будто самъ собою является самоваръ, жирныя лепешки съ творогомъ словно улыбаются благочинному; съ почтеніемъ становится у дверного косяка Тимофѣей Сударчиковъ и подобострастно слушаетъ: каковыя планы въ семь году имѣетъ владыка и не намѣренъ ли онъ свою «паству онную» посѣтить. Охотно рассказываетъ о планахъ епархіальныхъ о. Іоанникій. Онъ чувствуетъ себя власть имущимъ, краснорѣчивымъ и строгимъ. Вотъ бы теперь бунтующаго попа Потапія представить: показалъ бы благочинный, какъ незаконные браки утверждать.

III.

Палитъ солнце, клубится пыль, и снова дальше ѣдетъ о. Іоанникій. Уже двѣ станціи миновали. На обѣихъ чаи да лепешки, давить подъ ложечкой, въ сонъ клонить, и уже не такъ ощущается тряска экипажа. Вотъ и солнце стало багровѣть; вѣетъ свѣжій вѣтеръ,

кланяются о. благочинному деревья, какъ послушные причетники и дьячки. Солнце уже присѣло надъ горою; свѣжѣть; о. Іоанникій натягиваетъ ватную ряску. Утомленіе и апатія охватываютъ его; теперь уже все равно ѣхать—недѣлю и мѣсяцъ. Однако, Отборный совсѣмъ не одеръ, какъ Семень указывалъ: шестьдесятъ верстъ отмахалъ своей дряблой рысью, и ни въ одномъ глазу; впрочемъ, и такъ сказать: въ о. Іоанникіи да въ Семенѣ не больше семи пудовъ.

— Гдѣ же мы, сынъ, переночуемъ?—спрашиваетъ кучера благочинный, ежась въ ватничкѣ.

— Да думаю,—къ солдаткѣ Назарыхѣ заѣхать. Хорошая солдатка, и шти у ней вкусныя,—говоритъ Семень.

Равнодушно машетъ сухой ручкой о. Іоанникій. Къ солдаткѣ, такъ къ солдаткѣ, а насчетъ щей—у него и безъ того подъ ложечкой трудно. Вотъ переночевать бы, да съ утречкомъ пораньше въ Андроньевку и нагрянуть.

Уже совсѣмъ раскиспій, подѣзжаетъ къ дому Назарыхи благочинный; лѣнливо благословляетъ десница: «Шестьдесятъ третій пошелъ»,—хочется сказать ему собравшейся «оравѣ», да нельзя отказаться отъ лепешекъ и самовара: за что солдатку обижать.

Устало заводитъ ключемъ свои старомодные серебряные часики. Девять, десятый, а народъ все толпится въ избѣ, все глазѣть,—какъ-то неловко ему, священнику, передъ всѣми ноги протянуть.

— Ужъ умаялся я, умаялся,—негромко говоритъ онъ Семену.—Симеоній, скажи имъ, удалились чтобы. Время пристойное.

— Пошлите, пошлите отселева, попь умаялся!—свирѣпо разѣвая свой кривой ротъ, кричитъ Симеоній.

Бабы уходятъ первыя, за ними мужики, дѣтишекъ же удалить нетрудно: пары двѣ шлепковъ.

— Коня накормилъ ли? Напоенъ ли?—заботливымъ голосомъ освѣдомляется о. Іоанникій, снимая рясу. Остается онъ въ длинныхъ лиловыхъ штанахъ и рубахѣ, и Семень поглядываетъ на него въ изумленіи, точно никогда не видывалъ онъ такихъ штановъ на попѣ.

— «Напоенъ!..» Нешто я не понимаю,—обиженно отвѣчаетъ тотъ и скребетъ пятернею затылокъ.—Фанаберика, тоже!—Видно, это его любимое слово.

На своемъ ватномъ рясникѣ укладывается о. Іоанникій, и сейчасъ же тучами сбѣгаютъ на него тараканы и клопы. Вздыхаетъ, покорно поворачиваясь. Этого не избѣжишь. Судьба. «Планида такая»,—какъ говоритъ Симеоній. Главное, завтра утречкомъ встать пораньше да Потапія прожучить. Онъ тамъ браки устраиваетъ, а его, благочиннаго, клопы ѣдятъ.

Стараясь не двигаться, не поддаваться унынію, думаетъ на своемъ ватничкѣ о. Іоанникій. Потапія онъ плохо припоминаетъ. Было здѣсь въ округѣ два похожихъ попа: Потапій и Алексій. Постоянно ихъ путалъ о. благочинный. Оба были грузные, громогласные, съ мозолистыми руками; бывало, войдутъ въ консисторію,—кониной отъ нихъ и дегтемъ. «Крѣпкій духъ шелъ»,—говаривалъ даже и преосвященный. Да и то сказать: черна жизнь поповья въ захолустѣ, охъ, черна.

Вотъ его, о. Іоанникія, жизнь была куда свѣтлѣе. Ему везло. Правда, матушка его умерла, цесарочка,—но владыка на виду его держали; въ видѣ утѣшенія и въ городъ перевели, недолго въ трущобахъ довелось помаяться. А въ городу жизнь свѣтлая, спокойная. Мощенныя улицы, фонари горятъ, паства все больше толковая, благолѣпіе наблюдаетъ... Развѣ можно жизнь де-

ревенскую сравнить съ городской? Это только, когда была жива цесарочка, и въ селѣ было, какъ въ раю, а цесарочка померла...

IV.

— Цесарочка!..—Снова поворачивается на скамьѣ благочинный.—Быль домикъ съ розовыми ставнями, занавѣски на окнахъ висѣли, чижи возились въ каморочкахъ; стояла даже,—странно сказать,—фисгармонія.

И пѣла цесарочка разное. Бывало, слушаетъ, слушаетъ о. Іоанникій, потомъ самъ подойдет и теноркомъ: «среди доли-и-ны ровныя»... Эхъ, хорошо.

Голосокъ у Агніи былъ маленькій, но свѣжій и невинный. Что грѣха таить: у самого Іоанникія голоса не было,—еще въ семинаріи звали пиголицей,—но можно было временами войти въ тонъ, и дуэтъ выходилъ не плохо. «Одинъ, одинъ, единственный, какъ рекрутъ на часахъ»... Хорошо выходило у нихъ это, а не зналъ онъ и не догадывался, что останется однимъ-единственнымъ, какъ на часахъ рекрутъ... Судьба. Опреждѣленіе. Примирился.

Померла цесарочка,—началъ о. Іоанникій грѣшить. Пить началъ; бывало, до утра въ лѣсу валяется. Вотъ, и ревматизма отъ того началась. Да, пѣла разное и хорошее, а потомъ умерла. Для чего-то женились, бѣжать собирались, плакали. А въ итогѣ—померла. Не стоило, значить, ни жениться, ни плакать.

Поворачивается на другой бокъ о. Іоанникій, а клопы все ползутъ, все кусаютъ съ остервенѣніемъ, потому что новенькій. А чего кусать, когда благочинному шестьдесятъ два,—какая это кровь: кусать надо молодыхъ.

Мысли какія-то глупыя заносятся въ голову. Скачутъ

мысли, какъ тараканы по потолку, и все вразбродъ. То о цесарочкѣ, то о попѣ Потапѣ, то о клопахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой же это Потапѣ? Повыше или пониже? Алексѣй словно тотъ, который на дьякона жаловался. «Забижаетъ меня дьяконъ, потому что хитеръ». — говорилъ кто-то изъ нихъ. — «Бывало, хлѣбцы оставишь со всеюнощной, а утромъ пришелъ — нѣтъ. Куда дѣвались хлѣбцы? — А дьяконъ отвѣчаетъ: «я потребилъ»... Вотъ съ какими пустяками являются въ консисторію. Неужели это Потапѣ жаловался?

Скучно. Мухи бьются о стекла, ошалѣлыя. Собака лаетъ гдѣ-то далеко-далеко, словно за селомъ. Дерево трется при вѣтрѣ стволомъ о тесъ крыши, точно звенить. Ребенокъ плачетъ за перегородкой. Неужели у солдатки, у вдовы Назарьихи, ребенокъ? Вотъ, у о. Іоанникія никогда не было дѣтей. Странно. Тараканъ ползетъ въ самое ухо. — Ахъ, египтянинъ!

Поднимается и садится на своей лавкѣ благочинный. Владыка теперь покоятся во благолѣшии, а онъ, о. Іоанникій, долженъ бить таракановъ. И все это оттого, что попъ Потапѣ вѣнчаетъ тайнымъ образомъ. Тоже — чудно. Никакой нѣтъ связи, а всѣ три — причина.

Въ раскрытое окно тянетъ запахомъ навоза. Твердый такой, тяжкій духъ, должно быть, у Назарьихи коровы. Собака черная поднимается съ заваленки, кладетъ лапы на подоконникъ и смотритъ на благочиннаго блестящими глазами и нюхаетъ, громко поводя носомъ. Ну, что ей нужно отъ о. Іоанникія? А странно смотреть, — умно и толково, даже жутко становится, — вотъ-вотъ заговорить. Отпатывается отъ косяка благочинный. Вдругъ понюхаетъ этакъ и скажетъ: «Здравъ буди, о. Іоанникій», — что тогда?

— Все это отъ духоты, — мысли шалыя, — шепчетъ

благочинный и утираетъ потъ рукавомъ ряски.—Тоже вотъ,—звѣрь, звѣрь, а какъ смотреть. Иной человѣкъ такъ толково не смотреть, какъ этотъ песъ. А можетъ быть, люди еще того... не все понимаютъ. Можетъ, и у собаки того... тоже, душа.

Жутко становится о. Іоанникію. Отходить отъ окна, видитъ на столѣ остатки лепешки, покосился на собаку и бросаетъ. Не поворачивается песъ. Стоитъ на заднихъ лапахъ,—переднія на подоконникѣ,—и смотреть, не мигая. «Здравъ буди, о. Іоанникій!»—Ахъ, ахъ!—вскрикиваетъ благочинный и просыпается. Надъ нимъ стоитъ угрюмый Симеоній.

— Проспаль, отче!—укоризненно говорить онъ и развѣваетъ ротъ на сторону.—Бужу, бужу,—только поворачиваешься.

— «Все это отъ подложечки!»—хочется сказать благочинному, и онъ быстро поднимается. Перекусилъ лишнее,—вотъ и соблазны.

Бѣлое утро глядится въ окно. Пора ѣхать.

V.

Теперь уже совсѣмъ другая дорога; степи кончились, и по сторонамъ поднялись лѣса. Утро раннее, свѣжее, молодое; дороги лѣсныя полны колдобинъ да ямъ съ остатками осей и колесъ; трясетъ такъ, что вся спина благочиннаго въ ссадинахъ, но не сердится, а улыбается о. Іоанникій.—Ишь ты, лѣса-то, лѣса: природа!—шепчетъ онъ узкими губами, похожими на веревочки, и все гладить бородку, щура глаза.—Шутка ли, пятнадцать лѣтъ просидѣлъ въ городѣ, среди каменныхъ домовъ, а вотъ тебѣ и лѣса, и птица поетъ разное, и червя-

чокъ ползеть, и лужица въ ямкѣ свѣтится, и всякая штука. Соблазнъ есть природа, но соблазнъ Божій, не грѣховный соблазнъ, какъ въ городѣ, когда хочется все, что ни видишь, въ свой домокъ отнести. Нѣтъ, соблазнъ какой-то широкой, когда улыбаться хочется и жить подъ кустомъ, подобно звѣрю, и все отдать ближнему—и ватничекъ, и кусочекъ хлѣба,—отдать и сказать: «Иди, родненькій, радуйся и дыши».

Даже Симеоній—и тотъ какъ-будто во власти соблазна; то ли, что жары не чувствуется, то ли, что пыль прекратилась,—только сидитъ старый Симеоній выпрямившись, и не раскрывается яростно его кривой лягушечій ротъ.

— Малина цвѣтетъ, смуродина,—бормочетъ онъ невнятно и указываетъ попу кнотовищемъ.—Бывало-чи, въ деревнѣ нашей этой самой смуродины—страсть! Жена собирала, смуродиновку дѣлала: какъ бывало-чи, ни укупоришь бутылку,—такъ пульнетъ!..

— Да, благораствореніе,—умиленно соглашается и о. Іоанникій.—Ты только, сынъ, не гони и Отборнаго: дай и ему знаковъ отвѣдать,—дай, говорю!

Причавкивая, жуетъ смородинный листъ беззубый Отборный. Прикладываетъ пучочекъ листовъ къ носу и Семень.

— Духъ-то, духъ-то! Точно въ раю. И отчего это самое въ ней посажено, батюшка?—спрашиваетъ онъ.

— Премудрость!—отвѣчаетъ о. Іоанникій, строго поджимая губы.—Премудрость, она, сынъ, открыта только вѣрующему: а который безъ вѣры ученый, тотъ хоть тысячу лѣтъ сиднемъ сиди, премудрости этой не раскрыть.

— Нда, а теперь, видать, скоро и Андроньевка,—послѣ молчанія замѣчаетъ кучерь. Онъ не понялъ того,

что сказала благочинный насчетъ премудрости, и хочетъ переѣнить разговоръ.

Слово «Андроньевка» напоминаетъ о. Іоанникію про цѣль его поѣздки, про неправеднаго попа. Поджимаетъ снова губы благочинный, вынимаетъ изъ кармана гребень съ поломанными зубьями и причесывается для благолѣпія. Да, скоро судъ, надо предстать во всемъ подобіи, дѣло важное, порученіе владыкино,—это милость и гнѣвъ безъ конца.

— «Живетъ среди такого велелѣпія, а дѣла окаяныя»,—сурово онъ думаетъ про попа Потапія, а вслухъ говорить:

— Значить, скоро пребудемъ и въ Андроньевку?

— Теперя только до рѣчки Неслышной доѣхать, а за мостомъ Андроньевка. Къ самому попу такъ и заѣзжать?

— Что ты, что ты!—прерываетъ его благочинный и машетъ руками.— Нешто такъ повелѣніе владыки исполнять? Исполнять повелѣніе надо со рвеніемъ,—заѣзжай на постоялый, а тамъ, по зрѣломъ обсужденіи, все и рѣшу.

Послѣднія слова о. Іоанникій доканчиваетъ уже передъ самымъ носомъ паромщика, который снялъ шапку и проситъ благословенія.

— Это, сынъ, и есть рѣчка Неслышная?—спрашиваетъ благочинный, благословляя широкимъ крестомъ.

— Неслышная, батюшка, Неслышная,—отвѣчаетъ паромщикъ, лысый мозглявый старичокъ, и о. Іоанникій смотритъ на него въ умиленіи, переводитъ взглядъ на Семена, на машущаго хвостомъ Отборнаго и думаетъ про всѣхъ:

«Ну, какіе же мы всѣ старенькіе, какіе старенькіе!»

— Никогда не ропщи, сынъ, на премудрость!—уже

строго внушаетъ онъ паромщику, когда тотъ, поставивъ на плотъ тарантасикъ съ о. Іоанникиемъ, начинаетъ тянуть канатъ, двигая паромъ по рѣкѣ.—Живешь ты среди этакой благодати, трава всякая и цвѣты, и звѣрь, всякое дыханіе да хвалить Господа, и ты никогда не ропщи.

— Не грѣшенъ, не грѣшенъ, батюшка,—глухо шамкаетъ паромщикъ, выгибая спину надъ канатомъ. О. Іоанникій хочетъ сказать еще что-то наставительное, но глазокъ его падаетъ на порванный канатъ и ёкаетъ подъ ватничкомъ старое сердечко.

— А не порвется онъ, сынъ, а?

— Не грѣшенъ, не грѣшенъ, батюшка,—бурчить глуховатый старикъ.

— Я спрашиваю, не порвется ли?—уже возвышая голосъ, освѣдомляется благочинный. Осматриваетъ свои ссохшіеся пятнистые кулачки и думаетъ:

«Тоже, стихія... Коли канатъ оборвется, нешто бы поплылъ?»

— Нѣту, онъ крѣпкій,—успокоительно отвѣчаетъ паромщикъ.—Нонѣ и Неслышная постекла, а намедни оборвало канатъ, двистительно...

— И что же?—опасливо прерываетъ о. Іоанникій.

— Да, ништо,—принесло вонъ къ тальнику, оттуда и сгребли... Казаки помогали, базарники... Я-то чуть не потопъ... да скоро наладили.

— Премудрость!—снова не безъ строгости повторяетъ благочинный.—Сказано: ни единый волосъ...—Онъ смотритъ на лысую какъ колѣно голову перевозчика и не доканчиваетъ изреченія... Къ тому же паромъ уже присталь къ берегу, и Семень гикаетъ на Отборнаго, чтобы тотъ вывозилъ бричку. Паромщикъ помогаетъ лошади втащить тарантасикъ на горку; ухватился

костлявыми пальцами за желѣзное крыло и тянетъ за него, обливаясь потомъ и старчески дыша. Причмокиваетъ для помощи губами и о. Іоанникій; наконецъ телѣжка выбралась на дорогу, и передъ глазами поднимаются избы и амбары села Андроньевки.

Старый перевозчикъ стоитъ подлѣ брички и кланяется, отирая лысую голову. Благочинный опускаетъ сухенькую ручку въ карманы, роется въ нихъ, находитъ двѣ копейки, думаетъ нѣсколько мгновений, вынимаетъ пустую руку и снова благословляетъ.

— Господь вознаградить!

— Какъ звать-то?—добавляетъ онъ черезъ минуту, когда бричка уже отѣзжаетъ.

— Антономъ,—Антонъ Пироговъ!—шамкаетъ старикъ, поспѣвая къ экипажу.

— Рабъ Божій Антоній... я упомяну,—вдумчиво говоритъ о. благочинный.—Будь вѣренъ и кротокъ, Антоній. Симеоній, пошелъ!..

Дальше отѣзжаетъ, а на душѣ что-то смущенно. Ужъ очень онъ лысъ и старъ, и чуть не утонулъ, и кулачки, какъ рѣпки, и рубаха латаная. Тоже вотъ, перевозить... Хотя и природа, а не сладкое житье.

— Симеоній, кликни.

Снова кличетъ Симеоній, и снова подбѣгаетъ паромщикъ и старчески дышитъ у брички. Роется въ карманахъ о. Іоанникій, нащупываетъ тѣ же двѣ копейки, совсѣмъ было вынулъ, но лицо дергается, краснѣетъ, и на сморщенной ладони вдругъ появляется рубль.

— Смотри, не трать,—говоритъ благочинный сокрушеннымъ голосомъ.—Береги,—деньги не малыя, на одѣяніе смертное береги... Не пьешь ли, сынъ?—уже сурово прищурившись, освѣдомляется онъ.

Ѣдетъ по селу и, хотя на сердцѣ скребетъ, все же

улыбается.—Вотъ, Господь не обидитъ. Видѣлъ Господь смиреніе и взыскалъ. Ежели такъ разсудить, то сундучокъ-то у него, у о. Іоанникія, подъ постелью... Прикованъ сундучокъ къ полу, и ключъ въ погребѣ отъ соблазна потоплень,—только сдѣлана вверху щелка копилочная. Поди, нынѣ сундукъ-то и не поднять... Ранѣе монеты гукали, разсыпались, а теперь, когда опускаешь, только хрустѣть, приходится порою даже палочкой прочищать... Ну, и этакъ выразиться: труды многолѣтніе.

— Что же, къ постоялому?—хрипитъ надъ головою Семень.

Взрагиваетъ о. благочинный. Точно кучеръ надъ дѣломъ засталъ.

— Сказано, сынъ, къ постоялому!—недовольно замѣчаетъ онъ.—А ты переспрашиваешь. Сказано—и внимай.

VI.

Послѣ чаю, но почему-то безъ обычныхъ творожниковъ, подзываетъ къ себѣ постоялаго хозяина о. Іоанникій. Хозяинъ здѣсь молодой, малоуважительный, къ ручкѣ не подошелъ, борода бритая, называетъ благочиннаго не батюшкой, а говоритъ этакое: «г. священникъ».

О. Іоанникій приготовился было выступить съ разсужденіемъ, но посмотрѣлъ въ лицо хозяина и внезапно сконфузился, растерявъ слова. И странно,—болѣе всего почему-то смутило его, что борода у хозяина была бритая.

«Твой постоялый-то?»—хотѣлъ было спросить онъ, но спросилъ: «вашъ ли», и сконфузился еще болѣе и неодобрительно крякнулъ.

— Нашъ, сами и держимъ,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Какъ звать-то?

— Иваномъ Ильичемъ.

Тоже вотъ: «Ильичъ» прибавляетъ. Другой бы никто не рѣшился передъ священникомъ прибавить, а этотъ стоитъ спокойно, строго, выжидательно. Помялся о. Іоанникій.

— Такъ... Значить, Іоаннъ, рабъ Божій...—началь онъ, но хозяинъ прервалъ его дѣловымъ вопросомъ:

— Можетъ быть, еще чего желаете, г. священникъ?

«Да не смѣй ты называть меня священникомъ!»—захотѣлось крикнуть о. Іоанникію, но онъ не крикнулъ и, чтобы не сказать лишняго, сталъ дрожащей рукою гладить себѣ сѣденькую бородку. Губы его одеревянѣли, спазма сдавила горло, и чтобы еще разъ попытаться поднять свое значеніе, сталъ благочинный объяснять:

— Видишь ли, сынъ... видите ли... состою я членомъ консисторіи...—Поглядѣлъ: каково на лицѣ отразилось? Ничего,—стоитъ себѣ, какъ идолъ деревянный.—И близокъ съ самимъ владыкою!—пискнулъ въ отчаяннн о. Іоанникій и обиженно заморгаль. Стоит, какъ пень, и стоит.—Я, видите ли, на ревизію...—уже упавшимъ голосомъ добавилъ онъ.

— А отъ насъ вамъ ничего не требуется?—словно вызывающе спросилъ хозяинъ, явно ударяя на словахъ «отъ насъ».

— Нѣтъ, именно... я и хотѣлъ сказать, именно...—заторопился о. Іоанникій и заерзалъ на стулѣ.—Именно васъ-то я и хотѣлъ спросить...—Почувствовалъ, что все говорить «именно», ухватился безпомощно за скатерку, свалилъ на колѣна стаканъ съ чаемъ и чуть не заплакалъ обиженно-старческими слезами.—Именно, я и хотѣлъ спросить, довольны ли вы вашимъ... священнослужителемъ?

— Иванъ Ильичъ!—крикнули со двора ломанымъ языкомъ. Въ окнѣ появилась черномазая женщина лѣтъ тридцати, пухлая, глазастая, съ яркими губами.—Тамъ овесъ привезли, васъ спрашиваютъ...—Искоса, съ улыбкой оглядѣла она ссохшуюся фигурку гостя и, переведя взглядъ на хозяина, облизала вишневья губы.

— Охъ!—почти страдальчески вздохнулъ уничтоженный благочинный. Оба эти, новые, молотые, почему-то уничтожали его, старенькаго. Уничтожали своей независимостью, своей манерой держаться, точно онъ, о. Іоанникій, и совсѣмъ не былъ для нихъ не только начальствомъ, но и духовнымъ отцомъ.

— И собою не то нѣмка, не то цыганка!—строго опредѣлилъ благочинный.—Можетъ быть, еще внѣ закона живутъ!—подумалъ онъ и покраснѣлъ отъ смущенія.—Ну, и молодые пошли... Ну, ну... Такъ бы взять за косы, да и...—Посмотрѣлъ на свои кулачки, похожіе на рѣпки, и подумалъ устало:

«Время ушло».

VII.

Маленькое происшествіе совсѣмъ сбило съ толку о. Іоанникія. Онъ приготовилъ цѣлыя рѣчи къ хозяину постоялаго двора, хотѣлъ сдѣлать на селѣ форменный опросъ, обслѣдованіе, выяснитъ передъ всѣми свое значеніе и силу,—и теперь все смѣшалось въ липкій блинъ, и старенькіе мозги словно вязли въ патокѣ. «Съ чего начать ревизію, что предпринять?»—тоскливо и растерянно думалъ онъ, и въ голову заплывали неуважительно равнодушныя слова хозяина и, что еще хуже, воспоминанія о вишневыхъ губахъ черномазой женщины.

— Тьфу, тьфу, тьфу!—плевался о. Іоанникій и беспомощно осматривался.—Отойди, сгинь, наважденіе,—

аминь, аминь... «Что же дѣлать, съ чего начать»,—вновь заносилось въ мозгъ, и онъ заставлялъ себя съ рукой, вцѣпившейся въ скатерть, сидящимъ на стулѣ въ оцѣпенѣніи, съ некрасиво разинутымъ ртомъ.

— Однако, народецъ... — вздыхалъ онъ. — Люди пошли, народъ... Развѣ такъ думалъ онъ о деревнѣ, когда ѣздилъ въ городѣ по огурцы. Мужики все попадались на Толкучкѣ уважительные, проявляли «по священству» всяческій почетъ, подходили къ ручкѣ и все такое... Наконецъ, заѣзжалъ же онъ, о. Іоанникій, до Андроньевки на постоянные къ хозяевамъ,—отчего же этотъ такой попался? Смутьянь этакій? Невѣрующій? Живущій не по закону? Что?

— Нѣтъ, надо рѣшать,—громко сказалъ себѣ благочинный и выпрямился на стулѣ.—Надо власть показать и порученіе владыкино исполнить со тщаніемъ.

О. Іоанникій поднялся, потеръ ладони и пошелъ къ выходу, но въ сѣняхъ ему встрѣтился взбудораженный Семенъ и замахалъ руками.

— Что, Симеоній? — спросилъ благочинный упавшимъ голосомъ, и Симеоній еще больше замахалъ руками и такъ раскрылъ ротъ, что о. Іоанникій попятился.

— Хозяинъ тамъ за овесъ... впередъ денегъ требуетъ!—заоралъ онъ.

Въ былое время о. Іоанникій самъ бы заволновался, теперь же онъ только вздохнулъ, растерянно улыбнулся и покорно вынулъ кошелекъ.

— Вотъ, сынъ мой, возьми и уплати! Богъ воздастъ!

— Да какъ же, какъ же?—выпучивъ глаза, забормоталъ изумленный кучеръ, но благочинный остановилъ его примирительнымъ замѣчаніемъ:

— Будь кротокъ, Симеоній,—говорю тебѣ: будь кроткимъ,—Богъ воздастъ!—И прошелъ во дворъ.

Женщина съ вишневыми губами кормила въ лужѣ у колодца жирныхъ свиней и стояла съ высоко подобраннымъ подоломъ юбки, такъ что бѣлыя ноги виднѣлись выше колѣнъ и блестяли на солнцѣ какъ сахарныя.

— Ахъ, ахъ,—негодующе проговорилъ о. Іоанникій и, отвернувшись, засѣменилъ къ воротамъ, путаясь въ ряскѣ. Эта толстая женщина почему-то приводила его въ растерянность, и въ смущеніи своемъ благочинный только ужъ на улицѣ спохватился, что вышелъ безъ шляпы и трости. Слѣдовало вернуться, но надо было проходить по двору, гдѣ стояла та женщина съ подоткнутымъ подоломъ, и лучше было итти безъ шляпы и посоха, чѣмъ проходить мимо. Тутъ же по дорогѣ онъ нашель и хворостину, похожую на посохъ, растерянно поднялъ ее и побрель дальше. Еще онъ забылъ спросить на постояломъ, гдѣ квартира священника, но опять не вернулся, а все теряясь, побрель по направленію къ церкви, которая виднѣлась изъ-за купы расцвѣтшихъ липъ.

— Недостойно, недостойно все это,—твердилъ онъ себѣ, вздыхая впалую грудью.—Увидали бы владыка... Благочинный, награды имѣющій, извѣстная въ городѣ личность... и вдругъ...

— Да, «время ушло»,—вновь повернулось въ головѣ.

На улицѣ было пусто, и только дѣти да купавшіеся въ пыли пѣтухи разглядывали благочиннаго. Въ одной избѣ подняли было окошко, но взглянули и опустили раму снова, да такъ быстро, что о. Іоанникія это даже обидѣло. Онъ представилъ себѣ и самого себя, какъ онъ, старый, маленькій, идетъ по пыльной улицѣ межъ пѣтуховъ съ хворостиной. Безъ шляпы идетъ, въ старомъ ватничкѣ...—«Надо бы новую рясу надѣть и крестъ и

знаки!»—повернулось въ головѣ, и во второй разъ въ жизни о. Іоанникій упрекнулъ себя за скудость...—Да еще такъ ли онъ идетъ? Можетъ быть, квартира попа Потапія не у церкви, а въ другомъ мѣстѣ... Развѣ этого не бывало?

Прошли мимо два парня, пиликаая на гармоникахъ. Посмотрѣли на священника съ нѣкоторымъ вниманіемъ, но не перестали играть, даже когда мимо проходили. О. Іоанникій хотѣлъ было спросить ихъ о Потапіи, но на душу вновь нахлынуло чувство робости. «Тоже, съ гармоніей... точно праздникъ... и глаза воспаленные»...

VIII.

Сейчасъ же за церковкой шла ложбинка къ рѣчкѣ и тянулся яркій вишенный садикъ, и плетень уползалъ внизъ по косогорику, и избы отстали,—торчали лишь амбары да горженики-гумна; церковь стояла на отлетѣ, и это почему-то обрадовало благочиннаго. Потому ли, что людей не было? Потому ли, что тѣнисто было? Потому ли, что садикъ цвѣлъ?

Какъ смолкли разстроенные, словно бранные, звуки гармоники, на душѣ о. Іоанникія сдѣлалось спокойнѣе. Прежняя ровность стала появляться, опять причесалъ онъ себѣ гребнемъ волосы и оглядѣлся. «Весь въ цвѣту попь живетъ, въ тишинѣ, на волѣ,—и такія дѣла».

Дѣйствительно, много цвѣту было вокругъ; липы цвѣли и дышали надъ головою, сальвіи поднимались изъ-за плетня яркими язычками, цвѣли въ кустарникѣ и еще какія-то палки и узелки, жердочки и тычинки,—и насажалъ же попь Потапій цвѣту,—точно съ ума сошелъ.

Скоро на дорогѣ совсѣмъ затѣнило,—до того лѣсокъ сталъ густымъ и тѣснымъ; дорога все бѣжала въ низа

и вилась межъ кустами какъ черная суконочка али половичекъ; и все-то было зелено, ухожено и нарядно, точно не попь, а садовникъ жилъ въ лѣсу, между липъ.

Заскрипѣло гдѣ-то въ овражкѣ, показалась лошадь при телѣгѣ, вся чалая какъ Отборный, съ распухшими боками. «Жеребая!»—сказалъ себѣ о. Іоанникій, а на него наскочилъ еще чалый жеребчикъ, года въ полтора, съ глухой мохнатой мордой и костлявыми ногами; положилъ морду на плечо благочинному и заржалъ во весь ротъ, прямо въ ухо.

— Ахъ, оглашенный!—крикнулъ о. Іоанникій и попытлся. Бабочка засмѣялась, сидѣвшая на телѣгѣ въ желтомъ платочкѣ; хотѣлъ было разсердиться благочинный, да взглянулъ въ орѣховые глаза бабочкѣ—и разсердиться не могъ. Чистенькая такая и желтая, какъ лисичка; зубы мелкіе и острые, совсѣмъ лисьи; странно,—потянулся глазъ у о. Іоанникія посмотреть: не открыта ли и у этой нога? Нѣтъ, была видна лишь загорѣлая пятка, и умиллся благочинный, и вздохнулъ почему-то, и спросилъ:

— Этой дорогой я иду къ попу Потапію, красавица, а?

— Къ батюшкѣ Потапію?—съ какой-то ласковостью переспросила баба и платокъ оправила.—Эта самая дорога, тамъ у пасѣки, въ лѣску.

Указала вдаль милымъ тонкимъ какъ палочка загорѣлымъ пальцемъ, и ушко загорѣлое, словно сухарикъ, изъ-подъ платка глянуло. Покрутилъ головой благочинный: почему такъ ласково о Потапіи говорить?—и подумалъ: «навѣрное тоже... обвѣнчалъ,—незаконная!»—«Замужемъ», что ли?—хотѣлъ спросить онъ, но на томъ же пальцѣ увидалъ серебряное обручальное колечко и потрясъ головой и сказалъ себѣ:

— Ужь, конечно, замужемъ, и окрутилъ потаенно,— ахъ, и пошь же негодный, погоди!

Дальше побрелъ, идетъ, стучить хворостиной, все поща пробираетъ, и вдругъ обернулся: ткнули его въ спину,—смотреть, этотъ же жеребенокъ мордастый пихнулся мордою и стоитъ, глядя круглыми глазами въ упоръ.

— Ахъ, ты, поганище!—закричалъ на него благочинный и хлопнулъ локтемъ по переносицѣ. Повернулся жеребенокъ и убѣжалъ. Идетъ дальше благочинный, спину потираетъ и все бранить Потапія поща. Ишь, тоже пасѣку завелъ. И пчеловодъ, и садоводъ, и всякая штука,—только священства не имѣется,—погоди...

IX.

На пасѣкѣ пахло липами такъ, что въ груди щеко-тало. Крыша виднѣлась соломенная изъ-за яблонекъ, прогнившая, бурая. «Вмѣсто того, чтобы цвѣты рассаживать, лучше бы крышу починилъ». Яблони растутъ такъ тѣсно, что не видно стѣнъ; къ тому же и плетень мѣшаетъ поглядѣть. Низокъ ростомъ о. Іоанникій, не даромъ въ юности пиголкой обзывали,—но для чего поща Потапію такой высокій плетень, иначе какъ дѣла незаконныя укрывать.

Остановился подъ липкою благочинный. Влѣво старая церковка высится, не церковь, можно сказать, а какой-то цвѣтникъ, садоводство или оранжерея, что-то неподходящее, и кресты кладбища словно не скорбятъ, а улыбаются, а сама церковь такая ветхая, такая сѣденькая, ну, какъ вотъ самъ онъ, о. Іоанникій,—и такъ же

крестъ на ней покосился, какъ у о. благочиннаго плечо «отъ консисторскихъ бумагъ».

Въ городу стоять церкви строія и богатыя; все на нихъ чисто и прибрано, и золото горитъ, и штукатурка блистаетъ, и рѣшетки; а нѣту рѣшетки на этой церковкѣ, точно и драгоцѣнностей она не имѣетъ, чтобы ихъ отъ воровъ сберегать. Просто—стоитъ хибарочка и при ней крылечко, и крышка наверху вся прогнила, и крестикъ не золоченый, а сѣренькій, древесный, пичужка сидитъ на немъ и курлыкаетъ... Нешто это церковь, домъ Господень, чтобы такъ смиренно и тихонечко стоять? Домъ Господень великъ и грозенъ, страшенъ домъ Божій, въ которомъ говорятся вѣщія слова,—а этотъ... Потапій попъ... что съ домомъ Господнимъ дѣлаетъ! Будто цвѣты и яблони первѣе, а ужъ за ними Господній домъ.

Хочетъ войти во дворъ обсуровѣвшій благочинный. Выпрямилъ спину, брови сдвинулъ, глаза сощурились и какъ жучки почернѣли. Такъ-то ты завѣты блюдешь, рабъ Потапій, рабъ нечестивый!.. Сжимаются хилые кулачки какъ желѣзные; затемнѣли щеки, сила будетъ въ словѣ разгнѣванномъ, и поразится и уничтожится неправедный попъ.

Дѣлаетъ шагъ о. Іоанникій и вздрагиваетъ и осматривается. Что это? Смѣхъ раздался? Смѣхъ звонкій, женскій, смѣхъ дѣвичій? Въ домѣ-то попа? При домѣ святительскомъ? Неужели ужъ и поцѣловались тамъ у пчельника? И голосъ мужской отвѣчаетъ, и женщина смѣется,—ахъ, грѣхи!

Точно помолодѣлъ отъ ярости старенькій благочинный. Сила взялась, сейчасъ бѣжать бы, накрыть, схватить за воротъ и сказать: «А вотъ гдѣ вы, плевелы лукавые! Что дѣлаетъ виноградаръ въ вертоградѣ своемъ?»

Береть онъ плевелы и ввергаетъ въ пещь огненную! Вотъ вы гдѣ!...»

Но хитро работаетъ насторожившійся умъ. Нѣтъ, надо не такъ. Надо все обследовать обстоятельно. Такъ, чтобы все было явно воочію, и тогда свершить праведный, немилующій судъ.

Забывъ про «ревматизму», про года «семидесятые», ложится о. Іоанникій на брюшко и приникаетъ къ травѣ. Да вотъ, такъ и поползти. Подползетъ близко, во всемъ убѣдится, все развѣдаетъ и тогда скажетъ.

Лягушечка зеленая отскакиваетъ отъ благочиннаго, точно хочетъ сказать ему: «Что ты дѣлаешь, поднимись». А о. Іоанникій ползетъ. Безшумно траву старческими ладошками отгибаетъ, не чувствуетъ боли въ ногѣ, не дышитъ и все слушаетъ: вѣрно ли ползетъ, тутъ ли калитка. «Погоди же, погоди!»—шепчетъ онъ.—«Этакое недостойное! И въ какомъ же мѣстѣ! Вотъ отчего молодежь безбожная,—это надо искоренять».

Громче дѣлаются голоса; теперь уже явно, что на кладбищѣ цѣлуются. «Ничего, еще двѣ-три липки, да кустикъ, а тамъ все будетъ узнано, все...». Такъ искусно ползетъ о. Іоанникій, точно учился этому; читалъ онъ нѣкогда въ какихъ-то книжицахъ про Америку, будто такъ индѣйцы ползали; еще въ семинаріи читалъ, когда обучался наукамъ; вотъ и ползетъ, никѣмъ не примѣченный, теперь ужъ близко, у самой ограды кладбищенской,—теперь можно и взглянуть.

Поднимаетъ о. благочинный голову и вздыхаетъ сердито: не пошъ сидитъ съ дѣвушкой, а простой,—въ желтой рубахѣ. На скамьѣ сидятъ и обнимаются; и у ней, у этой, что въ новыхъ саложкахъ козловыхъ, такая длинная черная дѣвичья коса.

Х.

— Стало быть, не попь!—говорить себѣ о. Иоанникій разочарованно.—Даромъ только по травѣ лѣзь,—попа и не видать.

Хочетъ подняться, и сердце ёкаетъ: что подумаютъ эти, двое, какъ увидятъ благочиннаго, поднимающагося изъ канавки. Что и попь Потапій подумаетъ, коли узрить? Нѣтъ, лучше полежать, пока не уйдутъ.

И не успѣваетъ онъ вздохнуть, какъ изъ церковки попь выходитъ. Въ ряскѣ бѣдной, заплатаанной, чернобородый, тучный, съ круглымъ носомъ, въ эпитрахили. Выходитъ и смѣется, здорово, по-мужицки, крѣпко и громогласно, и руками всплескиваетъ и говоритъ: «Радуйтесь! Дѣти, радуйтесь,—скоро совершу!»

Помутнѣвшими глазами вглядывается въ священника о. Иоанникій. Ну, конечно, это онъ, попь Потапій; теперь ужъ ясно, который былъ Алексій; это не Алексій, это именно Потапій; только у Потапія былъ такой мужицкій голосъ разительный, что ему всегда секретарь консисторіи замѣчалъ: «Не говорите такъ зычно, совсѣмъ невмоготу».

Только у Потапія и были эти руки заскорузлыя, пропитанныя землею, порѣзанныя и порубленные, съ отнятыми двумя пальцами; только у него и глаза блестѣли такъ живо и ярко, точно онъ былъ опьяненъ. А движеніе руки, когда сказалъ онъ этимъ: радуйтесь! Развѣ не въ этомъ движеніи былъ весь Потапій?.. Но почему онъ сказалъ: «радуйтесь»; чему должны радоваться они, двое, эти молодые, которые цѣловались? Неужели онъ будетъ совершать и надъ ними таинство брачное? Неужели и это—незаконные, убѣжавшіе? Да и какъ иначе, когда кромѣ—никого! Угрюмо сдвигаются брови благо-

чиннаго. Да, доподлинно, новое беззаконіе, новый проступокъ, размноженіе невѣрія,—этому быть долженъ конецъ.

— Смотрите, дѣти: не меня обманываете, а Бога не обмануть!—говоритъ еще громогласнѣе попъ Потапій.— Коли чисты сердца ваши, идите за мною.

Осматриваетъ испытующе, жутко-долго смотритъ обоимъ въ глаза, потомъ оборачивается и говоритъ свѣтлѣе:

— Радуйтесь!

И открываетъ въ церковку дверь.

Смотритъ о. Іоанникій блѣднѣя, уже забывши скрываться; вытянулъ шею, смотритъ,—вѣдь въ самомъ дѣлѣ обручать будетъ, теплятся въ глубинѣ храма двѣ свѣчечки, мигаютъ въ сумракѣ какъ глаза заплаканные, а попъ входитъ, и за нимъ украдкой, держась за руки, двое. — Неужели, истинно, будетъ вѣнчать?

— Безъ клира, безъ дьякона,—угрюмо шепчетъ благочинный и поднимается, держась за рѣшетку. Ломитъ ногу больную.—Вотъ когда накрыть безбожіе, вотъ когда...

Зацѣпляется ватничкомъ за гвоздикъ забора, обрываетъ небрежно, не сводя взгляда съ ушедшихъ, и все крадется вдоль изгороди, отыскивая входъ.

— Да, теперь и накрыть бы... теперь бы, во всемъ безбожіи... и положить резолюцію владыки... и прекратить...

Мимо старыхъ поломанныхъ крестиковъ пробирается къ храму, топча по дорогѣ цвѣты и натываясь на холмики. «Только бы накрыть... только бы обличить...»—потираетъ ногу ревматическую, охаетъ и кричитъ. Сѣрыя какъ веревочки сухія губы что-то шепчутъ не-

слышно, а лицо все взмокло отъ взволнованнаго напряженія, и къ рясѣ прилипли листики, но все это не важно,—только бы обличить.

ХІ.

Передъ входомъ въ церковь о. Іоанникій останавливается. Касается сморщенными пальцами впалыхъ висковъ, точно желая умѣрить горячечный бѣгъ своихъ мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, все идетъ не лѣпо, не пристойно. Да, его послали на ревизію, но ревизія должна идти по-иному. Не такъ, какъ надлежало, начато разслѣдованіе. Ревизоваль же дѣла о. благочинный ранѣе: но происходило все велелѣпно, торжественно и почтенно. Строго и пристойно велось слѣдованіе, а нынѣ...— Іоанникій снова касается висковъ руками. Точно чаважденіе затмило... по травѣ ползъ потайно, съ ногою больною; въ канавѣ лежалъ, подглядывалъ... Да увидалъ бы его пошъ Поталій... и эти бы увидали... Ужъ не уйти ли?—трусливо и растерянно заносится въ голову.— Уйти и потомъ разслѣдовать—по чину, по порядку, по священнически благолѣпно... а то...

Мощный голосъ потрясаетъ хилую церковку. Вздрагиваетъ о. благочинный и хочетъ уйти, а ноги вдругъ останавливаются какъ вкопаныя, и потомъ двинулись, но не туда, куда слѣдовало: прочь отъ церкви, а впередъ, въ темную, едва освѣщенную глубину преддверія, и о. Іоанникій входитъ и, крадучись, приникаетъ къ стѣнѣ у паникадила, и вновь потрясается, уже самъ, всѣмъ тѣломъ, отъ мощнаго, полного радости клика:

— Радуйтесь!

— И чего онъ твердитъ все это «радуйтесь!»—жиденькимъ голоскомъ говоритъ себѣ благочинный и въ

волненіи жметя.—Мало того, что вѣнчаетъ не по закону,—нарушаетъ еще правила каноническія—«Радуйтесь!» Нешто это по правилу? И кому здѣсь радоваться, когда законъ нарушается, когда беззаконіе торжествуетъ!

— «Господи Боже нашъ, отроку патріарха Авраама сшествовавый въ средорѣчіи»,—слушаетъ о. Іоанникій и самъ удивляется, словно новый смыслъ вдругъ встаетъ передъ нимъ въ стократъ говоренныхъ словахъ...— «Посылая уневѣстити господину его Исааку жену и ходатайствомъ водоношенія обручити...»—Точно тихая красота зажглась вдругъ въ церкви, при этихъ двухъ, смиренно притаившихся, въ обстановкѣ убогой!

Осматривается, прижимаясь къ паникадилу. Какъ въ церковкѣ отменно и ветхо! Вѣтви липъ совѣмъ завѣсили крошечное окно, и въ храмѣ сумрачно и утрюмо, но отчего эти двѣ желтыя свѣчки колебчныя мерцаютъ такъ благостно, такъ озаренно!

— Нѣтъ, нѣтъ, надо быть строгимъ: надо суровѣе!—утрюмо внушаетъ себѣ о. Іоанникій и смотреть.

И эти, двое, стоятъ прижавшись другъ къ другу, тонкіе и смутные какъ двѣ свѣчки; и коса ея поникла невинно и робко, почти касаясь земли. Какая маленькая она, да тонкая, и рука у ней блѣдная и крошечная, и спина узкая, непорочная, какъ... у кого? У кого была рука, блѣдная и маленькая, и шеи склоненіе тихое, какъ не у Агніи, у милой его, о. Іоанникія, цесарочки, у Агніи-цесарочки, которая прожила съ нимъ всего семь годковъ...

Волненіе необычное захватываетъ о. Іоанникія. Что, если отойти отъ стѣнки и посмотрѣть? Лицо у нея какое? Глаза какіе? Голосокъ ея услышать,—какой? Вотъ, надѣты вѣнцы на ихъ головы, и какъ цвѣтокъ бѣлый невинный стоитъ она, прощаясь съ прежней жизнью и

отдаваясь иной. Отчего за нее стало страшно о. Иоанникию? Вѣдь онъ посланъ—судить! Отчего пламя свѣчки гнется и блекнетъ? Страшно,—отчего?

— Радуйтесь!—вдругъ прерываетъ молитву пламенный голосъ, и все потрясается внутри о. Иоанникія, и, отдѣлившись отъ стѣны, онъ взглядываетъ прямо въ лицо Потапію и видитъ его напоенные радостью глаза, и внезапно начинаетъ и въ себѣ самомъ, въ себѣ, угрюмомъ и старенькомъ о. Иоанникіи, ощущать присутствіе этой громадной загадочной радости.

— Вѣдь онъ же служить совѣмъ не по канону,—еще пытается думать благочинный безкровной мыслью ума; но гнѣва нѣтъ, сердечко старое и сухое растопилось въ благодати, какъ въ мѣрѣ священномъ, и стоитъ онъ, пріѣхавшій ревизовать благочинный, съ лицомъ, смущенно порозовѣвшимъ, стоитъ и смотритъ: и ряса у попа худая, и эпитрахиль короткая, заплатанная, и носъ толстый, мужицкій,—отчего же вдругъ словно красота, словно лѣпіе нѣкое снизошло на Потапія? Отчего онъ вдругъ словно выросъ и преобразился, и осіялъ!

«Дѣлаетъ же онъ все незаконное»,—все силится внушить себѣ о. Иоанникій, но не хмурятся брови вылинявшія, точно съѣденныя молью: нарушается только правда временная, условная; а за нею высится правда вѣчная, осіянная: истина, которую нельзя нарушить ничѣмъ.

— „Самъ убо, Господи Боже нашъ, пославый истину на наслѣдіе свое, утверди обрученіе въ истинѣ и любви...“.

— Люби!..—дрогнувшимъ голосомъ повторяетъ о. Иоанникій, и точно мысль новая осѣняетъ его.— Люби!.. Вотъ чего словно бы и не доставало въ старенькомъ сердечкѣ, и вотъ именно этой-то любви такъ много было въ сердцѣ молодого попа.

— «Перстнемъ дадеся власть Иосифу въ Египтъ; перстнемъ прославися Даніиль въ странѣ вавилонстѣй, перстнемъ явися истина Фамари»,—перстнемъ многоцѣннымъ блистало въ церковкѣ и сердце Потапія!

Опламенившая сердце радость уже совсѣмъ вытѣсняетъ сопротивленіе, и когда раздается восторженное: «Исаіе, ликуй»,—и тѣ, и онъ съ ними, тучный широколицый попъ Потапій, идутъ вокругъ аналоя,—радость захватываетъ и сердце Іоаннікія, и больныя ноги хотятъ двинуться,—двинуться и итти въ томъ же кругѣ вѣчности, въ которомъ смѣна временнаго и рождаетъ вѣчность.

— Это же совсѣмъ, совсѣмъ не по канону!—еле стоя отъ волненія, шепчетъ въ послѣдній разъ о. благочинный, а тѣ все идутъ въ таинственно-вѣчномъ кругѣ, и увѣренный какъ громъ голосъ поетъ: «Исаіе, ликуй»,—и вдругъ открывается самъ собою беззубый ротъ о. Іоаннікія, и старческій голосокъ подпѣваетъ чуть слышно: «Ликуй, Исаіе!..» Отчего и риза эта, короткая и старая, отчего и лицо это грубое вдругъ измѣнились, отчего все озаренное стало?.. Не видно мозолистыхъ рукъ, широкой спутанной бороды, не видно того, что завтра будетъ всѣмъ бѣдно и трудно, и что завтра жизнь войдетъ въ свою жесткую колею: отчего же теперь такъ единственно-радостно, единственно-свято?..

— Радуйтесь!—говорить въ послѣдній разъ попъ Потапій и цѣлуетъ новобрачныхъ, и тутъ же изумленные глаза его встрѣчаются съ утлыми глазками о. Іоаннікія.

— Я привезъ вамъ, о. Потапій, благословеніе отъ владыки!—сѣдымъ утомленнымъ голоскомъ говорить благочинный и добавляетъ кротко:

— Радуйтесь, миръ вамъ.

КНИГИ Н. А. КРАШЕНИННИКОВА.

Изданія „МОСКОВСКАГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА“:

- Томъ I. МЕЧТЫ О ЖИЗНИ. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
” II. БАРЫШНИ. Романъ. Изданіе четвертое. Ц. 1 р. 25 к.
” III, СКАЗКА ЛЮБВИ. Романъ. Изданіе второе. Ц. 1 р. 25 к.
” IV. ДѢВСТВЕННОСТЬ. Романъ. Съ предисловіемъ автора. Изданіе второе. Ц. 1 р. 25 к.
” V. НЕВОЗВРАТНОЕ. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
” VI. ТѢНИ ЛЮБВИ. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.

Склады изданій: Москва, 1-Мѣщанская, д. 5, кв. 3, и С.-Петербургъ, Невскій пр. 55, кв. 14.

Изданія ЛАДЫЖНИКОВА въ Берлинѣ:

- ДѢВСТВЕННОСТЬ. Романъ. Цѣна 5 марокъ.
БАРЫШНИ. Романъ. Цѣна 3 марки.
ПЛАЧЬ РАХИЛИ. Тысячелѣтняя сказка. Цѣна 2 марки.
RAHEL'S KLAGE. Tausendjähriges Märchen. I. Ladyschnikow's Verlag, Berlin, Preis 2 Mark.
-

РАЗНЫХЪ ИЗДАТЕЛЬСТВЪ:

- ДѢТИ. Романъ. Изд. журнала „Русская Мысль“ Ц. 1 р.
УГАСАЮЩАЯ БАШКИРІЯ. Разказы. Иллюстр. Ц. 1 р.

ЭТИ КНИГИ ПРОДАЮТСЯ ПРИ СКЛАДАХЪ ИЗДАНИЙ:

- 1) въ Москвѣ, Пименовская, соб. д., контора т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о; 2) въ Петербургѣ, Фонтанка, № 117, контора т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о; 3) въ Кіевѣ, Караваевская, д. № 5, контора т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.
-

Выписывающіе изъ складовъ за пересылку не платятъ.

„Московское Книгоиздательство“

Москва, 1-я Мѣщанская, д. 5, кв. 3. Телефонъ 18-48.

Ф. 1.

Августъ 1914 г.

„ЗЕМЛЯ“.

- СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.** Леонидъ Андреевъ.—Проклятіе звѣря. Шоломъ Ашъ.—Грѣхъ. Иванъ Бунинъ.—Тѣнь птицы. Иванъ Бунинъ.—Изъ «Золотой Легенды», Генри Лонгфелло. Борисъ Зайцевъ.—Крестовый походъ дѣтей. М. Швобъ. А. Купринъ.—Суламиѣ. А. Сераимовичъ.—Дочь. А. Ѳедоровъ.—Петля, рассказъ. Стихотворенія: А. Блока, С. Городецкаго, Н. А. Морозова, Е. Тарасова, Г. Чулкова, А. Ѳедорова.
- СБОРНИКЪ ВТОРОЙ.** М. Арцыбашевъ.—Рабочій Шевыревъ. Иванъ Бунинъ.—«Небо и Земля», мистерія Байрона. Борисъ Зайцевъ.—Спокойствіе. Н. Крашенинниковъ.—Меблированные комнаты. Н. Олигеръ.—Бѣлые лепестки. А. Ѳедоровъ.—Король Мустанговъ.
- СБОРНИКЪ ТРЕТИЙ.** В. Башкинъ.—Липы шумѣли. А. Купринъ.—Яма. Н. Олигеръ.—Осенняя пѣсня. Ѳедоръ Сологубъ.—Старый домъ.
- СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ** (Освобожденъ отъ ареста). М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты, ром., ч. I. Шоломъ Ашъ.—Земля. Евгенийъ Чириковъ.—Домъ Кочергиныхъ.
- СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ** (Наложень арестъ Моск. Комит. по дѣл. печати). В. Винниченко.—Честность съ собой. Евгенийъ Чириковъ.—Лѣсные тайны.
- СБОРНИКЪ ШЕСТОЙ.** С. Юшкевичъ.—„Miserege“. И. Саць.—Музыка къ драмѣ «Miserege». А. Кипень.—Мга. Н. Крашенинниковъ.—Жизнь Игнатія Ильича. А. Купринъ.—Гранатовый браслетъ.
- СБОРНИКЪ СЕДЬМОЙ.** М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты. (Продолженіе). Д. Айзманъ.—Послѣ бури. Евгенийъ Чириковъ.—Шакалы.
- СБОРНИКЪ ВОСЬМОЙ.**—У послѣдней черты. (Окончаніе). Ѳедоръ Сологубъ.—Звѣриный бытъ. Евгенийъ Чириковъ.—Утро жизни. Саша Черный.—Первое знакомство.
- СБОРНИКЪ ДЕВЯТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Сильнѣе смерти. В. Винниченко.—На вѣсахъ жизни.
- СБОРНИКЪ ДЕСЯТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Деревянный чурбанъ.—Семень Юшкевичъ.—Вышла изъ круга. Ѳедоръ Сологубъ.—Дымъ и пепель. Романъ, ч. I.
- СБОРНИКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.** Леонидъ Андреевъ.—Профессоръ Сторицынъ. М. Арцыбашевъ.—О ревности. Ѳедоръ Сологубъ.—Дымъ и пепель. (Окончаніе).
- СБОРНИКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Мститель. Н. Крашенинниковъ.—Дѣвственность.
- СБОРНИКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Ревность (драма). Семень Юшкевичъ.—Леонъ Дрей.
- СБОРНИКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.** М. Арцыбашевъ. Рассказъ объ одной пощечинѣ В. Винниченко.—Завѣты отцовъ. Евгенийъ Чириковъ.—Гиблое мѣсто. А. Ѳедоровъ.—Арабъ.

Обложки работы И. Билибина.

Цѣна сборниковъ I-IV, VI-XIV по 1 р. 50 к. за каждый сборникъ.

Подготавливаются къ печати сборники пятнадцатый и шестнадцатый.

А. КУПРИНЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. Молохъ. Ночная смѣна. Болото. Походъ. Одиночество. Ночлеги. Лѣсная глушь. Дознаніе. Въ циркѣ. На покое.

Томъ II. Поединокъ.

Томъ III. Трусь. Мирное житіе. Корь. Жидовка. Конокрады. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Обида. Рѣка жизни. Съ улицы. Allez! Вечерній гость. Собачье счастье. Убийца. Бриллианты. Бѣлыя ночи. Пустыя дачи.

Томъ IV. Гамбринусъ. Прапорщикъ армейскій. Осенніе цвѣты. Сентиментальный романъ. На глухарей. Какъ я былъ актеромъ. Черный туманъ. Мелюзга. Изумрудъ. Наталья Давыдовна. Тость. Счастье. Демиръ Кая. Искусство.

Томъ V. На переломѣ (кадеты). Олеся. Морская болѣзнь. Суламиѣ.

Томъ VI. Во славу живымъ и умершимъ. Шутки. Очерки и рассказы.

Томъ VII. По-семейному. Леночка. Къ славы. Попрыгунья-стрекоза. Блаженный. Славянская душа. Искушеніе. Чужой хлѣбъ. Сказка. Въ трамваѣ. Лунной ночью. Бѣшеное вино. Королевскій паркъ. Счастливая карта. Психея. Первый встрѣчный. Кустъ сирени. Гранатовый браслетъ.

Томъ VIII. Брегетъ. Марианна. Капризъ. Кляча. Забытый поцѣлуй. Безуміе. Страшная минута. Картина. Аль-Исса. Въ звѣрицѣ. Столѣтникъ. Лолли. Полу-богъ. Бѣлый пудель. Слоны. Въ нѣдрахъ земли. Палачъ. На рѣкѣ. Бѣдный принцъ. Чудесный докторъ. Надъ землей.

Томъ X. Жидкое солнце. Черная молнія. Мученикъ моды. Анаѣма. Кислородъ. Свѣтлый конецъ. Слоновая прогулка. Медвѣди. Барбось и Жулька. Бонза. Дѣтскій садъ. Таперъ. Ужасъ. Негласная ревизія. Духъ вѣка. Оборотень. Кровать. Первенецъ. Чары. Пиратка. Сны. Локонъ. Погибшая сила. По заказу. Легенда. Самоубійство. Пасхальныя яйца. Травка. Зачарованный глухарь. Путешественники. О Чеховѣ. Замятка о Джекѣ Лондонѣ.

Томъ XI. Капитанъ. Тараканья щель. Марья Ивановна. Въ медвѣжьемъ углу. Удавъ. Заклятіе. Масленица въ Финляндіи. Люція. Запечатанные младенцы. Фараоново племя. Наридиссъ. Безъ заглавія. Милліонеръ. Винная бочка. Ежъ. Наше оправданіе. Умеръ смѣхъ. Лазурные берега.

Подготавливается къ печати томъ IX.

Цѣна каждаго тома въ обложкѣ работы М. И. Соломонова—1 р. 50 к., въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ—2 р. 25 к.

А. КУПРИНЪ.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Роскошное изданіе со многими иллюстраціями М. И. Соломонова въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна въ обложкѣ 2 р. 25 к., въ изящномъ переплетѣ по рисунку художника М. И. Соломонова 3 р.

Изданія для народныхъ школъ и библиотекъ:

БѢЛЫЙ ПУДЕЛЬ. Съ иллюстр. М. И. Соломонова. Цѣна 40 к.

СЛОНЫ. Съ иллюстр. М. И. Соломонова. Цѣна 25 к.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ТОМЪ XIV.

САШКА ЖЕГУЛЕВЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Паша Тумановъ. Куприянъ. Подпрапорщикъ Голо-
ловъ. Кровь. Бунтъ. Жена. Ужась.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Изъ подвала. Смерть Ланде. Тѣни утра. Кровавое
пятно. Изъ записокъ одного человѣка. Богъ.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Сильнѣе смерти. Деревянный чурбанъ. Мститель. О
ревности. Преступленіе доктора Лурье. Разсказъ объ одной пощечинѣ. Романъ
маленькой женщины. Злодѣй. Пропастъ. Счастье. Записки писателя.
О смерти Чехова. Смерть Башкина. О Толстомъ. Отъ малаго ничтожнымъ.
По поводу одного преступленія. Частное письмо. Учителя жизни. Эпидемія само-
убійствъ. Кольцо Пушкина. Проповѣдь и жизнь. Самоубійство.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Человѣческая волна. Милліоны.

Томъ V. РАЗСКАЗЫ. Рабочій Шевыревъ. Сказка стараго прокурора. Стар-
ая исторія. Палата неизлѣчимыхъ. Братья Аримаевскіе. Смѣхъ. Изъ дневника
одного замѣчательнаго покойника. Разсказъ о великомъ знаніи.

Томъ VI. У послѣдней черты. Романъ, ч. I.

Томъ VII. У послѣдней черты. Романъ, ч. II.

Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к. Въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ 2 р.

СЕМЕНЬ ЮШКЕВИЧЪ.

УЛИЦА. Повѣсть. Ц. 75 к.

ГОЛУБИ. Повѣсть. Ц. 1 р.

В. ВИННИЧЕНКО.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Моментъ. Невольникъ красоты. Глумленіе. Гольтьба.
Истинно-украинець. Нѣчто большее насъ. Купля. Странное происшествіе.
Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Мелочь. Два эпизода. Записная книжка. Контрасты.
Таинственный случай. Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій. Кузь и Грыцюнь.
Ц. 1 р. 25 к.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Федька-Халамидникъ. Красота и сила. Мнимый
господинъ. Зина. У молотилки. Таинственность. Исторія Акімова зданія.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Талисманъ. Хвостатые. Ожиданіе. Лучъ солнца.
Тайна. Маленькая тайна. На рабочемъ пунктѣ. Исторія съ Костей. Базаръ.
Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. На вѣсахъ жизни. (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. РАЗСКАЗЫ. (Печатается).

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

МЕЧТЫ о ЖИЗНИ. Лѣсной сторожъ. Меблированныя комнаты. Виолон-
чель. Одичалые. Памятка. Конецъ купца Столѣтова. «Чижигово горе». Тишай-
шій. Капитанъ Степановъ 2-й. Хуторъ Терехова. Анжелика. Жизнь Игнатія
Ильича. Въ чужомъ городѣ. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЫШНИ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. (4-е изд.).

СКАЗКА ЛЮБВИ. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

ДѢВСТВЕННОСТЬ. Романъ. Съ предисловіемъ автора. (2-е изд.).
Ц. 1 р. 50 к.

НЕВОЗВРАТНОЕ. Изъ вешняго времени. Восемь лѣтъ. Ц. 1 р. 25 к.

Тѣни любви. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I (съ портретомъ автора). Ранніе всходы. Ранніе всходы. Единица. Грѣшникъ. Предатель. Обостренныя отношенія. Бродячій мальчикъ. Лощадка. Коля и Колька. Сосѣдка. Хаврюшка. Дуняшка. Добрый баринъ. Волшебникъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. СТУДЕНТЫ ПРИѢХАЛИ. Студенты приѣхали. Gaudeamus igitur. Въ дѣсу. Калигула. На стоянкѣ. Съ ночевой. Прогрессъ. Цензоръ. Лунная ночь. Одуванчикъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ III. ЧУЖЕСТРАНЦЫ. Чужестранцы. Инвалиды. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IV. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ. Въ лощинѣ межъ горъ. Фаустъ. Мужъ. Хромой Капитуляція. Учитель. Испортилась. Въ сугробахъ. Человѣкъ съ прошлымъ. Чортова жалость. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. МАРЬКА ИЗЪ ЯМЪ. Марька изъ ямъ. Танино счастье. Имениница. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ. На дворъ во флигелѣ. Иванъ Миронъчъ. Марья Ивановна. Царь природы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VII. МЯТЕЖНИКИ. Мятежники. Романъ въ клѣткѣ. Блудный сынъ. На порукахъ. Въ отставку. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VIII. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДРАМА. Евреи. Мужики. Домъ Кочергиныхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IX. ДРАМЫ-СКАЗКИ. Колдунья. Лѣсныя тайны. Черная смерть. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ X. ТИХІЙ ОМУТЬ. Въ погонѣ за прогрессомъ. Что такое исправница. Злоба дня. Таланты и поклонники. Обыватель и микробы. Некому заступиться. Въ услуженіи. На окраинахъ. Балетъ въ пользу дома трудолюбія. Голосъ купца. Про мужиковъ. Объединеніе сословій. Награда къ праздничкамъ. Разговоры. Врагъ внутренній. Юбилей Якова Ивановича. Инциденты. Развлеченія. О взяткѣ и ея эволюціи. Бей его, мерзавца! Доброе имя квартального надзира-теля. Дѣло о палкѣ съ набалдашникомъ. Захаръ Петровичъ. Народный театръ. Бѣдные дворяне. Обыватель и полиція. Сосуны. Гражданское мужество. Народные просвѣтители. Ученые обыватели. Орловская Коробочка. Бѣда съ мужикомъ! Либеральный директоръ. О воспитателяхъ. Театръ—школа народа. Подъ гнетомъ подозрительности. О родителяхъ и учителяхъ. Посвященіе русскому народу. Что такое—правда. Не суйся, куда не спрашиваютъ! Столпы уѣзднаго земства. О незамѣтныхъ труженикахъ земства. Гоненіе на книгу. Футлярные люди. Инженеры сухопутные. Батюшка съ матушкой. О «свѣтлыхъ явленіяхъ». Религіозное воспитаніе. Въ поискахъ за правосудіемъ. Лягушки. Одинъ въ полѣ воинъ. Радикальное средство. На родинѣ Некрасова. Провинціальная печать. Новая организація гласности. Престижъ власти. Въ сахарномъ королевствѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XI. ПЛѢНЪ СТРАСТЕЙ. Плѣнъ страстей человѣческихъ. Сказка жизни. На порогѣ жизни. Товарищъ. Соломонъ и Розалія. Передъ смертью. Баба. Сердянка республика. Волкъ. Миниатюры. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XII. ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ. Сирень. Тяга. Кладъ. На козлахъ. Въ дорогѣ. Лушка. Водяной. На току. Русалка. Сосѣдка. Городокъ. Королевна Эхо. Осенній сонъ. Сказка. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XIII. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. I-я. ЮНОСТЬ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. II-я. ИЗГНАНІЕ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XV. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. III-я. ВОЗВРАЩЕНІЕ. Ц. 1 р. 50 к.

ПОБѢДКА НА БАЛКАНЫ. Замѣтки военнаго корреспондента. Ц. 75 к.

Обложки работы М. И. Соломонова.

Цѣна каждаго тома въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ на 75 коп. дороже.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СЛАВЯНСКОЕ ГОРЕ. I. Отъ автора. II. На порогѣ I—II. Римъ,—итальянцы и балканскій вопросъ.—Вѣнская дипломатія и др. Мандль.—Славянская молодежь изъ австрійскихъ земель.—III. Скорбь Черной горы I—II. Страна, которой некуда идти.—Неизбѣжность войны.—Князь Николай.—Антивари и Спицца.—Цетинье.—I. Сербское горе I—IX. Аннексія.—Прошлое Австріи въ Боснии и Герцоговинѣ.—Народное настроеніе къ самозащитѣ.—Жалкія роли русской дипломатіи.—Тяжелые дни, когда «погибла Сербія».—Георгій Карагеоргиевичъ.—Вопросы сербско-русскаго единенія и торговли.—V. Македонія и младотурки I—II. Цѣна 1 р. 50 к.

ЭХО: Въ наши дни. Эзопова линія. Междудумье. Зміи. Джигиты. Отцы и дѣти 1. Отцы и дѣти 2. Евгений Пассекъ 1. Евгений Пассекъ 2. Не тотъ Толстой. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Балканская гроза: 1. Наканунѣ. 2. Фердинандъ подъ Константинополемъ. 3. Албанскій вопросъ. 4. Живковичъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАБЫТЫЙ СМѢХЪ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» выпускаетъ три сборника Александра Амфитеатрова, посвященные русскимъ сатирикамъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

Въ эти невыгодные для русской сатиры дни невольно обращаешься предисловію, «русское общество рванулось было къ сатирѣ: отрадное явленіе, постоянно сопровождающее эпохи пробужденія страны отъ гражданской спячки и вѣрный знакъ, что пробужденіе это совершается во-время. Но порывъ оказался бесплоднымъ и безсильнымъ. Освободительное движеніе быстро было смято, а контръ-революціонные годы не замедлили уложить пробудившуюся было сатиру опять на подушку безсрочнаго сна. Нѣкоторую же привычку, пріобрѣтенную обществомъ, предписано удовлетворять суррогатомъ такъ называемаго безбиднаго юмора. Послѣдній, въ роли поставщика забавностей на хохотъ мичмана Пѣтухова и Иванушки-дурачка, чувствуетъ себя сейчасъ весьма недурно: и публика его любитъ и полиція одобряетъ, такъ что ласковому теляти остается только, ведя себя умненько, двухъ матокъ сосать...

Въ эти невыгодные для русской сатиры дни невольно обращаешься мыслью къ воспоминаніямъ о прошлыхъ ея дняхъ, которые были ея побѣднымъ праздникомъ, когда она была весела и грозна, зла и сильна, талантлива и цѣлесообразна. Когда ея отрицаніе, по истинѣ, «строило разрушеніемъ». Когда ея политическая мысль и темпераментъ поставили русское общество подъ свою повелительную ферулу, и страхъ стать жертвою сатиры перевоспитывалъ самыя дикія и упрямые стороны русскаго общественнаго организма на новый ладъ, обтесывая русскую «новью» въ культуру и гражданственность».

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

I. Отъ составителя. «Поморная муза». Въмѣсто предисловія. Девизы «Поморной музы». II. В. С. Курочкинъ. III. Г. Н. Жулевъ («Скорбный поэтъ IV. Н. С. Курочкинъ. V. В. И. Богдановъ («Власъ Точечкинъ»). VI. Н. I. Король VII. Козьма Прутковъ въ «Искрѣ». Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ (подготавливается къ печати).

I. П. И. Вейнбергъ. II. В. П. Буренинъ. III. Амосъ Шишкинъ. IV. Владиміръ Тихановичъ. V. Л. И. Пальминъ. VI. Ломанъ-Гнутъ и стихотворная пародія «Искрѣ». VII. Приложение: Друзья и союзники «поморныхъ»: И. И. Панзевъ, Н. А. Добролюбовъ, П. В. Шумахеръ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ (подготавливается къ печати).

I. Д. Д. Минаевъ. II. Дядя Пахомъ. III. А. Лакида. IV. Позднѣйшіе и второстепенные сотрудники: Стародубскій, Страннолюбскій, Комаровъ, Клеймо и т. д. V. Случайные сотрудники. VI. Приложение: друзья, гости и союзники «Искрѣ»: Губеръ, Бенедиктовъ, Бернеть, Грековъ, Полонскій, Гербель, Алмазовъ, Мей.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ЭРТЕЛЯ

въ 7-и томаѣхъ, около 170 печатныхъ листовъ, съ портретомъ автора (въ перв. томѣ), критико-біографической статьей. **Ө. Д. Батюшкова** и предисловіемъ гр. **Л. Н. Толстого** къ роману «Гарденины».

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ	I. Записки Степняка. Часть 1-я.
"	II. " " " 2-я.
"	III. Волхонская барышня. Минеральные воды. 1 р. 50 к.
"	IV. Двѣ пары. Бабій бунтъ. Жадный мужикъ. Карьера Струкова 1 р. 50 к.
"	V. Гарденины. Часть 1-я.
"	VI. " " " 2-я.
"	VII. Смѣна. Въ сумѣрахъ. Пятихины дѣти. Духовидцы. Специальность Восторги. Разговоръ. 2 руб.

Цѣна за всѣ 7 томовъ въ обложкѣ работы **И. Я. Билибина**—10 р., въ изящныхъ полукожаныхъ переплѣтахъ—15 р. Томы I, II, V и VI отдѣльно отъ собранія сочиненій не продаются.

Изъ предисловія графа **Льва Николаевича Толстого** къ
роману „Гарденины“.

«Я очень радъ былъ случаю перечестъ Гардениныхъ. Несмотря на нездоровье и занятія, начавъ читать эту книгу, я не могъ оторваться, пока не прочелъ всю и не перечелъ нѣкоторыхъ мѣстъ по нѣскольку разъ.

«Главное достоинство, кромѣ серьезности отношенія къ дѣлу, кромѣ такого знанія народнаго быта, какого я не знаю ни у одного писателя, кромѣ сильной, часто несознаваемой авторомъ любви къ народу, который онъ иногда хочетъ изображать въ темномъ свѣтѣ,—неподражаемое, нестрѣчаемое нигдѣ достоинство этого романа, это удивительный по вѣрности, красотѣ, разнообразію и силѣ народный языкъ. Такого языка не найдешь ни у старыхъ, ни у новыхъ писателей. Мало того, что народный языкъ его вѣренъ, силенъ, красивъ, онъ безконечно разнообразенъ. Старикъ дворовый говоритъ однимъ языкомъ, мастеровой другимъ, молодой парень третьимъ, бабы четвертымъ, дѣвки опять инымъ.

«...Для того, кто любитъ народъ, чтеніе Эртеля—большое удовольствие. Для того же, кто хочетъ узнать народъ, не живя съ нимъ, чтеніе—это самое лучшее средство. Для того же, кто хочетъ узнать языкъ народный, не древній, которымъ уже никто не говоритъ, и не новый, которымъ, слава Богу, говорятъ еще не многіе изъ народа, а тотъ настоящій, сильный, гдѣ нужно—нѣжный, трогательный, гдѣ нужно—строгий, серьезный, гдѣ нужно—страстный, гдѣ нужно—бойкій и живой языкъ народа, которымъ, слава Богу, еще говорить огромное большинство народа, особенно женщинъ, старыхъ женщинъ, тому надо не читать только, а изучать народный языкъ Эртеля».

Левъ Толстой.

Ясная Поляна, 10 декабря 1908 г.

М. ПРИШВИНЪ.

Заворощка. Манифестъ 17-го октября въ деревнѣ. Какъ я укрѣплялъ тещу Никифора. Польна и Аграмачъ. Какъ быть съ мужиками. Дубовый долъ. Дружная весна. Тюленькинъ логъ. На свѣтлой землѣ. Адамъ и Ева. Первые земледѣльцы. У Чортова озера. Соловки. Спасъ-чекрякъ. О братцахъ. Не отъ міра сего. Голгофское христіанство. Отклики на смерть Толстого. Сборная улица и др. Ц. 1 р. 25 к.

АЛ. БУДИШЕВЪ.

СЪ ГОРЪ ВОДА. Съ горъ вода. На красномъ холмѣ. Въ лѣсной избѣ. Петрушка Рокамболь. Одуванчикъ. Пикарь. Пари. Благополучіе. Портсигаръ. Черная топь. Ц. 1 р. 25 к.

СТРАШНО ЖИТЬ. Страшно жить. Тата. Въ людской. Бѣсъ ревности. Долгъ совѣсти. Страшный фургонъ. Нервы. Въ городѣ. Игнатка. Глюглю. Голубая жирафа. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЮБОВЬ—ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Любовь—преступленіе. Королева Марго. На другой день. Бѣлая рѣснина. Родька. Боязнь ужасовъ. Сонный зѣвъ. Искушеніе Саверія. Неладное дѣло. Его оруженосецъ. Я и онъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДАЛИ ТУМАННЫЯ. Дали туманныя. Оптимистъ и пессимистъ. Болото. Хуторокъ. Урокъ. Кольцо. Собачья жизнь. Бурной ночью. Молодой другъ. Нордъ-Остъ. Разбойникъ Измерай. Дикарь. Агашка. Доброе дѣло. Письмо. Фидель. Женихи. Епифоркино счастье. Бритва. Среди дымныхъ бугровъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДИКІЙ ВСАДНИКЪ. Дикій всадникъ. Орги. Она. Лучшей другъ.

БѢДНЫИ ПАЖЪ. Бѣдный пажъ. На палубѣ. Евтишкино дѣло. Въ дѣтской. Гибель. Мишенька Разуваевъ. Была ночь. Солнечные дни. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗЛОМЫ ЛЮБВИ. Изломы любви. Безуміе ли. Вешніе зовы. Распря. Уголекъ. Помпей. Астра. Неравный бракъ. Разныя понятія. Черный ангелъ. Лебединая пѣсня. Которая изъ двухъ. Братъ. Дуракъ. Жертва полемики. Благодатное небо. Счастье. Сюрпризъ. Кто я. Препятствіе. Свѣтлый гость. Въ лѣсу. Смерть. Лѣсная идиллія. Жажда жизни. Ц. 1 р. 25 к.

ХАТА СЪ КРАЮ. Хата съ краю. Пріятель. Хамъ. Городъ. Дорогой рубинъ. Малиновка. На страшной доскѣ. Въ неприятной компаніи. Домикъ въ лѣсу. Катастрофа. Подъ вой Ріона. Глунья. Разбойники. Воронъ. Пастухъ. Смагинъ. Фальшивая монета. Капканчики. Бѣлая акація. Дочь клоуна. Ц. 1 р. 25 к.

ЗИНАИДА ГИППУСЪ.

ЧЕРТОВА КУКЛА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

РОМАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

А. М. ѲЕДОРОВЪ.

ЗЕМЛЯ (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

ЖАТВА. Удостоена Императорской Академіей Науиъ почетнаго отзыва имени А. С. Пушкина. Содержаніе: Жатва. Король мустанговъ. Актриса. Ледъ. (Изданіе 2-е). Ц. 1 р. 25 к.

ПРИРОДА (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

БУРУНЫ. Долгъ. На зарѣ. Степанъ Стоговъ. Сказка. Судъ Соломона. Женщина. Съ матерью. Идолъ. Весенній день. Воспитаніе. Пѣвица. Человѣкъ. Ц. 1 р. 25 к.

СТЕПЬ СКАЗАЛАСЬ (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

КОРОЛЕВА. Королева. Чудо. Птицеловъ. Любовь и смерть. Феноменъ. Змѣй. Чинovníкъ. Коллега. Любовь. Стихи. Ц. 1 р. 25 к.

БАДЕРА. Балера. Книги. Замокъ слезъ. Гастроль. Счастличикъ. Признаніе. Компенсация. Рыбаки. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ГЛАЗА (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

МОРЕ. (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

А. КИПЕНЪ.

РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Метеорологическая станція. Шпіонъ. Виць. Запасный лафеть. Бирючий островъ. Аграрный вопросъ. На берегу залива Ливерантъ. Иже еси на небеси. Мга. Ц. 1 р. 25 к.

АННА МАРЪ.

НЕВОЗМОЖНОЕ. Невозможное. На волю. Жена. Мертвые листья. Обычное. Вода. Вѣтеръ. Люля Бэкъ. Приѣздъ Риты. Любовь. Двѣ. Горе. Ой, бѣда! Одинъ день. Вербочки. Дурманъ. Ея сочельникъ. Янина. За вышиваніемъ. Настроенія. Подруги. Исповѣдь. Женщина. Признаніе. Стаканъ кофе. Мертвое. Правда. Ц. 1 р. 25 к.

ИДУЩЕ МИМО. Идушіе мимо. Богъ. Лампады незажженные. Ц. 1 р. 25 к.

ВЛАДИМИРЪ ЛЕНСКИЙ.

ПОДЪ ГНѢЗДОМЪ АИСТА. Подъ гнѣздомъ аиста. Невѣста. Такъ бываетъ. Мать. Ц. 1 р. 25 к.

БѢЛЫЯ КРЫЛЬЯ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

Н. КИСЕЛЕВЪ.

МИРАЖИ. Жестокость. Подъ одѣяломъ. Леночка. Мигъ единый. На зарѣ. Темный домъ. У грани. Ошибка. Амариллисъ. Смерть. Маревъ. Ц. 1 р. 25 к.

Н. ОЛИГЕРЪ.

РАЗСКАЗЫ. Ночныя тѣни.—Вишни.—Заповѣдное.—Обреченные.—За штатомъ.—Разломъ.—Одинъ. Ц. 1 р. 25 к.

Д. КРАЧКОВСКИЙ.

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА. Золотая карета. Знаменитый скульпторъ. Весна въ Москвѣ. Ледяныя сосульки. Жемчужное ожерелье. Тайна. Розовое перо. Ц. 1 р. 25 к.

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

АРКАДЬЕВКА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

БЛИЗКОЕ и ДАЛЕКОЕ. Эврика. Я, ты, онъ. Ненависть. Романъ въ Крыму. Анна. Пасторальный триптихъ. Карма. Бѣлый слонъ. Тиранъ. Когда пали стѣны храма. Ц. 1 р. 25 к.

ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ въ 3-хъ частяхъ.

В. В. БРУСЯНИНЪ.

МУЖЧИНА. Мужчина. Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ подъ ред. И. Бунина.

Книга первая. Возвращеніе Имрѣя.—Могила предка.—Мостостроители.—На голодѣ.—Рикша съ того свѣта.—Трагикомедія.—Три солдата.—Дѣло рядового.—Среди отверженныхъ.—Лиспетсъ.—Безъ благословенія.—Всѣ мы трое—одно.—Въ шахтѣ.

Книга вторая. Въ городской стѣнѣ.—Близнецы.—Въ разливѣ.—Бизеза.—Начальникъ области.—Въ лѣсу.—Молодые сапапы.—Въ проходѣ.—Пиратъ съ маяка.—На полицейскомъ посту.—Судъ Дунгары.—На краю пропасти.—Ревность орангутанга.—Ви Вилли Винки.—Бывшій человекъ.—Дочь полка.—Припадокъ рядового. Ортериса.—Съ главнымъ карауломъ.—«Любовь женщинъ».—Исчезнувшій полкъ.—Ложь.

Книга третья. Исторія Мугаммедъ Дина.—Дверь Ста Печалей.—Въ домѣ Судгу.—Сансъ миссъ Югхэль.—Покинутый всѣми.—Квиквернъ.—Королевскій анкъ.—Откуда пошелъ страхъ.—Нашествіе Джунглей.—Рыжія собаки.—Весна идетъ.—Могилишки.—Тумаи Слоновый.—Бѣлый тюлень.—Чудо Пурунъ Багата. Обложки работы И. Я. Билибина. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Рерьардъ Киплингъ съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на литературномъ поприщѣ получилъ почетную извѣстность сначала въ Англии, а затѣмъ скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Эта извѣстность, съ выходомъ въ свѣтъ каждаго новаго его произведенія, распространялась все шире и шире, что и засвидѣтельствовано присужденіемъ въ 1908 г. Р. Киплингъ, на международномъ конкурсѣ современныхъ представителей изящной литературы, преміи Нобеля.

Не преувеличивая можно сказать, что никто изъ современныхъ писателей не превзошелъ Киплинга въ яркости рисуемыхъ имъ картинъ и жизненности изображаемыхъ типовъ. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются тѣ изъ его произведеній, темы которыхъ взяты изъ англо-индійской жизни, но ошибочно было бы думать, что интересъ ихъ обусловливается исключительно тою сказочною для европейца стороной природы Индіи и быта многочисленнаго населенія ея, которая до Киплинга почти только и затрогивалась художниками печатнаго слова и кисти. Киплингъ первый заговорилъ объ Индіи реальной, будничной, и потому имѣющей общечеловѣческое значеніе. Въ своихъ произведеніяхъ, на яркомъ фонѣ своеобразной англо-индійской жизни, онъ далъ рядъ глубокихъ психологическихъ анализовъ духовнаго міра туземцевъ. Рядомъ съ этимъ съ неподражаемымъ искусствомъ, съ тонкимъ юморомъ, съ одной стороны, и глубокой правдивостью—съ другой, изобразилъ онъ и типы соотечественниковъ во взаимоотношеніяхъ ихъ съ коренными жителями страны.

Печатается книга четвертая.

ЛЮБОВЬ

въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка.

Письма собраны и переведены Анастасіей Чеботаревской. Предисловіе Федора Сологуба. Обложка С. Ю. Судейкина. Заставки С. Ю. Судейкина и Н. К. Калмакова.

Въ собраніе вошли письма: Бодлэра, Байрона, Бальзака, Бетховена, Бѣлинскаго, Берне, Вагнера, Вольтера, Гамбетты, Гарибальди, Гейне, Гѣте, Грибоѣдова, Гюго, Герцена, Державина, Екатерины II, Ж. Зандъ, Жуковскаго, Ибсена, Клейста, Лассала, Ланкло, Ленуа, Мирабо, Мюссе, Элгара По, Наполеона I, Огарева, Пушкина, Потемкина, г-жи Роланъ, г-жи Сталь, Вл. Соловьева, Стендаля, А. Толстого, Л. Толстого, Тургенева, Успенскаго, Фихте, Флобера, Чернышевскаго, Шатобріана, Шиллера, Шумана, Эртеля и др.

Страницъ 568. Цѣна 2 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Ж. Ж. НОВЕРРЪ.

Письма объ изобразительныхъ искусствахъ вообще и о танцѣ въ частности.

Переводъ, предисловіе и примѣчанія М. Ликиардопуло.

Новерръ—знаменитый балетмейстеръ XVIII-го вѣка, прозванный „Шекспиромъ танца“ Чрезвычайно видное сочиненіе его, переводъ котораго впервые предлагается русскимъ читателямъ, давно признано и одѣнено всѣми изучающими и интересующимися не только танцемъ, но и изобразительными искусствами вообще, какъ одно изъ классическихкихъ сочиненій по эстетикѣ театра. Свыше 150 лѣтъ тому назадъ Новерръ требовалъ отъ исполненія балета и оперы осмысленности и логичности, отъ актера—переживанія и „воплощенія“ въ игрѣ, т.-е. тѣхъ качествъ, за которыя въ наши дни борются передовые дѣятели сцены.

Вотъ, что писалъ Новерру Вольтеръ по поводу его книги: „Я прочелъ ваше гениальное сочиненіе... заглавіе его говоритъ только о танцѣ, но вы озаряете яркимъ свѣтомъ всё искусства... вашъ стиль столь же краснорѣчивъ, какъ балеты ваши вдохновенны...“

Изящное изданіе съ портретомъ автора и др. иллюстраціями.

ВЛАДИСЛАВЪ РЕЙМОНТЪ.

ВАМПИРЪ. Авторизованный переводъ Е. Загорскаго. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЬЗА ІЕРУЗАЛЕМЪ.

КРАСНЫЯ ДОМЪ. Романъ въ двухъ томахъ. Переводъ подъ редакціей Я. Бермана. Обложка А. М. Арштама. Цѣна за оба тома 1 р. 75 к.

АНРИ БЕРНШТЕЙНЪ.

ИЗРАИЛЬ. Драма въ 3-хъ актахъ. Переводъ Н. П. Корелиной, съ предисловіемъ Г. А. Рачинскаго. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ МАННЪ.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО. Романъ. Переводъ подъ редакціей Г. А. Рачинскаго. Ц. 1 р. 50 к.
КРУШЕНІЕ СЕМЬИ (Будденброки). Романъ, ч. I. Переводъ Ю. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.

БЕННО ЭРДМАННЪ.

НАУЧНЫЯ ГИПОТЕЗЫ о ДУШѢ и ТѢЛѢ.

Переводъ Н. Н. Вокачъ и прив.-доц. Моск. унив. И. Ильина. Ц. 1 р.

У. Ф. БАРРЕТЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПСИХИКИ.

Перев. съ англ. подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова. Ц. 1 р. 25 к.

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» имѣть въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутренній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно на нее воздѣйствовать.

Все издание составитъ 15 том., въ которые войдутъ слѣд. сочиненія:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка. Ц. 2 р.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе—«Введеніе въ науку о дитяти». Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различныя методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

Д. А. Колодца. Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Ц. 1 р. 50 к.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ея возникновеніе и развитіе, опредѣлить ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра рассматривается какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторыя цѣнныя положительныя совѣты въ этой области. Средняя часть книги—«Игра въ исторіи педагогики»—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Б. Пэре. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели. Ц. 1 р. 50 к.

Терминъ «моральный» берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе «нравственный», и, благодаря этому, въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ рассматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиненія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ (нравственнымъ и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбіи и пр.

Возставая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто «знаніямъ», авторъ стремится показать, что бѣльшее значеніе имѣеть для дѣтей собственное «дѣланіе». Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполне усваиваетъ различныя познанія—проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ опредѣленной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

А. Чемберленъ. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. (Въ двухъ томахъ).

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Подобно Болдуину, и Чемберленъ разсматриваетъ развитие ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходит къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода.

(Въ двухъ томахъ). Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ—такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, разсматриваетъ цѣлый рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д.—и даетъ обстоятельный научный анализъ каждаго изъ нихъ.

С. Холлъ. Собраніе статей по педологіи и педагогикѣ. Ц. 2 р. 50 к.

С. Холлъ—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холлъ самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризаціи знаній въ этой области. Имя его пользуется большою извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (собраніе статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ) и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

Б. Перэ. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящей работѣ авторъ разсматриваетъ тотъ періодъ, когда у ребенка вполне сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительною. Здѣсь разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, разсматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія.

(Въ двухъ томахъ). Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіею по докладу Г. Гефдинга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, какъ слагается въ ребенкѣ «соціальное существо», благодаря влияніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на ряду съ научной цѣнностью пріобрѣтаетъ также большое практическое значеніе.

Печатается:

М. Шиннъ. Записки о развитіи ребенка. (Въ двухъ томахъ).

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до грехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любяще взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющагося процесса, происходящаго въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

Печатается:

С. Холль. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознывая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ специально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинается формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холль настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго оученія, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

Принимается подписка.

Подписная цѣна за 15 томовъ—22 р. 50 к. Въ изящныхъ коленкорovýchъ переплетахъ—31 р. 60 к.

Условія уплаты: при подпискѣ на изданіе въ переплетахъ—задатокъ 1 р. 60 к. и при полученіи каждаго тома, по 2 р.; безъ переплетовъ—задатокъ 1 р. 50 к. и при полученіи каждаго—тома по 1 р. 60 к. Доставка и пересылка за счетъ издательства.

РИХАРДЪ АВЕНАРИУСЪ.

О ПРЕДМЕТѢ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ И. Маркова. Ц. 60 к.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВУНДТЪ.

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ прив.-доц. Моск. унив. Д. Викторова. Ц. 2 р. 50 к.

ФРИДРИХА НИЦШЕ

при сотрудничествѣ: Андрея Бѣлаго, В. Я. Брюсова, Т. Б. Гейликмана, Е. К. и А. К. Герцыкъ, М. О. Гершензона, Вячеслава Иванова, И. А. Ильина, Л. С. Мееровича, Э. К. Метнера, А. С. Петровскаго, С. Л. Роговина и др.

«Московское Книгоиздательство», желая пойти навстрѣчу давно на-
зрѣвшей среди русской читающей публики потребности, предприняло издание
на русскомъ языкѣ полнаго собранія сочиненій великаго нѣмецкаго философа-
поэта. Оно рѣшило дать всѣмъ интересующимся творчествомъ Ницше, но не
имѣющимъ возможности изучить его сочиненія въ подлинникѣ, образцовый,
наиболѣе близкій къ оригиналу переводъ, для чего привлекло къ участію въ
переводной работѣ лучшія литературныя и научныя силы, преимущественно
изъ числа писателей, занимавшихся специально изученіемъ Ницше.

Задавшись цѣлью, по мѣрѣ возможности, облегчить русскому читателю
задачу изученія твореній Ницше, издательство нашло цѣлесообразнымъ вос-
произвести на русскомъ языкѣ не только сочиненія Ницше, законченныя и
изданныя при жизни автора, но и важнѣйшія изъ оставшихся въ рукописяхъ
работъ его, а также почти весь библиографическій матеріалъ, данный въ
нѣмецкомъ изданіи фирмы С. G. Naumann въ Лейпцигѣ; кромѣ того, изданіе
будетъ пополнено оригинальными статьями, объясненіями, комментаріями и
т. д., написанными для русскаго изданія специалистами; въ послѣднемъ же
томѣ будетъ дана біографія Ницше, составленная на основаніи всѣхъ опубли-
кованныхъ до настоящаго времени матеріаловъ.

Все изданіе составитъ деять роскошныхъ томовъ (около 5000 стр. текста)
съ приложеніемъ портретовъ Ницше, факсимиле его рукописей, видовъ мѣстно-
стей, гдѣ онъ жилъ и пр.

Томъ I-й. Рожденіе трагедіи и др. Пояснительныя статьи: проф. Э. Зѣлин-
скаго, Е. Фѣрстера-Ницше. Ц. 3 р. 50 к. Томъ II-й. Несвоевременныя размышле-
нія. Мы филологи. Пояснительныя статьи: Е. Фѣрстеръ-Ницше, Э. Метнера,
С. Франка. Ц. 3 р. Томъ III-й. Человѣческое слишкомъ человѣческое. Отдѣль-
ныя замѣчанія о культурѣ, государствѣ и воспитаніи. Указатель афоризмовъ.
Пояснительныя статьи: Е. Фѣрстеръ-Ницше, С. Франка. Ц. 3 р. Томъ IX-й. Воля
къ власти. Пояснительныя статьи: Е. Фѣрстеръ-Ницше, Г. Рачинскаго. Ц. 3 р.

Цѣна каждаго тома въ роскошн. полукож. переплетѣ по рис. А. М.
Ариштама на 1 руб. дороже.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Томъ IV-й. Человѣческое слишкомъ человѣческое. II.
Статьи о Рихардѣ Вагнерѣ. Томъ V-й. Утренняя заря. Взглядъ на прошлое и
будущее народовъ. ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ: Такъ говорилъ Зара-
тустра, въ пер. Вячеслава Иванова, и др. томы.

Я. БЕРМАНЪ.

Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія.

Содержаніе: Діалектика у Маркса, Энгельса и Дицгена.—Діалектика у Ге-
геля.—Діалектическія схемы.—Діалектика и эволюція.

Цѣна 1 р. 25 к.

Р. ФАЛЬКЕНБЕРГЪ.

ИСТОРИЯ НОВОЙ ФИЛОСОФИИ.

Переводъ и редакция прив.-доц. Моск. унив. Д. Викторова.

Съ шестого нѣмецкаго пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ изданія. Ц. 3 руб. 75 коп.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Новый переводъ книги Фалькенберга представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для русской философской литературы. Отсутствие хорошаго перевода этой книги давно уже являлось значительнымъ пробѣломъ въ ряду немногочисленныхъ русскихъ общихъ курсовъ по исторіи новой философіи, а достоинства самаго сочиненія заставляли чувствовать этотъ пробѣлъ съ особенной силой. При значительной ясности и простотѣ изложенія Фалькенбергъ даетъ почти всегда сознаніе того, что излагаемая идея труднѣе, сложнѣе и глубже, чѣмъ онѣ могутъ быть характеризованы въ изложеніи; отношеніе его къ чужимъ мыслямъ всегда осторожно, внимательно, вдумчиво, и это даетъ ему возможность учесть и указать читателю такіе оттѣнки и стороны системъ, которые или не замѣчаются или просто отрицаются менѣе объективными изслѣдователями. Книга Фалькенберга есть прекрасное руководство для начинающихъ. Переводъ выполненъ хорошо, въ философскомъ отношеніи очень точно и ясно. Нѣсколько сдержанный и сухой языкъ нѣмецкаго оригинала вышелъ по-русски болѣе живымъ и изящнымъ...

«Русск. Вѣд.» 17-го ноября 1909 г.

К. МАРКСЪ.

КАПИТАЛЪ.

Первый полный переводъ подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Общая редакция А. Богданова.

Томъ I (съ приложеніемъ алфавитныхъ указателей ко всѣмъ тремъ томамъ)	Цѣна 2 р. 75 к.
„ II	„ 2 „ 50 „
„ III часть I	„ 1 „ 75 „
„ III „ II	„ 1 „ 75 „

Въ трехъ изящныхъ полукожаныхъ переплетяхъ 11 р. 50 к.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

«...но и въ 1905 г. второй и третій томы «Капитала» существовали на русскомъ языкѣ только въ явно негодномъ переводѣ Николая—она. Пробѣлъ этотъ взяли восполнить Н. Ленинъ, А. Богдановъ, В. Базаровъ и И. Степановъ... Они начали со второго тома и въ 1907 и 1908 годахъ выпустили второй томъ и оба выпуска третьяго. Скоро долженъ выйти и первый томъ... Я не свѣрлялъ всѣ 1300 страницъ новаго перевода съ подлинникомъ, но я свѣрилъ достаточно мѣстъ, чтобы имѣть право сказать, что новый переводъ—вполнѣ серьезное научное предпріятіе, выполненное, дѣйствительно, съ полной добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Чего-либо подобнаго невѣжественнымъ курьезамъ Николая—она здѣсь нѣтъ и слѣда. Попадаются, правда, неточности, но все это мелочи, неизбежныя при такомъ колоссальномъ трудѣ, какъ переводъ «Капитала», и не искажающія коренныхъ теоремъ автора). А переводъ Николая—она сплошь и рядомъ давалъ именно такое искаженіе»...

А. Изгоевъ («Русская Мысль», августъ 1908 г.).

В. ИЕРУЗАЛЕМЪ.

УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ съ четвертаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей прив.-доц. Моск. унив. Д. В. Викторова.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ качество руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Русская научно-популярная литература богата пособиями по психології, оригинальными и переводными, рассчитанными на читателей различной подготовки. Если мы, тѣмъ не менѣе, рѣшаемся предложить вниманію преподавателей философской пропедевтики переводъ новаго учебника, то это оправдывается выдающимися достоинствами, присущими пропедевтическому курсу проф. В. Иерузалема.

Первое изданіе этого учебника вышло въ оригиналъ въ 1888 году. Появленіе третьяго, заново переработаннаго изданія было отмѣчено очень сочувственно въ специальномъ психологическомъ органѣ *Zeitschrift für Psychologie* (кн. 32); четвертое изданіе одобрено австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и въ настоящее время принято во многихъ австрійскихъ гимназіяхъ.

Авторъ не примыкаетъ односторонне къ какой-нибудь психологической школѣ. Въ основу своего изложенія онъ кладетъ лучшіе курсы признанныхъ авторитетовъ психології и многочисленныя монографіи, стремясь использовать болѣе или менѣе равномерно всѣ источники психологическихъ знаний. Отправляясь отъ показаній самонаблюденій, онъ приводитъ данныя физиологической экспериментальной психології, психопатології, сравнительной психології и лингвистики. Отвлеченныя положенія поясняются многими наглядными примѣрами изъ классиковъ міровой литературы. Разсматривая психологію, какъ опытную науку, авторъ знакомитъ съ элементарными законами душевной жизни и поступаетъ совершенно правильно въ педагогическомъ отношеніи, не входя въ обсужденіе сложныхъ метафизическихъ проблемъ. Изложеніе отличается ясностью и простотой.

И въ научномъ и въ дидактическомъ отношеніи учебникъ проф. В. Иерузалема могъ бы служить и, дѣйствительно, послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ учебниковъ философской пропедевтики. Мы позволимъ себѣ высказать надежду, что предлагаемое нами руководство найдетъ себѣ доступъ въ нашу школу и будетъ содѣйствовать освѣженію и углубленію преподаванія философской пропедевтики.

Стр. VII—300. Цѣна 1 руб. 20 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

В. ИЕРУЗАЛЕМЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

Переводъ подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ДЖЭМСЪ ЭНЖЕЛЛЪ.

ПСИХОЛОГІЯ.

Переводъ съ англ. подъ ред. прив.-доц. Д. В. Викторова. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Д. М. БОЛДУИНЪ.

ИСТОРІЯ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ подъ ред. прив.-доц. А. П. Болтунова.